

Л. В. ОШАНИН

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ
НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И
ЭТНОГЕНЕЗ ЕЕ НАРОДОВ**

Часть 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЕРЕВАН—1959

СССР Олий таълим министрлиги
В. И. ЛЕНИН номидаги УРТА ОСИЕ ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА

Т Р У Д Ы
Новая серия, выпуск XCVIII
Исторические науки, книга 18

Л. В. ОШАНИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ
НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И ЭТНОГЕНЕЗ ЕЕ НАРОДОВ

Часть III

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Ереван—1959

Ответственные редакторы
проф. И. Д. РОМАНОВ и доц. А. П. САВИЦКИЙ

*Сорок лет
Великой Октябрьской
социалистической революции*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЭТНОГЕНЕЗ
УЗБЕКСКИХ ПЛЕМЕН И ТАДЖИКОВ ЮЖНОГО
ТАДЖИКИСТАНА, ЯГНОБЦЕВ И ТАДЖИКОВ ВЕРХОВЬЕВ
ЗЕРАВШАНА, ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН ЗАПАДНОГО ПАМИРА,
ТАДЖИКОВ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА И ТУРКМЕН

Г Л А В А I

ЭТНОГЕНЕЗ ТАДЖИКОВ И УЗБЕКСКИХ ПЛЕМЕН ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА ПО ДАННЫМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ*

1. Пестрота этнического состава населения Южного Таджикистана. Комплексное антрополого-этнографическое исследование узбекских племен и таджиков

Южная часть Таджикистана, расположенная в равнинах и предгорьях, орошаемых Кафирниганом, Вахшем и Кызыл-Су, отличается исключительной пестротой этнического состава своего населения. На этой территории, отделенной от равнин Узбекистана высокими горами, нашли приют многочисленные узбекские племена, часть которых в процессе этногенеза вливалась в состав узбекской народности, и ныне вошла в узбекскую советскую социалистическую нацию. С другой стороны, наряду с этими племенами, переселившимися сюда с севера из общего исходного ареала монголоидных по типу и тюркских по языку племен, в Южном Таджикистане живут также и таджики, являющиеся потомками древнейшего местного автохтонного ираноязычного европеоидного населения.

Открытые равнины междуречья в первую очередь населялись двигавшимися из степей Дешти-Кипчака монголоидными тюркоязычными племенами. Основная масса их давно перешла к оседлости, передала свой язык местному ираноязычному европеоидному населению, но сама смешалась с этим населением, и, как мы видели, в значительной степени была «ассимилирована» им в антропологическом отношении.

Части тюркских племен, дальше всего продвинувшиеся на юго-восток, поселились в равнинах и предгорьях, орошаемых правыми притоками верхней Аму-Дарьи — Кафирниганом, Вахшем и Кызыл-Су. Здесь они оказались изолированными от равнин междуречья, в которых оседала вся основная масса тюрко-монгольских племен. С севера от Ферганской долины их отделяют хребты—Туркестанский, Зеравшанский, Петра I и

* Антропологические экспедиции в Ю. Таджикистане проводились Институтом истории АН Узб. ССР и АН Тадж. ССР в 1952—53 гг. В расширенном виде, с 90 таблицами качественных и количественных признаков племенных и территориальных групп настоящая глава публикуется в Трудах АН Тадж. ССР.

Гиссарский; с запада от Самаркандской и Кашка-Дарьинской областей они отделены юго-западной частью Гиссарского хребта и хребтом Байсун-Тау. Окруженный горами, Юго-западный Таджикистан открыт только по течению Аму-Дарьи в сторону самой южной части Узбекистана, в Сурхан-Дарьинскую область. По мнению Н. Г. Маллицкого, высокие горы, являющиеся серьезным препятствием для передвижения конницы кочевников, служили своего рода «крепостью» для оседлого таджикского населения [97, стр. 66]. «Наоборот, невысокие горы Таджикистана (юго-западного—Л. О.) и их отроги доступны для движения конницы по всем направлениям. Недостаток воды препятствовал в этих горах земледелию. Эти невысокие горы представляют больше удобств для скотоводства; весною и в начале лета здесь могут прокормиться многочисленные стада... Благодаря всем этим обстоятельствам кочевники, раз проникнув в эти привольные для них места Южного Таджикистана, удержались здесь навсегда» [97, стр. 65]. Еще А. А. Семенов, побывавший в Юго-западном Таджикистане в 1898 г., отметил чрезвычайную пестроту этнического состава населения этих районов и явное отличие узбекских племен от таджиков не только по языку, но и по антропологическому типу [93, стр. 101, примечание 2].

После Октябрьской революции этнический состав населения Юго-западного Таджикистана был значительно уточнен исследованиями И. Магидовича [98] и Н. Г. Маллицкого [97, стр. 61—66]. В 1948—1949 гг. сотрудники Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР провели в Южном Таджикистане под руководством ст. научного сотрудника А. К. Писарчик две экспедиции [100 и 101]. Эти экспедиции собрали обширнейшие материалы по этнографии таджиков и узбекских племен Кулябской области. Этнограф Б. Х. Кармышева опубликовала на основе этих материалов ряд этнографо-исторических исследований [91—94]. Истории Кулябской области посвящено специальное исследование А. М. Беленицкого [39 и 40]. Материалы по археологии этой области приводятся в работах М. М. Дьяконова [49 и 50], В. А. Литвинского [63].

Но в антропологическом отношении Юго-западный Таджикистан почти совершенно не исследован. В своей известной монографии по антропологии Таджикистана В. В. Гинзбург [3] опубликовал материалы по антропологии лишь трех небольших групп таджиков самой восточной части Кулябской области районов Шуроабада, Дашти-Джума и Муминабада.

Учитывая полную неизученность антропологического состава многочисленных узбекских племен, весьма малую изученность таджиков Южного Таджикистана и важность сравнительно-антропологического исследования узбеков и соседящих с ними таджиков, Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана предложил Институту истории и археологии Академии наук Узбекистана провести совместное

комплексное этнографо-антропологическое исследование населения Юго-западной части Таджикистана.

Антропологический отряд обследовал те же районы и те же племенные группы, которые уже были исследованы этнографами. Таким образом комплексность исследования сохранялась.

Общее руководство антропологическими исследованиями было поручено профессору Л. В. Ошанину. В Южном Таджикистане были проведены две антропологические экспедиции в летние месяцы 1952 и 1953 гг. Экспедиции проводились под руководством доцента кафедры антропологии Среднеазиатского государственного университета, кандидата биологических наук В. Я. Зезенковой. В качестве лаборанток в сборе материала приняли участие студентка-дипломантка V курса кафедры антропологии Ср.-Аз. государственного университета в 1952 г. Астафьева, Кияткина, Носакина и Степаненко; в 1953 г. — Кияткина и Носакина. Исследовались как мужчины, так и женщины, что сильно повышает достоверность результатов расового анализа. Мужчины исследовались в возрасте от 20 до 60 лет, женщины — от 18 до 60 лет.

Все описательные признаки, как требующие большого опыта, определялись доцентом В. Я. Зезенковой, измерения проводились под ее наблюдением лаборантами.

Еще в 1935 г. Л. В. Ошанину удалось исследовать группу локайцев в районе Оби-Киика. Они включены в наши сравнительно-антропологические таблицы.

Таджики — уроженцы Муминабада и Бальджуана были исследованы в Кулябском районе, куда они совсем недавно переселились.

Как неоднократно указывалось выше, этногенез представляет собою комплексную проблему, требующую совместных исследований представителей различных дисциплин. Исследования, проводившиеся за последние годы в Южном Таджикистане этнографами, историками, археологами и антропологами, создавали исключительно благоприятные условия для разрешения не только проблемы узбекского народа в целом, но и вопросов этногенеза некоторых отдельных тюркских племен, в разное время появившихся в междуречье и ныне вошедших в состав узбекской социалистической нации.

Настоящая глава имеет своей задачей подчеркнуть плодотворность комплексного исследования одних и тех же этнических групп и осветить следующие вопросы:

1. Сохранили ли узбекские племена Южного Таджикистана «антропологические следы» своего происхождения из степей Дешти-Кипчака и какие из этих племен сохранили их в большей степени.

2. В какой степени результаты антропологического исследования таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана согласуются с данными по истории и этнографии этих племен.

Количество исследованных особей отдельных территориальных и родоплеменных групп весьма различно. В статистическую обработку вошли следующие группы.

Таблица 1

Обследованные территориальные и племенные группы Южного Таджикистана.

Узбекские племена				Т а д ж и к и		
Племена	Районы и год обследования	Число обследованных		Районы и год обследования	Число обследованных	
		муж.	жен.		муж	жен.
Локайцы	Оби-Киик 1935	67	—	Бальджуан, Муминабад 1952	117	126
"	Дангара 1952	95	100	Дангара	5	65
"	Яванская долина 1953	97	35	Кангурт	38	64
Карлуки	Дангара 1952	29	46	Ховалинг	36	49
"	Яванская долина 1953	79	77	Кызыл-Мазар	12	40
Барласы	Гиссарская долина 1953	76	150	Яванская долина	94	87
Симизы	Дангара, Шуроабад, Муминабад	31	32	Всего	355	431
Кесемиры	" 1952	35	43	Всего исследовано по подробной программе 2038 человек.		
Мусобари	Гиссарская долина 1953	26	16			
Джан-Катаган	Шуроабад 1953	22	22			
Каучин	Гиссарская долина 1953	21	14			
Кунграт	" 1953	17	25			
Миришкор	Шуроабад 1953	12	24			
Малочисл. племена	Разных районов	18	43			
	Всего	625	627			

2. Соотношение европеоидных и монголоидных компонентов у таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана

Мы видели, что на территории Узбекистана узбеки оказались более монголоидными, чем живущие в тех городах и районах таджики. Те же отношения наблюдаются у населения Южного Таджикистана (см. стр. 11—14).

В таблицах 2—5 представлены генеральные средние баллы (M общие для всех групп узбекских племен и всех групп таджиков), а равно минимальные (M_{min}) и максимальные (M_{max}) средние баллы важнейших качественных признаков, встретившихся у различных территориальных групп таджиков и различных узбекских племен; N —число исследованных по данному признаку.

По всем основным качественным признакам, дифференциальным

между монголоидами и европеоидами, мужчины узбекских племен значительно более монголоидны, чем мужчины-таджики (табл. 2).

Эпикантус среди узбекских племен встречается гораздо чаще, чем среди таджиков.

Положение глазного яблока в полости глазницы (балл 1—глубокое, 2—среднее, 3—выпуклое). Чем ниже средний балл, тем чаще встречаются особи с «впалыми» глазами, чем он выше—тем чаще встречаются «выпуклые» глаза. Судя по генеральным средним баллам, среди узбекских племен чаще, чем среди таджиков, встречаются характерные для монголоидов выпуклые глаза.

Развитие бороды (по пятибалльной системе: балл 1 — рост бороды очень скудный, балл 2 — скудный, 3 — средний, 4 — обильный, 5 — очень обильный). Судя по генеральным средним баллам (M), а равно минимальным ($M_{\min}$) и максимальным ($M_{\max}$) средним баллам, встретившимся среди различных исследованных групп, у узбекских племен борода развита значительно слабее, чем у таджиков. Слабое развитие волосяного покрова—характернейший признак монголоидной расы.

Горизонтальный профиль лица (балл 1—лицо плоское, 2—среднее, 3—суженное вперед). Чем ниже балл, тем больше характерная для монголоидов плосколицость. По этому признаку узбекские племена также значительно более монголоидны, чем таджики.

Высота переносья (балл 1 — переносье низкое, 2—среднее, 3—высокое). У монголоидов Средней Азии переносье ниже, чем у европеоидов. Средний балл у узбекских племен ниже, чем у таджиков.

Положение боковых стенок носа (балл 1—стенка поставлена почти вертикально, 2—среднее, 3—наклонно). Чем ниже средний балл, тем вертикальнее поставлены стенки носа, чем он выше — тем больше тенденция к наклонному их положению, характерному для монголоидов.

У узбекских племен средние баллы этого признака несколько выше, чем у таджиков, что подтверждает большую монголоидность узбекских племен.

Поперечный профиль спинки носа (балл 1—плоский, 2—средний, 3—выступающий). Для монголоидов характерна уплощенная спинка носа. Судя по генеральному среднему баллу, среди узбекских племен чаще, чем среди таджиков, встречаются особи с «плоскими носами».

Общий профиль спинки носа (балл 1—вогнутый, 2—прямой или извилистый, 3—выпуклый). По этому признаку нет различий между таджиками и узбекскими племенами. Среди обеих этнических групп явно преобладают прямые и извилистые спинки носа.

Большая монголоидность узбекских племен, особенно отчетливо выступает при сравнении генеральных средних баллов (M). Количество исследованных среди различных племен и в различных районах весьма

различно. Оно колеблется от 12 у племен миришкор района Шуроабада до 97 у локайцев Яванской долины, и от 12 у таджиков Кызыл-Мазара до 117 у таджиков Бальджуана и Муминабада. Но, несмотря на столь большие различия сравниваемых статистических совокупностей, минимальные ($M_{\min}$) и максимальные ($M_{\max}$) средние баллы, встретившиеся среди всех исследованных территориальных и племенных групп, вполне подтверждают большую монголоидность узбеков по сравнению с таджиками.

Сравнение женских групп (табл. 3) вполне подтверждает данные, полученные для мужских групп.

Большая монголоидность женщин узбекских племен по сравнению с таджичками особенно ярко выступает в таких важнейших признаках, как наличие эпикантуса, горизонтальный профиль лица, высота переносья, положение стенок носа, поперечный профиль спинки носа.

Нам не раз приходилось отмечать, что представители двух больших рас — монголоидной и европеоидной в Средней Азии более четко дифференцируются по признакам качественным, чем по признакам количественным.

По основным указателям — головному, лицевому и носовому нет различий между монголоидами и европеоидами Средней Азии. И те и другие являются ярко выраженными брахицефалами, стоящими на грани гипербрахицефалии, типично узколицыми и типично узконосыми. Но основные диаметры головы и лица у монголоидов (киргизов, казахов) больше, чем у европеоидов (таджиков).

Сравнение таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана по основным количественным признакам представлено в табл. 4 и 5 текста.

В них приводятся генеральные средние величины (M), также минимальные ($M_{\min}$) и максимальные ($M_{\max}$) средние величины, встретившиеся среди различных групп узбекских племен и таджиков. У мужчин узбекских племен больше, чем у таджиков, поперечный диаметр головы, высота лица морфологическая и скуловой диаметр (табл. 4). Те же отличия отмечаются и среди женских групп (табл. 5).

Таким образом по всем качественным и количественным признакам, дифференциальным между европеоидами и монголоидами, узбекские племена Южного Таджикистана явно более монголоидны, чем окружающее их таджикское население.

3. Сравнение узбекских племен Южного Таджикистана по степени их монголоидности

Антропологическому отряду удалось исследовать весьма различное число представителей различных узбекских племен. Разумеется, наиболее достоверными являются различия, выступающие между наиболее многочисленными группами. В наших материалах такими группами являют-

Таблица 2

Сравнение таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана по основным качественным признакам, дифференциальным между европеоидами и монголоидами

М у ж ч и н ы

Признаки	Наличие эпикантуса в %				Положение глазного яблока			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	1,99	0,60	2,55	352	1,58	1,45	1,80	353
Узбекские племена	31,78	3,70	50,00	623	1,66	1,45	2,06	625

Признаки	Развитие бороды				Горизонтальный профиль лица			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	3,50	3,32	4,17	125	2,22	2,05	2,36	351
Узбекские племена	2,58	1,90	3,03	359	1,60	1,41	2,10	625

Признаки	Высота переносья				Положение стенок носа			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	2,46	2,25	2,55	351	1,74	1,38	1,92	321
Узбекские племена	2,16	1,83	2,50	622	1,85	1,40	2,08	625

Признаки	Поперечный профиль спинки носа				Общий профиль спинки носа			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	2,22	2,00	2,39	352	2,07	2,00	2,19	352
Узбекские племена	2,07	1,94	2,46	624	2,05	1,89	2,25	624

Таблица 3

Сравнения таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана по основным качественным признакам, дифференциальным между европеоидами и монголоидами

Ж е н щ и н ы

Признаки	Наличие эпикантуса в %				Положение глазного яблока			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	6,50	1,50	11,50	431	1,86	1,60	1,96	353
Узбекские племена	50,03	20,78	79,10	626	1,74	1,55	2,03	633

Признаки	Горизонтальный профиль лица				Высота переносья			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	1,93	1,94	2,13	426	2,17	2,08	2,24	429
Узбекские племена	1,61	1,27	2,06	633	1,97	1,64	2,45	629

Признаки	Положение стенок носа				Поперечный профиль спинки носа			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	1,82	1,53	1,98	429	2,03	1,96	2,10	430
Узбекские племена	2,03	1,59	4,42	631	1,92	1,71	2,16	633

Признаки	Общий профиль спинки носа			
	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	1,96	1,92	2,05	427
Узбекские племена	1,93	1,71	2,15	634

Таблица 4

Сравнение таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана по основным количественным признакам

Мужчины

Признаки	Продольный диаметр головы				Поперечный диаметр головы			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Средние величины								
Таджики	181	179	182	553	153	152	155	361
Узбекские племена	181	178	184	622	156	152	158	620

Признаки	Высота лица морфологическая				Скуловой диаметр			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Средние величины								
Таджики	126	121	129	550	140	139	142	352
Узбекские племена	130	125	132	612	144	140	145	618

Продолжение таблицы 4

Признаки	Наименьший лобный диаметр				Нижнечелюстной диаметр			
	М	Мmin	Мmax	N	М	Мmin	Мmax	N
Таджики	107	107	109	345	107	107	109	355
Узбекские племена	109	107	112	601	111	110	113	575

Признаки	Высота носа				Ширина носа			
	М	Мmin	Мmax	N	М	Мmin	Мmax	N
Таджики	56	51	63	348	37	36	38	348
Узбекские племена	59	51	62	626	38	34	40	622

Признаки	Головной указатель				Указатель лица морфологический			
	М	Мmin	Мmax	N	М	Мmin	Мmax	N
Таджики	85	84	87	355	90	85	92	349
Узбекские племена	86	84	87	614	90	86	92	598

Признаки	Носовой указатель				Длина тела			
	М	Мmin	Мmax	N	М	Мmin	Мmax	N
Таджики	66	64	72	235	165	164	165	207
Узбекские племена	65	62	71	616				

Таблица 5

Сравнение таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана по
основным количественным признакам

Ж е н щ и н ы

Признаки	Продольн. диаметр головы				По поперечн. диаметр головы			
	М	Мmin	Мmax	N	М	Мmin	Мmax	N
Таджики	173	172	174	433	148	147	149	433
Узбекские племена	173	170	174	627	150	148	152	586

Признаки	Высота лица морфологическая				Скуловой диаметр			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	118	117	110	432	132	131	133	435
Узбекские племена	121	118	125	621	134	130	136	626
Признаки	Наименьший лобн. диаметр				Нижнечелюстной диаметр			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	105	104	107	433	101	99	101	432
Узбекские племена	107	105	108	626	104	100	105	525
Признаки	Высота носа				Ширина носа			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	53	51	55	429	33	32	34	435
Узбекские племена	55	52	59	627	34	33	36	627
Признаки	Головной указатель				Указатель лица морфологический			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	86	85	87	431	89	88	90	432
Узбекские племена	86	84	87	626	89	88	90	618
Признаки	Носовой указатель				Длина тела			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Таджики	63	62	65	354	154	150	156	72
Узбекские племена	62	59	65	621				

ся локайцы, барласы и карлуки. Затем следуют два племени — семи-зы и кесаиры.

В таблице 6 эти наиболее многочисленные из исследованных нами племен сравниваются с типичными представителями южносибирской монголоидной расы — казахами и с ярко выраженными представителями европеоидной расы Среднеазиатского междуречья — таджика-

Таблица 6

Сравнение наиболее многочисленных узбекских племен Южного Таджикистана с монголоидами — казахами и европеоидами — таджиками

Пол	Казахи, узбекские племена, таджики	Эпикантус % %	Борода от 25 лет		Горизонталь- ный профиль лица	Высота переносья	Поперечный профиль спин- ки носа	Общий про- филь спинки носа	Положение стенок носа	Положение глазного яб- лока	Скуловой диаметр	Высота лица морфологиче- ская	Поперечный диаметр го- ловы	Продольный диаметр го- ловы	N
			M	N											
М у ж ч и н ы	Казахи Таласа	73,00	2,16	80	1,15	1,62	—	1,92	2,28	2,52	149	132	160	187	100
	Локайцы Яванской долины	45,34	2,05	68	1,44	2,06	1,93	1,94	2,03	1,82	146	134	158	181	97
	Барласы	32,47	2,66	66	1,78	2,20	2,06	2,09	1,75	1,68	143	131	157	181	77
	Карлуки Яванской долины	3,90	3,03	56	1,96	2,50	2,46	2,25	1,40	1,66	144	130	156	181	79
	Таджики Яванской долины	3,84	3,32	50	2,15	2,48	2,39	2,15	1,38	1,45	141	129	153	182	93
	Кесаиры	52,78	2,68	22	1,41	2,25	2,03	2,11	1,69	1,86	143	131	154	181	36
	Семизы	22,58	2,76	21	1,55	2,16	2,03	2,16	1,84	1,45	143	131	153	182	31
Ж е н щ и н ы	Казашки Алма-Аты	67,70	—	—	1,31	1,69	1,79	1,86	—	1,92	138	116(?)	152	175	98
	Локайцы Яванской долины	60,50	—	—	1,35	1,78	1,71	1,71	2,42	1,98	136	124	152	173	38
	Барласы	53,33	—	—	1,56	1,92	1,92	1,93	1,98	1,71	135	120	150	174	150
	Карлуки Яванской долины	20,78	—	—	1,81	2,42	2,13	2,09	1,59	1,65	135	121	150	174	77
	Таджики Яванской долины	11,50	—	—	1,94	2,24	2,10	2,05	1,53	1,60	133	120	149	173	100
	Кесаиры	52,78	—	—	1,44	2,00	1,88	1,93	1,68	1,77	133	122	149	173	43
	Семизы	57,57	—	—	1,46	1,92	2,03	2,06	1,78	1,58	134	125	150	177	39

ми. Для большей гарантии сравнимости полученных данных мы воспользовались материалами сотрудников кафедры антропологии САГУ, у которых выработались достаточно близкие масштабы в определении качественных признаков. С этой целью в табл. 6 в качестве типичных представителей южносибирской монголоидной расы представлены казахи, исследованные Л. В. Ошаниным в долине Таласа (1929 г.). Наблюдения описательных признаков всех остальных групп проводились под наблюдением и контролем доцента В. Я. Зезенковой. Локайцы, барласы, карлуки и таджики исследовались в одно и то же время—летом 1953 г. При этом из исследованных групп локайцев, карлуков и таджиков в табл. 6 приводятся данные только для групп, живущих в одном и том же районе—в Яванской долине. Семизы и кесаиры исследовались в 1951—1953 гг., в разных районах, но всегда под наблюдением и контролем В. Я. Зезенковой. Материал по антропологии казашек Алма-Аты был собран В. Я. Зезенковой, все наблюдения качественных признаков женских групп в Южном Таджикистане проводились под ее наблюдением. Все это достаточно гарантирует сравнимость полученных данных.

В таблице 6 представлены важнейшие качественные и количественные признаки, дифференциальные между европеоидами и монголоидами. Особенно отчетливые различия выступают между локайцами, барласами и карлуками. Судя по всему комплексу признаков, монголоидность неуклонно убывает в такой последовательности: казахи—локайцы—барласы—карлуки—таджики. Неуклонно падает процент наличия эпикантуса, рост бороды становится более обильным (средний балл этого признака у локайцев даже ниже, чем у казахов), увеличиваются средние баллы горизонтального профиля лица, высоты переносья, поперечного профиля спинки носа, общего профиля спинки носа, уменьшаются средние баллы положения стенок носа (балл 1—почти вертикальное положение, 2—среднее, 3—уплощенное) и глазного яблока (балл 1—глаза «впалые», 2—средние, 3—«выпуклые»). В этой же последовательности убывают средние величины скулового диаметра и поперечного диаметра головы. Эти данные, полученные для мужских групп, вполне подтверждаются данными, полученными для женщин. В направлении от монголоидных казашек к европеоидным таджичкам по всем признакам монголоидность неуклонно убывает в той же последовательности: локайцы—барласы—карлуки.

В целом локайцы по степени монголоидности близки к казахам. Особенно ярко это выражено в женских группах. На фоне окружающего европеоидного таджикского населения совершенно отчетливо выступают «антропологические следы» происхождения локайцев из общего исходного ареала монголоидных тюркоязычных племен. Их тип прямо указывает, что их прародина лежит далеко на северо-восток от мест нынешнего обитания. Наоборот, комплекс признаков карлуков как мужчин, так и женщин ничем сколько-нибудь существенным не отличается от комплекса признаков таджиков и таджичек. Поэтому мы можем считать современ-

ных карлуков такими же типичными представителями европеоидной брахицефальной расы Среднеазиатского междуречья, как и таджиков. Каких-либо следов своего происхождения из общего исходного ареала монголоидных тюркоязычных племен карлуки не сохранили. Они «растворились» в массе местного населения.

Барласы по всем признакам занимают промежуточное положение между локайцами и карлуками, но значительно ближе стоят к сильно монголизированным локайцам. Эти данные, полученные для мужских групп, вполне подтверждаются данными для женских групп. Иными словами, в типе барласов отчетливо выступают «антропологические следы» происхождения из общего ареала монголоидных рас, хотя в меньшей степени, чем у локайцев.

Что касается семизов и кесамиров, то и в этих двух небольших группах достаточно отчетливо выступают монголоидные признаки. Судя по всему комплексу описательных признаков, они близки к барласам по степени монголоидности.

Данные по остальным узбекским племенам Южного Таджикистана представлены в таблице 7. Число исследованных представителей разных племен очень невелико, поэтому трудно судить о большей или меньшей их монголоидности. В таблице 7, как и в 8-ой, признаки расположены по степени убывания процентов наличия эпикантуса. Однако направленность остальных признаков здесь отнюдь не следует за этим типично монголоидным признаком. Распределение признаков в женских группах не совпадает с распределением признаков в мужских группах. Но несомненно, что в целом и эти малочисленные племена содержат значительно большую примесь монголоидных признаков, чем окружающее их таджикское население. Это видно при сопоставлении минимальных и максимальных средних баллов, встретившихся среди малочисленных тюркских племен и окружающего их таджикского населения (табл. 8). Среди узбекских племен миришкор, джанкатаган, кунграт, каучин, мусабазари и других малочисленных групп гораздо чаще, чем среди таджиков, встречается эпикантус, у узбекских племен имеется определенная тенденция к менее обильному развитию волосяного покрова, к большей плосколицности и более низкому переносью, менее выдающемуся поперечному профилю спинки носа, более уплощенному положению стенок носа, большему скуловому диаметру (во всяком случае, у мужских групп).

Таким образом, из исследованных нами тюркских племен карлуки оказались типичными представителями брахицефальной европеоидной расы Среднеазиатского Междуречья; локайцы по степени монголоидности близки к казахам, барласы занимают промежуточное положение между локайцами и карлуками. Но все же и среди барласов имеется значительная примесь монголоидных признаков. Примесь эта несомненна и среди всех остальных узбекских племен Южного Таджикистана.

Сравнение малочисленных узбекских племен Южного Таджикистана с монголоидами-казахами и европеоидами-таджиками

Пол	Казахи, узбекские племена, таджики	Эпикантус (в %)	Борода до 25 лет		Горизонтальный профиль лица	Высота переносья	Поперечный профиль спинки носа	Общий профиль спинки носа	Положение стенок носа	Положение глазного яблока	Скуловой диаметр	Высота лица морфологическая	Поперечный диаметр го. лопы	Продольный диаметр го. лопы	N
			M	N											
Мужчины	Казахи Алма-Аты	72,60	2,16	80	1,15	1,62	—	1,92	2,28	2,52	149	132	160	187	100
	Миришкор	50,60	?	7	1,75	2,33	2,33	2,25	1,75	1,63	140	129	152	180	12
	Куинрат	47,05	1,90	10	1,70	1,83	1,94	2,00	2,06	1,53	145	132	156	183	17
	Разные племена	44,40	2,17	12	1,44	2,22	1,94	2,18	1,83	1,72	144	132	155	182	18
	Джанкатаган	40,91	2,53	15	1,68	2,23	2,09	2,00	1,82	1,45	144	129	155	182	22
	Каучин	38,10	1,91	11	1,76	2,14	2,05	2,05	1,74	1,47	142	129	155	179	21
	Мусабазари	34,61	2,70	10	1,45	2,22	2,00	2,00	1,80	1,58	142	128	155	178	26
	Таджики Яванской долины	3,84	3,32	50	2,15	2,48	2,39	2,15	1,38	1,45	141	129	153	182	93
Женщины	Казахи Алма-Аты	67,70	—	—	1,31	1,69	1,79	1,86	—	1,92	138	116?	152	175	98
	Мусабазари	81,25	—	—	1,38	1,94	1,81	1,81	2,25	1,81	134	120	151	173	16
	Малочисл. группы	79,10	—	—	1,37	1,92	1,81	1,89	2,16	1,63	134	121	149	174	43
	Куинрат	69,23	—	—	1,27	1,64	1,73	1,80	2,37	1,69	135	120	149	175	26
	Джанкатаган	63,64	—	—	1,59	?	2,09	1,86	1,90	1,55	133	122	148	175	22
	Миришкор	50,60	—	—	1,66	2,25	2,16	2,15	1,66	1,77	130	120	145	173	27
	Каучин	23,08	—	—	1,77	2,00	1,93	1,83	2,14	1,64	133	118	148	174	14
	Таджики Яванской долины	11,50	—	—	1,94	2,24	2,10	2,05	1,53	1,60	133	120	149	173	100

Таблица 8

Минимальные и максимальные средние базисы важнейших таксономических признаков малочисленных узбекских племен и групп таджиков различных районов Таджикистана

Пол	Этнические группы	Наличие эпикантуса (%)		Развитие бороды (от 25 лет)		Горизонтальн. профиль лица		Высота переносья		Поперечный профиль спинки носа		Положение стенок носа		Скуловой диаметр		N
Мужчины	Малочисленные узбекские племена	34,61	50,00	1,90	2,70	1,44	1,76	1,83	2,33	1,94	2,33	1,74	2,06	140	145	116
	Таджички	0,60	2,55	3,32	4,17	2,06	2,36	2,25	2,55	2,00	2,39	1,38	1,92	138	142	370
Женщины	Малочисленные узбекские племена	23,08	81,25	—	—	1,38	1,77	1,64	2,25	1,73	2,16	1,66	2,55	130	134	145
	Таджички	1,50	11,50	—	—	1,94	2,13	2,08	2,24	1,96	2,10	1,53	1,98	133	133	433

4. Сопоставление результатов антропологического исследования с результатами археологических, исторических и этнографических исследований Южного Таджикистана

Плодородные долины правых притоков верхней Аму-Дарьи и Нижнего Пянджа являются областями древнейших культур Средней Азии. Ныне эта территория занята самой юго-восточной частью Узбекистана—Сурхан-Дарьинской областью и самой юго-западной частью Таджикистана—«районами республиканского значения» и Кулябской областью. В историко-культурном отношении они представляют единое целое.

В древности вся эта территория входила в состав Бактрии, северные границы которой простирались до Гиссарского хребта [50, стр. 308]. С VII—VIII вв. название Бактрии к этой территории больше не применялось. В китайских источниках она стала называться Ту-хуло, в арабских—Тохаристаном [39, стр. 10]. В средние века восточная часть Тохаристана, расположенная между Вахшем и Пянджем, называлась Хутталем или Хутталяном [39].

Обилие городищ, курганов и других памятников, исследованных А. М. Беленицким, М. М. Дьяконовым и Б. А. Литвинским, показывает, что долины Кафирнигана, Вахша и Кызыл-Су были густо населены в древности [39, 50, 63]. Исключительно важное значение имеют костные материалы, добытые экспедицией М. М. Дьяконова из 29 погребений в урочище Туп-хона близ Гиссара [49, стр. 154—162 и 176—178]. Как указывалось выше (см. часть II), этот ценнейший палеоантропологический материал, датируемый эпохой бронзы, а в вышележащих слоях временем от I в. до н. э. до VI—VIII вв. н. э., был изучен знатоком антропологии Таджикистана В. В. Гинзбургом. Напомним важнейшие выводы, к которым пришел Гинзбург.

1. «Основное население Бактрии относилось к брахикранному европеоидному расовому типу Среднеазиатского междуречья. В расовом отношении оно было совершенно сходно с населением соседней Согдианы.

2. К тому же расовому типу относится и современное население территорий как к югу, так и к северу от Гиссарского хребта. Поэтому мы имеем все основания видеть в современных жителях этих стран непосредственных потомков бактрийцев и согдийцев» [5, стр. 248].

Исследованные нами таджики различных районов Кулябской области и Яванской долины оказались типичными, ярко выраженными представителями той же брахицефальной европеоидной расы Среднеазиатского междуречья. Никаких монголоидных признаков у них не отмечается. Таджики юго-восточного Узбекистана (Сурхан-Дарьинской области), исследованные сотрудником кафедры антропологии САГУ К. Наджимовым, оказались такими же ярко выраженными представителями той же европеоидной расы Среднеазиатского междуречья, как и яванские и кулябские

таджики. Между ними нет сколько-нибудь существенных различий по всем важнейшим качественным и количественным признакам.

И те и другие являются прямыми потомками местного древнего населения северной Бактрии.

Для решения вопроса о времени появления здесь монголоидных племен мы, к сожалению, пока не располагаем достаточными палеоантропологическими материалами. Правда, В. В. Гинзбург отмечает, что из 20 исследованных им черепов, добытых в некрополе Туп-хона, три оказались «с легким монголоидным налетом». По его выражению, в них «отмечается лишь очень незначительная примесь монголоидных черт, как бы сглаживающих европеоидность». Наиболее древний из этих черепов датируется I—III вв., второй—IV—VI вв., третий VI—VIII вв. [5, стр. 245]. Приведенный материал слишком недостаточен и мало выразителен («легкий монголоидный налет»), чтобы, основываясь на нем, можно было отнести проникновение монголоидов к первым векам н. э. Поэтому для решения вопроса о времени появления монголоидных племен в Юго-западном Таджикистане важное значение приобретают исторические известия о времени появления здесь тюркских языков.

Как неоднократно отмечалось выше, первоначально ареалы монголоидов совпадали с территориями народов тюркского языка. Отсюда параллелизм двух процессов—монголизации по типу и тюркизации по языку древнейшего европеоидного ираноязычного населения Средней Азии. Правда, параллелизм этих двух процессов далеко не всегда был полным и даже не всегда имел место. Но чаще всего тюркоязычные племена появлялись там и тогда, где и когда начиналась примесь монголоидных признаков к европеоидному населению. Поэтому появление в определенную эпоху тюркского языка в данной местности может служить для антропологов своего рода сигналом появления здесь монголоидной расы.

По-видимому, первое упоминание о тюрках на территории Хутталя (нынешней Кулябской области) относится к 675 г. Но упоминание это носит косвенный характер. Китайские источники сообщают, что после победы китайцев над тюрками (675 г.) Хутталь был выделен в особое губернаторство Китайской империи. При этом военачальник, тюрк и правитель Вашгирда (отождествляемого с современным Файзабадом) [40, стр. 135] предлагал восстановить старинную границу между Ираном и Тураном, включив в последний и Хутталь [39, стр. 111].

В дальнейшем, в связи с разными событиями, тюрки постоянно упоминаются на территории Хутталя.

Так, во время борьбы против арабов, правитель Хутталя хакан (тюрк) в 725 г. двинулся навстречу арабскому наместнику Асаду-ибн-Абдаллаху [39, стр. 113]. В 737 г. правитель Хутталя призвал на помощь против Асада хакана тюрк—тюргешей, ставка которого была тогда в долине Чу. Последний через 17 дней был в Хуттале, перешел Аму-Дарью, но был разбит и остатки его тюркских отрядов расселились по Хутталю.

[39, стр. 115]. При дворе китайских императоров был принят тюркский титул для правителей Хутталя: царь Хутталя в 752 г. получил титул джабгу [39, стр. 117]. После смены династии Омейядов династией Аббасидов (во второй половине VIII в.) Хутталь продолжал борьбу с арабами. В источниках есть упоминание, что наряду с другими народами, на помощь были призваны тюрки и в их числе племена карлуков и токуз-огузов [39, стр. 119]. Возможно, что карлуки появились здесь даже до VIII в. Так, А. Ю. Якубовский указывает, что в Тохаристане, восточная часть которого в дальнейшем получила название Хутталя, карлуки проживали в VI—VIII вв. [53, стр. 9]. В VIII в. они образовали в Тохаристане особую группу со своим ябгу (вождем) [78, стр. 53]. В. В. Бартольд считает карлуков тюркским племенем, пришедшим в степи Дешти-Кипчака с Алтая [37, стр. 8].

В 766 г. карлуки разрушили город Суяб на Чу и построили там же город Баласагун. По мнению А. Н. Барнштама, господство карлуков было длительным—с 766 по 992 гг. [42, стр. 20].

А. Ю. Якубовский считает возможным отнести начало проникновения карлуков в Среднюю Азию не к VIII, а к VI в. За такую возможность говорит существование в Кулябской области группы, которая называет себя «тюрк». По мнению Б. Х. Кармышевой, не исключена возможность, что представители этого племени являются «потомками» тюрков VI века, т. е. тюрков, входивших в состав Западного тюркского каганата [101, стр. 79]. О древности обитания тюрков в Кулябской области свидетельствует тот факт, что в течение трех-четырех ближайших поколений они утратили тюркский язык и стали говорить на таджикском [101, стр. 80]. Такие воспринявшие таджикский язык тюрки считают себя таджиками, но таджиками «рода тюрк». В свое время И. Магидович отметил среди таджиков ряд групп, твердо помнивших свои родовые названия—чагатай, джалаир, бахрин, найман, митан*.

Однако гораздо большая, подавляющая часть племен, переселившихся в Южный Таджикистан из степей Дешти-Кипчака, сохранила тюркский язык.

Как мы видели, эти тюркские племена сохранили и «антропологические следы» своего происхождения из Дешти-Кипчака в виде встречающихся среди них монголоидных признаков. При этом эти «следы» тем яснее выступают, чем позднее появилось данное племя в Южном Таджикистане. Это особенно отчетливо выражено у таких племен, которые представлены достаточным количеством антропологически исследованных осо-

* Небольшую тюркоязычную группу племени митан Л. В. Ошанин нашел в 1927 г. в другой области, в районе Кермине. Сотрудник кафедры антропологии САГУ К. Наджимов нашел таджиков племени «чагатай» в Сурхан-Дарьинской области. Там же он исследовал племя «тюрк».

бей. В этом отношении особенно показательны племена карлуков, барласов и локайцев.

Монголоидность этих племен ясно убывает в такой последовательности: локайцы—барласы—карлуки (см. стр. 16—18 и таблицу, 6).

Карлуки оказались такими же ярко выраженными типичными представителями европеоидной расы Среднеазиатского междуречья, как и окружающее их таджикское население.

Из исследованных нами тюркских племен карлуки являются самыми ранними пришельцами в Тохаристан. В литературе они известны под именем «тохаристанских карлуков». Время появления их в местах нынешнего обитания, как мы видели, относится к VIII в. Возможно и более раннее появление карлуков на правобережье Аму-Дарьи (в VI веке). В степи Дешти-Кипчака карлуки пришли с Алтая. Древнее европеоидное население Алтая к этому времени было уже сильно монголизировано. Да и сам Дешти-Кипчак к этому времени уже заселился рядом племен, двигавшихся с востока из общего исходного ареала монголоидных тюркоязычных племен. В Дешти-Кипчаке карлуки уже застали ряд тюркоязычных, монголоидных по типу племен, часть которых, вероятно, вошла в их состав.

Судя по всем приведенным данным, карлуки, как и другие племена, переселившиеся в степи Дешти-Кипчака с Востока, из самого центра формирования монголоидной расы, были монголоидного типа. Монголоидный компонент в их антропологическом составе мог значительно усиливаться в степях Дешти-Кипчака. Но за тысячу с лишком лет жизни в окружении таджикского населения их племенная обособленность значительно стерлась. Во всяком случае, исчезла племенная эндогамность. Б. Х. Кармышева и А. К. Писарчик отмечают, что смешанные браки между карлуками и таджиками очень часты. Среди карлуков даже существует мнение, что они являются близкими «родственниками» таджиков; степень их родства с таджиками примерно такая, как между дядей и племянниками [101, стр. 82].

Очень частые смешанные браки отмечены и в полевых записях сотрудников антропологического отряда.

Барласы значительно более монголоидны, чем карлуки (табл. 6). Они также являются одним из древних тюркских племен. Во всяком случае их имя начинает упоминаться еще со времен Чингиз-хана. В дальнейшем они участвовали в походах преемников Чингиз-хана, в частности в Индию. «В Пенджабе, близ Дели, до сих пор проживает около 15000 барласов» [98, стр. 202]. В эпоху Чингиз-хана барласы были монголоязычны [97, стр. 62], но в Средней Азии, как и другие монголоязычные племена, вскоре были тюркизованы. Время первого их появления на правобережье Аму-Дарьи, по-видимому, не уточнено. В эпоху Тимура, который, как известно, сам происходил из племени барласов, они жили в бассейне Кашка-Дарьи. Примерно 500 с лишним лет тому назад их вытеснили оттуда

другие тюркские племена [97, стр. 62]. В 1927 г. мы нашли в Кашка-Дарьинской области лишь 2—3 представителей племени барлас. Основная масса кашкадарьинских узбеков, хорошо знавших свои родоплеменные названия, была представлена племенами сарай, кенегес, кунграт, минг, мангыт, катаган и другими. Исследованные нами кашкадарьинские племена менее монголоидны, чем барласы Южного Таджикистана.

Таблица 9

Сравнение узбекских племен района Шахрисябза и барласов Гиссарской долины по основным признакам, дифференциальным между монголоидами и европеоидами

Племена	% эпикантуса	Развитие бороды	Высота переносы	Общий профиль спинки носа	Скуловой диаметр	Высота лица морфологическая	Поперечный диаметр головы	Продольный диаметр головы	N
Узбекские племена района Шахрисябза	8,40	3,22	2,31	2,06	140	122	154	181	190
Барласы Гиссарской долины	32,47	2,66	2,20	1,68	143	131	157	181	77

Как видно из приведенных данных, среди барласов гораздо чаще встречается эпикантус, волосяной покров развит слабее, чаще встречаются вогнутые спинки носа, основные диаметры лица и поперечный диаметр головы больше. По степени монголоидности барласы занимают промежуточное положение между европеоидными карлуками и монголоидными локайцами. Судя по полевым записям сотрудников антропологического отряда, барласы, как правило, эндогамны. На крайнем юго-востоке распространения тюркских племен они оказались более изолированными, чем племена, расселившиеся в равнинах междуречья. Поэтому они в большей степени сохранили «антропологические следы» своего происхождения из общего исходного ареала тюркских и монгольских племен.

Локайцы являются самыми монголоидными из всех исследованных нами племен. По степени монголоидности они очень близки к казахам (см. стр. 16—18 и табл. 6). До исследований, проводившихся в Южном Таджикистане этнографом Б. Х. Кармышевой, вопрос о происхождении локайцев оставался открытым, несмотря на большое количество им посвященных работ. Одни относят время их прихода на побережье Аму-Дарьи даже к VI веку (М. Е. Массон); другие считают, что они появляются здесь к VIII в. вместе с карлуками (И. Магидович); третьи допускают возможность прихода локайцев в Среднюю Азию с полчищами Чингиз-хана, т. е. в XIII в. (Ф. И. Лютко, Г. Г. Хитенков и др.); четвертая группа исследователей считает локайцев одним из племен, входивших в состав кочевых узбеков XVI в. [94]. Все эти гипотезы носили ха-

рактар предположений, не основанных на достаточном и несомненном фактическом материале.

В своих работах, в особенности в историко-этнографической монографии, посвященной локайцам [94], Б. Х. Кармышева приводит разнообразный и весьма убедительный фактический материал, свидетельствующий, что локайцы входили в состав кочевых узбеков XVI в. и пришли в Среднюю Азию во время завоеваний Шейбани-хана. Правда, в составе узбеков эпохи Шейбани имя локайцев не упоминается [94, стр. 14, сноска 4], но Б. Х. Кармышева весьма удачно и убедительно использовала в качестве исторического источника собранные ею этнографические материалы, показывающие, что локайцы появились в Южном Таджикистане не ранее XVI в.

Приводим некоторые из этих материалов.

Б. Х. Кармышева показала, что локайцы не являются кровно родственной группой. Как и другие тюркские племена, они представляют собою конгломерат различных этнических групп. Еще Н. Г. Маллицкий делил тюркоязычные племена Южного Таджикистана на две группы — более древнюю, куда входят племена, пришедшие сюда в разное время, но задолго до эпохи завоеваний Шейбани-хана, и на племена, переселившиеся из Дешти-Кипчака в XVI в., в связи с завоеваниями Шейбани [97, стр. 62]. Как известно, собственно эти-то дештикипчакские кочевники XVI в. и назывались «узбеками». Для краткости мы их будем называть «собственно узбекскими племенами», хотя и все предшествовавшие им племена вошли в состав узбекского народа. Антропологи и историки единодушны в том, что узбеки XVI в. являются лишь одним из этнических слагаемых, вошедших в состав современных узбеков. Б. Х. Кармышева также делит тюркские племена Южного Таджикистана на две группы — древнюю, доузбекскую или «тюркокарлукскую» и собственно «узбекскую». К первой относятся племена тюрк, карлук, барлас, мусабазари, калътатай и могул; ко второй — локай, дурмен, кунграт, катаган, марка, каучин, касамир и семиз [94, стр. 20].

В этническом составе локайцев ею выявлены 159 названий родов и родовых подразделений. При этом 74 родовых названия обнаружены и у других тюркоязычных племен, но ни одно из них не встречается среди группы «додузбекских племен» [94, стр. 16]. У локайцев особенно много этнонимов, общих с казахами (53 из 159). Как известно, казахи и узбеки в XIV—XV вв. составляли единый народ, и даже после отделения казахов от узбеков казахи продолжали называть себя «узбек-казах».

Большое количество одинаковых с казахами этнонимов показывает, что локайцы и казахи в значительной степени формировались из одних и тех же этнических компонентов, на одной и той же территории и в одну и ту же эпоху, когда начали слагаться два близко родственных по своему происхождению народа — узбеки и казахи.

Локайские тамги также обнаруживают сходство с тамгами ряда ка-

захских племен [94, стр. 19]. Далее Б. Х. Кармышева приводит ряд различий в хозяйстве, материальной культуре и быту «узбекских» и «до-узбекских» племен (тюрко-карлукская группа). По ряду этих особенностей локайцы очень сходны с другими собственно узбекскими племенами [94, стр. 27—30 и 133 — 134].

По-видимому, сами тюркские племена делят себя на те же две группы — собственно узбекские племена и племена неузбекские. Интересно, что локайцы сами считают себя узбеками, карлуки также считают локайцев узбеками, но себя карлуки никогда к узбекам не причисляют. Больше столетия тому назад, когда Борнс проезжал через Гиссар, «ему говорили о локайцах, как об узбеках» [94, стр. 22, 23, 27].

В противоположность карлукам, локайцы жили в местах нынешнего своего обитания очень обособленно не только от таджиков, но и от других тюркских племен. [94, стр. 43, 97, стр. 64].

В полевых записях сотрудников антропологического отряда отмечено, что локайцы строго эндогамны. И. Магидович также отмечает, что «локайцы не вступают в браки с другими узбеками (не говоря уже о таджиках) и даже браки между членами различных родов обходятся дороже внутривидовых» [98, стр. 199].

В силу изолированности и эндогамности локайцы гораздо отчетливее, чем другие тюркоязычные племена, сохранили «антропологические следы» своего происхождения из степей Дешти-Кипчака. Как отмечалось выше, по своему антропологическому составу они близки к казахам. В Дешти-Кипчаке казахи и узбеки составляли один народ. Таким образом, данные антропологии вполне согласуются с точкой зрения Б. Х. Кармышевой, считающей локайцев племенем, входившим в состав дештикипчакских узбеков XVI века.

Семизы и кесамиры представлены в наших материалах значительно меньшим числом исследованных. Но все же при сравнении с ярко выраженными европеоидами — таджиками и карлуками, совершенно ясно выступает наличие монголоидного компонента в их составе (табл. 6). По степени монголоидности они ближе к барласам, а по некоторым признакам (частоте эпикантуса, степени уплощенности лица и положению глазного яблока) они столь же монголоидны, как и локайцы.

Происхождению семизов и кесамиров посвящена специальная работа Б. Х. Кармышевой [93]. Как и локайцы, семизы и кесамиры называют себя узбеками. Узбеками называет их и окружающее население. На основании анализа этнического состава и некоторых этнографических особенностей Б. Х. Кармышева полагает, что семизы и кесамиры были в числе первых узбекских племен, пришедших в Южный Таджикистан. Как и И. Магидович, она считает их осколками племени найманов, входивших в состав дештикипчакских узбеков XVI в. и в состав казахов. Семизы и кесамиры являются самой восточной группой узбеков на правобережье Пянджа, куда они, вероятно, проникли еще в XVI в. вместе с наймана-

ми и кунгратами. Группа семизов исследована антропологически в местах их первоначального поселения на правом побережье Ях-Су, в районах Даханы и Муминабада. Кесамиры исследованы в разных районах, но тоже на правобережье Ях-Су. «Сами семизы и кесамиры считают себя родственными группами и вступают издавна друг с другом в браки, в то время как с другими группами узбеков в дореволюционное время они в браки вступали весьма неохотно» [93, стр. 106]. Их эндогамность отмечена и в полевых записях антропологического отряда. Поэтому семизы и кесамиры, как и локайцы, сохранили ясные «антропологические следы» своего происхождения из степей Дешти-Кипчака.

Антропологически исследованные племена — кунграт, джан-катаган, каучин, мусабазари и меришкор представлены лишь незначительными статистическими совокупностями (мужчины от 12 до 26 исследованных, женщины от 14 до 27). Вероятно поэтому у них не прослеживается определенная направленность изменчивости важнейших признаков, по которой можно было бы судить о степени монголоидности каждого отдельного племени, как то имеет место у карлуков, барласов, локайцев, семизов и кесамиров. Несомненно лишь то, что все они более или менее монголоидны.

Как мы видели, это особенно ясно выступает при сравнении минимальных и максимальных средних баллов этих племен с минимальными и максимальными средними баллами, встретившимися у различных территориальных групп таджиков.

Происхождение племени меришкор остается невыясненным [101, стр. 86], мусабазари относятся к группе «доузбекских» племен [97, стр. 62], остальные племена — кунграт, джан-катаган (группа племени катаган) и каучин входили в состав узбеков кочевников XVI века [94, стр. 20].

Остальные антропологически исследованные племена представлены столь незначительными статистическими совокупностями, что их пришлось объединить в одну группу. В наших таблицах они фигурируют под именем «малочисленных племен». Сюда входят из наиболее древних, «доузбекских» племен тюрк, калытатай (это группы, входящие в состав племени тюрк [98, стр. 200]), могул или могол. Племена, входившие в состав узбеков кочевников XVI в. — дурмен, найман, катаган [97, стр. 64] и кенегес* и три племени, упоминания о которых мы не нашли в использованной нами литературе, — джуст (юз), каратамгалы и кирчилик. Как видно из табл. 7 и эта группа малочисленных племен сохранила достаточно отчетливые «антропологические следы» своего происхождения из степей Дешти-Кипчака.

* Магидович И., Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1, стр. 193. Автор указывает, что происхождение этого племени неясно. У Яворского (1878) есть упоминание, что в районе Шахрисябза кенегазы считали себя узбеками.

Заключение

Сопоставление результатов антропологических, этнографических и исторических исследований Юж. Таджикистана приводит к следующим выводам:

1. Таджики различных районов Кулябской области и Яванской долины являются ярко выраженными типичными представителями брахицефальной европеоидной расы Среднеазиатского междуречья. Они — прямые потомки бактрийцев, живших к югу от Гиссарского хребта.

2. Многочисленные тюркоязычные племена Южного Таджикистана сохранили не только в языке и ряде этнографических особенностей, но и в своем антропологическом типе явные «следы» своего происхождения из общего исходного ареала тюркоязычных, монголоидных по типу племен. Об этом свидетельствует наличие среди всех тюркских племен большей или меньшей примеси монголоидных признаков.

3. Монголоидные тюркоязычные племена достигают пределов Северной Бактрии во всяком случае еще в VIII веке н. э. (быть может, даже в VI веке). В последующие века приток таких племен в Северную Бактрию, занимавшую бассейны правых притоков Аму-Дарьи и нижнего Пянджа, все нарастал. Чем раньше поселялось на этой территории тюркское племя, тем в большей степени оно включало в свой антропологический состав местную европеоидную расу и утрачивало «антропологические следы» своего происхождения из общего исходного ареала монголоидных рас. Наоборот, наиболее ясные «следы» этого происхождения сохранили самые поздние пришельцы, входившие в состав узбеков-кочевников XVI века.

Этому соответствует нарастание степени монголоидности в такой последовательности: карлуки — барласы — локайцы — семизы и кесамиры. Карлуки появляются в Южном Таджикистане в VIII веке (возможно, даже в VI веке), барласы, возможно, в эпоху Чингиз-хана, локайцы, семизы и кесамиры входили в состав узбеков-кочевников XVI века.

Остальные антропологически исследованные племена представлены очень небольшими статистическими совокупностями. Но и среди них совершенно ясно выступают «антропологические следы» происхождения из общего исходного ареала монголоидных тюркоязычных племен.

4. В целом результаты антропологического исследования вполне согласуются с результатами этнографических и исторических исследований Южного Таджикистана.

ГЛАВА II

ЭТНОГЕНЕЗЫ ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА И ЯГНОБЦЕВ ПО ДАННЫМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЛИНГВИСТИКИ

1. Положение населения Памиро-Алая в ряду европеоидных и монголоидных рас Средней Азии

Памиро-Алайская горная область граничит на севере и на западе с ареалом распространения брахицефальной европеоидной расы Среднеазиатского междуречья. На севере она является явно преобладающим расовым компонентом в составе таджиков и узбеков Ферганской долины. На западе они заселили равнины междуречья вплоть до Хивинского оазиса. Судя по исследованиям Д. Д. Букинича, та же раса распространена не только к западу от Памиро-Алая, но и к юго-западу от него, где она вошла в состав таджиков, населяющих Бадахшанскую провинцию Афганистана [20, стр. 51—53].

Что касается областей, лежащих к востоку от Памиро-Алая — Восточного Туркестана (Синьцзяна), то на основании материалов, собранных в свое время еще Аурелем Штейном, изученных Джойсом, можно было думать, что та же раса в значительной степени заселила оазисы по окраинам пустыни Такла-Макан [123, 124, 125]. Это нашло себе полное подтверждение в наших исследованиях. За последние годы нами было проведено изучение уйгуров, переселившихся из Синьцзяна частью в Семиречье, частью в Ферганскую долину. Как указывалось в главе IV части I, исследованные нами уйгуры по своему расовому составу ничем не отличаются от узбеков. Среди них, как и среди узбеков, совершенно явно преобладает брахицефальная европеоидная раса Среднеазиатского междуречья с примесью к ней монголоидных признаков [21]. По всем вероятностям, это древнее европеоидное население Синьцзяна, как и в Мавераннахре, говорило на иранском языке [132, стр. 13]. В дальнейшем оно было полностью тюркизовано по языку, но лишь частично монголизировано по типу.

Таким образом, Памиро-Алай почти со всех сторон окружен народами, в антропологическом составе которых явно преобладает брахицефальная европеоидная раса Среднеазиатского междуречья. Памиро-Алай находится в самом центре обширнейшего ареала этой расы, охватывающего равнины и предгорья всего междуречья, Синьцзян и Северный Афганистан.

Лишь на юге Памиро-Алай граничит с ареалом индоафганской европеоидной расы, вошедшей в состав индо-арийских племен Северной Индии. Но эта долихоцефальная европеоидная раса отделена от Памира стеной Гиндукуша.

Что касается южносибирской монголоидной расы, ареалом которой являются горы и степи Киргизии и Казахстана, то она отделена от Памиро-Алая широкой Ферганской долиной. Монголоидные элементы проникали в горы Памиро-Алая в составе тех или иных тюркских племен. Некоторые из них сохранили не только тюркский язык, но и монголоидный тип. Таковы киргизы Алая, плато Памира и Каратегина, о которых говорилось в главе I части II, и некоторые тюркские племена Южного Таджикистана, которым посвящена предыдущая глава.

Все остальное население Памиро-Алая — таджики, ягнобцы и племена припамирских стран, говорят на иранских языках, на таджикском, ягнобском и на разных диалектах Западного Памира.

В настоящее время расовый состав всего этого ираноязычного населения Памиро-Алая хорошо изучен благодаря исследованиям русских до-революционных и советских антропологов [2, 3, 4, 12, 18, 20].

В главе III части II указывалось, что на территории всех древних областей Узбекистана—Хорезме, Чаче, Давани, Согде и Бактрии, местная европеоидная раса Среднеазиатского междуречья в наибольшей степени была монголизирована в той части, которая была в дальнейшем полностью тюркизована по языку и вошла в состав узбеков.

Но и сохранившие иранский язык таджики, живущие в равнинах и предгорьях Узбекистана, все же были монголизированы, хотя и в весьма незначительной степени. Это видно из приводимых ниже таблиц 10—11, в которых равнинные и предгорные таджики Узбекистана сравниваются с предгорными и горными таджиками Таджикистана. Более отчетливо это выступает при сравнении таджиков Северного и Центрального Узбекистана, граничащих с таджиками Северного и Центрального Таджикистана. У таджиков Узбекистана чаще встречается эпикантус, глазное яблоко расположено менее глубоко в полости глазницы, волосяной покров менее развит, горизонтальный профиль лица несколько уплощен, переносье выше. По поперечному и общему профилю спинки носа и по количественным признакам не отмечается различий между таджиками Северного и Центрального Узбекистана и Таджикистана. Ясных различий между таджиками Южного Таджикистана и Южного Узбекистана не отмечается. По большей части признаков сурхандарьинские таджики даже более европеоидны, чем кулябские (по отсутствию эпикантуса, положению глазного яблока, положению стенок носа, поперечному и общему профилю спинки носа). Лишь по горизонтальному профилю лица и развитию бороды можно было бы думать о несколько большей монголоидности сурхандарьинских таджиков. Но в целом таджики Таджикистана очень близки к таджикам Узбекистана.

Это единый хорезмийско-согдийско-бактрийский пласт населения, который если и был монголизирован в равнинах междуречья, то очень незначительно. Но и в равнинах и в горах этот древнейший пласт сохранил иранский язык.

Сказанному соответствует тот факт, что древнейшие находки брахицефальной европеоидной расы сохранились на территории Бактрии, в урочище Туп-хона в Гиссаре [5].

Современному таджикскому языку предшествовала на территории Хорезма, Согда и Бактрии восточная ветвь древнеиранских языков, которая была представлена языками хорезмийским, согдийским и бактрийским. Лишь в VIII веке таджикский язык, так называемый язык «дари», появляется на территории Бактрии—в Балхе и Хутталяне (нынешняя Кулябская область). В X веке в Бухаре наряду с согдийским языком начал распространяться литературный язык «дари», который является прямым предшественником современного таджикского [54, стр. 224].

В равнинах междуречья таджикский язык вытеснил древние иранские языки, а в следующие столетия сам был вытеснен тюркским языком. Но в изолированных, замкнутых и очень труднодоступных долинах Северного и Южного Памиро-Алая до сих пор сохранились реликты древнеиранских языков. На севере таким реликтом является язык ягнобский, очень близкий к древнесогдийскому, на юге—языки рушанский, шуганский, ваханский. Быть может, они близки к древнебактрийскому, но документов последнего до сих пор, к сожалению, не найдено. Все современное население Памиро-Алая можно разделить на три группы: 1) северную, куда относятся ягнобцы, и таджики бассейна верхнего Зеравшана. 2) южную, к которой относятся таджики Южного Таджикистана и иранские племена южных припамирских стран и 3) центральную, куда относятся таджики Дарваза, Каратегина и Центрального Таджикистана.

2. Изолированность таджиков верховьев Зеравшана и ягнобцев от равнин Среднеазиатского междуречья

Верхний Зеравшан, вырвавшись из мощного Зеравшанского ледника, бежит по довольно широкой долине между высокими, покрытыми вечными снегами хребтами—Туркестанским и Зеравшанским. Самая верхняя часть этой долины носит название Матча, средняя часть, примерно от места впадения Фан-Дарьи в Зеравшан, называется Фальгаром.

Наиболее употребительный путь из равнин древнего Согда (нынешняя Самаркандская область) в верховья Зеравшана—в Фальгар и Матчу идет по течению этой реки, замкнутой перед своим выходом на равнину в узкую труднопроходимую теснину.

Из Ферганской долины пути в Фальгар и Матчу идут через перевалы Туркестанского хребта—Шахристан, Обурдон, Кырк-Каз, Матча и др. Древнее ираноязычное население Согда и Давани (Ферганы), вероятно,

Таблица 10

• Сравнение равнинных и предгорных таджиков Узбекистана с горными и предгорными таджиками Таджикистана по основным признакам, дифференциальным между европеоидами и монголоидами

Признаки и баллы	Наличие эпикантуса в %				Положение глазного яблока				Развитие бороды от 25 лет				Горизонтальный профиль лица			
Области	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N
Северный и Центральный Узбекистан, Фергана, Ташкентская, Бухарск., Самарканд. обл.	4,0	2,0	9,1	711	1,97	1,95	1,98	209	2,80	2,58	3,20	528	1,89	1,68	2,20	572
Северный Таджикистан, верховья Зеравшана и Каратегин	0,8	0,0	2,2	1068	1,80	1,71	1,87	464	2,96	2,69	3,04	715	2,09	1,91	2,24	635
Центральный Таджикистан и Дарваз	2,5	0,0	3,1	481	—	—	—	—	3,49	3,42	3,52	286	2,29	1,90	2,53	514
Южный Таджикистан, Ку- лябская область	2,0	0,0	3,3	352	1,66	1,45	1,80	353	3,50	3,32	4,15	125	2,22	2,05	2,36	351
Южный Узбекистан, Сур- хан-Дарьинская область	0,0	—	—	221	1,51	—	—	251	3,04	—	—	182	1,92	—	—	221

Таблица 11

Сравнение равнинных и предгорных таджиков Узбекистана с горными и предгорными таджиками
Таджикистана по основным признакам, дифференциальным между европеоидами и монголоидами

Признаки и баллы	Высота переноса				Поперечный профиль спинки носа				Общий профиль спинки носа				Положение стенок носа			
Области	M	M _{min}	M _{max}	N	M	M _{min}	M _{max}	N	M	M _{min}	M _{max}	N	M	M _{min}	M _{max}	N
Северный и Центральный Узбекистан, Фергана, Ташкентская, Самар- кандская, Бухарская области	2,16	2,00	2,36	711	2,22	1,99	2,31	209	2,14	2,04	2,31	711	1,89	1,87	1,91	155
Северный Таджикистан, Верховья Зеравшана и Каратегин	2,22	2,15	2,44	1068	2,22	2,20	2,27	212	2,13	2,03	2,29	1068	1,97	1,96	2,00	212
Центральный Таджики- стан и Дарваз	2,37	2,26	2,60	51	—	—	—	—	2,08	2,01	2,14	334	—	—	—	—
Южный Таджикистан, Ку- лябская область	2,46	2,25	2,55	—	2,22	2,00	2,59	322	2,07	2,00	2,19	352	1,74	1,68	1,92	321
Южный Узбекистан, Сур- хан-Дарьинская область	2,29	—	—	221	2,39	—	—	220	2,27	—	—	220	1,65	—	—	221

Таблица 12

Сравнение равнинных и предгорных таджиков Узбекистана с горными и предгорными таджиками Таджикистана по основным признакам, дифференциальным между европеоидами и монголоидами

Признаки и баллы Области	Скуловой диаметр				Высота лица морфологическая *				Поперечный диаметр головы				Продольный диаметр головы			
	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N
Северный и Центральный Узбекистан, Фергана, Ташкентская, Самаркандская, Бухарская области	141	138	143	754	127	120	130	654	153	151	158	959	183	180	185	959
Северный Таджикистан, верховья Зеравшана и Каратегин	141	139	142	1071	125	121	129	1071	154	153	156	1113	184	180	186	1113
Центральный Таджикистан и Дарваз	140	139	142	546	125	125	125	514	152	149	155	685	182	181	185	685
Южный Таджикистан, Кулябская область	140	139	142	352	126	121	129	350	153	152	155	351	181	179	182	351
Южный Узбекистан, Сурхан-Дарьинская область	141	—	—	221	126	—	—	221	155	—	—	221	182	—	—	221

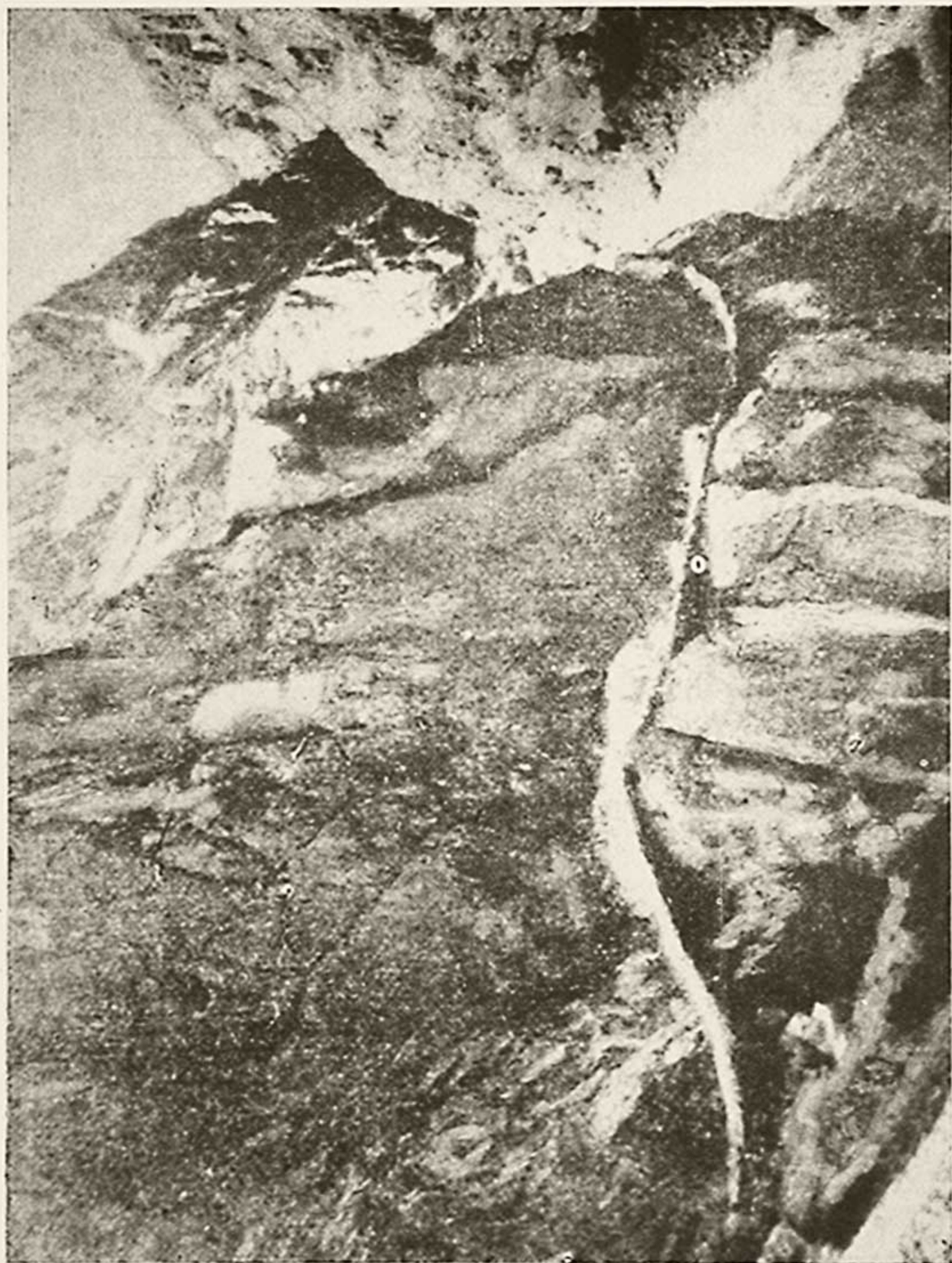

Фото 1. Овринги на Фан-Дарье до постройки автотрассы из Сталинабада в Ура-Тюбе (фото Петровского; из Массальского „Туркестанский край“).

Фото 1а. Овринги на Фан-Дарье. Фото Н. Л. Корженевского.

пользовалось этими же путями. Отсюда оно проникло в теснину Ягноб-Дарьи, частью перевалами Зеравшанского хребта, частью по ущелью левого притока Зеравшана — Фан-Дарьи.

Фан-Дарья вплоть до недавнего времени была «знаменита» своими оврингами—карнизами, искусственными балкончиками, которые складывались из жердей на отвесных скалистых берегах реки. Не случайно при входе в ущелье на таджикском языке была высечена надпись: «Путник! От тебя до могильной земли один шаг! Будь осторожен, как слезинка (повисшая) на веке» [97, стр. 93].

Ко времени нашей экспедиции 1936 г. овринги на Фан-Дарье уже исчезли. В 30-х годах советские строители проложили по берегу реки кусок шоссе, соединяющего Сталинабад с Ферганской долиной через перевал Анзоб (в Гиссарском хребте) и Шахристан (в Туркестанском хребте). На фотографиях 1, 1а, 2, 3, представлена дорога по Фан-Дарье в том виде, в каком она была до постройки шоссе и во время нашей экспедиции в 1936 г.

см. фото 1, 1а, 2, 3

Фан-Дарья прорезает массив Зеравшанского хребта с юга на север. Южнее Зеравшанского хребта она образуется слиянием двух бурных горных рек—Искандер-Дарьи, вытекающей из озера Искандер-Куль, и Ягноб-Дарьи, бегущей с востока на запад в теснине между Зеравшанским и Гиссарским хребтами.

Но особенно изолировано население среднего и верхнего течения Ягноб-Дарьи. Для каждого путешественника, поднимающегося от кишлаков Анзоба и Такфона вверх по Ягноб-Дарье, становится ясной граница географической изолированности ягнобцев.

Во время своего путешествия в Ягноб в 1906 г. Н. Г. Маллицкий отметил, что ниже кишлака Хшартоба, лежащего на правом берегу Ягноб-Дарьи, эта река узкой щелью прорезает массив, соединяющий Гиссарский хребет с Зеравшанским [96]. Во время нашей экспедиции 1936 г., чтобы миновать обрывы, стеною стоящие по правому и левому берегам бурной Ягноб-Дарьи, нам пришлось идти левым берегом, поднимаясь высоко вверх на перевал через описанный Н. Г. Маллицким массив, соединяющий Зеравшанский и Гиссарский хребты. Тропинка, ведущая на этот перевал, идет над самым обрывом. С вершины этого перевала открывается вид на высокогорную часть Ягноба, замкнутого между Гиссарским и Зеравшанским хребтами. Отсюда тропинка круто спускается к мостику, перекинутому через Ягноб-Дарью. Здесь путник сразу попадает в иной суровый ландшафт. Ягноб-Дарья местами прорезает отроги хребтов. В таких местах берега ее отвесны (фото 4). Но гораздо чаще берега образованы террасами, по которым разбросаны очень небольшие кишлаки, с населением в 15—20 дворов (фото 5). Древесной растительности нет. По берегам реки растут лишь кусты черной смородины. В кишлаках посажены довольно чахлые талы. Топливом служит кизяк. Пшеница редко вызревает. Сеют ячмень и подобие гороха («мульк» «му-

шанг»). Эту часть Ягноб-Дарьи, расположенную на высоте 2500—2600 метров над уровнем моря, Н. Г. Маллицкий описал под именем Среднего Ягноба. Самая высокая восточная часть долины, с еще более суровым ландшафтом, выделена Н. Г. Маллицким под именем Верхнего Ягноба. Здесь нет постоянных поселений, эта часть долины используется под летние пастбища. Гораздо менее сурова нижняя часть долины Ягноба, от описанного выше перевала, ведущего в Средний Ягноб, до впадения Ягноб-Дарьи в Фан-Дарью [96]. В нижнем Ягнобе расположены кишлаки Такфон и Анзоб, с таджикским населением.

Население среднего Ягноба говорит на особом языке, не понятном ни таджикам, ни узбекам. Вот это-то население среднего Ягноба, насчитывавшего в 1934 г. всего около 2000 человек—мужчин, женщин и детей [90], известно под именем *ягнобцев*; их самоназвание *ягноби*.

3. Очерк истории исследований ягнобцев и ягнобского языка. Ягнобский язык—реликт языка согдийского

Первое упоминание о Ягнобе встречается еще у Георга Мейендорфа, офицера русской службы, совершившего в 1820 г. путешествие в Бухару в составе русского посольства. Очень интересное описание своего путешествия Мейендорф издал на французском языке [127]. Покойный известный библиограф Средней Азии Е. К. Бетгер перевел этот труд, имеющий исключительно большое значение для истории Средней Азии и для истории ее исследования. Но этот перевод еще не издан. Мейендорф лишь упоминает о Ягнобе и Матче, как о «деревнях», лежащих где-то к северу (?) от Коканда.

Первое упоминание о ягнобцах как о народе, говорящем на каком-то особом языке, совершенно не понятном таджикам и тюркам, имеется у Лемана, совершившего в 1841—1842 гг. путешествие в Бухару в составе русской экспедиции. Экспедиция была приглашена эмиром бухарским для отыскания золотоносного песка в некоторых областях ханства. Члены экспедиции—лейтенант Богословский, географ Ханыков и натуралист Леман прошли вверх по Зеравшану через Пянджикент до Варзиминора (ныне Захматабад), откуда по оврингам Фан-Дарьи до Такфона и вернулись обратно в Бухару. В записках Лемана упоминается, что к востоку от Такфона население говорит на особом языке, совершенно не понятном таджикам. Записки Лемана были изданы в Петербурге академиком Гельмерсеном на немецком языке [126; о языке ягнобцев, стр. 42].

В 1870 г. А. П. Федченко принял участие в экспедиции генерала Абрамова. Он побывал на Искандер-Куле и прошел вверх по Ягнобу до Такфона. В своих заметках А. П. Федченко отмечает, что «в верховьях Ягноу встречаются еще остатки особого народа с самостоятельным языком, сходство которого с другими не вполне выяснено» [104, стр. 50].

Фото 2. Начало автотрассы на Фан-Дарье на месте оврингов (фото антропологической экспедиции, 1936).

В той же экспедиции генерала Абрамова 1870 г. принял участие этнограф А. Кун. Он совершил поездку вверх по Ягнобу до Мерхтумайна, трое ягнобцев доехали с ними до Самарканда и затем вернулись обратно. Они прожили в Самарканде месяц. На базаре их языка никто не понимал [89]. Приоритет в установлении связи ягнобского языка с согдийским принадлежит А. Куну. Он первый высказал предположение, что ягнобцы являются потомками согдийцев [29, стр. 49]. Им опубликованы также 3 фотографии ягнобцев [103, табл. 20]. На этих фотографиях ясно выступает «ягнобский тип», несколько отличный от таджикского (см. ниже).

В 1872 г. в Туркестанских ведомостях было опубликовано подробное описание верховий Зеравшана А. Гребенкиным [86]. Он пишет, что во всей этой горной стране говорят на таджикском языке, «за исключением Ягнопа», где говорят на каком-то другом языке. Автор называет его «джуги» [86, № 23].

В 1874 г. из Матчи в верховья Ягноба прошел Ш. Акимбетев. Он вел запись ягнобских слов и даже отметил некоторые особенности грамматики [80].

В 1876 г. в верховья Зеравшана, на Искандер-Куль и Ягноб совершил путешествие Ф. Коротков. Он также отмечает, что ягнобцы говорят на своем особом горном наречии [95].

В 1878 г. в верховьях Зеравшана побывал французский путешественник Уифальви. Видимо, со слов таджиков он сообщает, что ягнобцы не понимают таджикского языка [135, стр. 14]. Значительно позднее он опубликовал специальную работу о ягнобском языке [136]. Этой статье предпослано предисловие Жирара де Риалья, в котором указывается, что Уифальви использовал не свои материалы, а материалы Акимбетева, который, как указано выше, собрал материалы к грамматике и словарю ягнобского языка. Жирар де Риаль отмечает, что по грамматическому строю ягнобский язык относится к индоевропейским, а по словарному составу близок к иранским.

В работе Уифальви приводится письмо крупнейшего лингвиста Ф. Мюллера, который на основании материалов Акимбетева прямо относит ягнобский язык к иранской группе.

Таким образом, уже первые заметки и беглые наблюдения русских путешественников не могли не привлечь внимания ученых к ягнобцам, а материалы, собранные Ш. Акимбетевым, дали возможность лингвистам рассматривать ягнобский язык, на котором говорит несколько сот человек, как особый язык иранской группы.

Известие о «народе», живущем в одном из очень труднодоступных ущелий Памиро-Алая, народе, насчитывающем всего несколько сот человек, но говорящем на каком-то особом языке иранской группы, побудило французского ученого Г. Капюса предпринять специальное путешествие в Ягноб. Г. Капюс опубликовал обстоятельное описание своего путешествия [115]. Он подробно излагает путешествия своих предшественников—Лема-

на в 1841 г., и в особенности Куна и супругов Федченко во время Искандер-Кульской экспедиции 1870 г.

21 июня 1881 г. Капюс проник в ущелье Ягноба. Описывает трудности пути по оврингам Фан-Дарьи. Дает определение высот над у. м. Такфона (1890) и Анзоба (2200). Из Такфона автор прошел в Хшартоб. Хшартоб он считает границей между ягнобцами и таджиками. Капюс отмечает, что ягнобский язык все более вытесняется таджикским. Во время путешествия Акимбетова (1874) на нем говорило только 1420 чел. Автор подчеркивает, что Ф. Мюллер, основываясь на материалах Акимбетова, считает ягнобский язык очень древним языком иранской группы.

В 1905 г. в верховьях Зеравшана и в Ягноб совершил путешествие известный этнограф и географ Н. Г. Маллицкий. Результаты его исследований были опубликованы значительно позднее [96]. *см. фигу 7*

В самом начале XX века экспедициями Ауреля Штейна были открыты в Восточном Туркестане первые согдийские документы [112, стр. 445 и 469]. Открытие этих документов окончательно уточнило положение ягнобского языка в системе языков иранской группы. Ягнобский язык оказался очень близким к языку согдийскому. В. В. Бартольд прямо называет ягнобский язык «единственным представителем ново-согдийского языка» [105, стр. 30].

Установление близости ягнобского языка к согдийскому снова оживило интерес западноевропейских ученых к ягнобцам.

В 1913 году Французская академия, специально занимающаяся изучением исторических документов, командировала своего члена Готьо в Ягноб, поручив ему возможно глубже изучить ягнобский язык и выяснить степень близости его с языком согдийским.

В том же 1913 г. Гейдельбергская академия наук содействовала путешествию в Ягноб приват-доцента Гессенского университета М. Юнкера. Он списался с Готьо, предлагая ему сотрудничество.

Немецким ученым Юнкером и французским ученым Готьо путешествие в Ягноб было совершено вместе, ровно за год до начала первой мировой войны. Но результаты своих исследований они опубликовали отдельно, каждый в своей стране.

Готьо опубликовал исследования в издании своей академии [118]. Он выделяет в ягнобском языке два диалекта: восточный и западный и вполне разделяет точку зрения других ученых о близости ягнобского языка к согдийскому. Автор сближает ягнобский язык со средневековым согдийским.

Позднее результаты своих исследований изложил Генрих Юнкер в двух работах. Одна из них носит характер общих впечатлений о культурной отсталости ягнобцев [121]. Но вторая работа представляет собою почти монографическое описание долины Ягноба и ягнобцев [122]. В первой части этого труда дается общая характеристика бассейна верхнего Зеравшана, во второй части дается очень подробное изложение работ всех

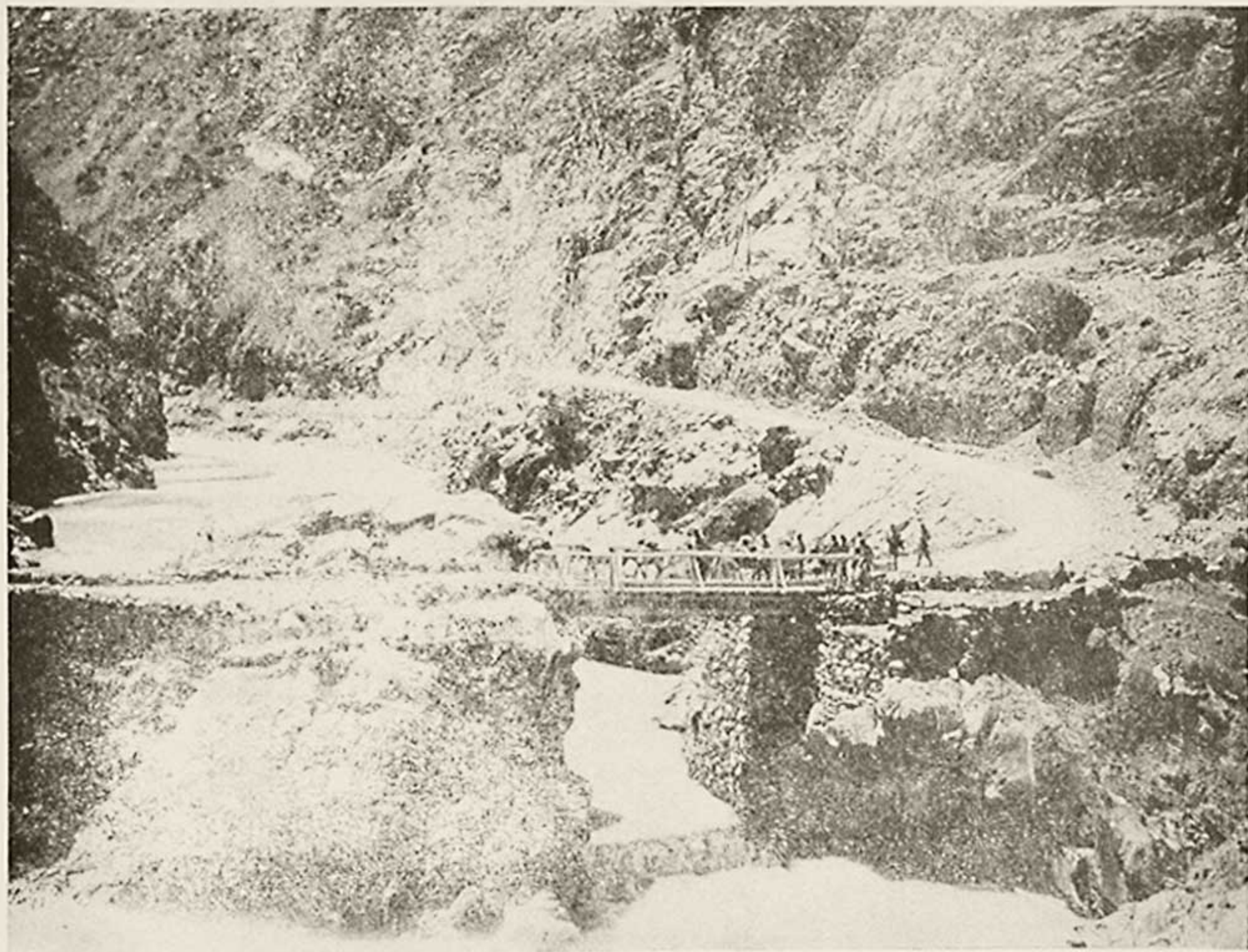

Фото 3. Автогасса на месте оврингов и мост через Фан-Дарью (фото.
антропологической экспедиции, 1936)

предшествовавших исследований—от Мейендорфа, Лемана, Акимбетова до Маллицкого включительно. Особенно подробно он излагает исследования Н. Г. Маллицкого и материалы Куна (1870 г.), которые последним не были опубликованы. Эти материалы хранятся в Академии наук в Ленинграде и в то время были предоставлены Юнкеру акад. Залеманом. В третьей части дается подробный перечень всех кишлаков, в которых жители говорят по-ягнобски. К труду Юнкера приложена подробная карта языков долины Ягноба, которая до сих пор не потеряла своего значения.

После окончания первой мировой войны и гражданской войны исследования ягнобцев возобновились. В 1927 г. Обществом изучения Таджикистана и иранских народов за его пределами была послана в Ягноб этнографическая экспедиция под руководством известного этнографа Средней Азии М. С. Андреева [82].

Экспедиция записала огромное количество текстов на ягнобском языке. Записала 40 ягнобских сказок. По мнению М. С. Андреева, число говорящих на ягнобском языке около 1000—1200. Несмотря на столь малое число жителей, занимающих участок по среднему течению Ягноб-Дарьи, протяжением всего несколько десятков километров, ягнобский язык дифференцирован на 4 говора—«теневого стороны» реки, «солнечной» стороны, верховьев реки и озерный (побережья озера, расположенного в верховьях Ягноба). Характерно, что каждый считает остальные диалекты грубыми, испорченными. Говорящие на одном каком-либо диалекте об остальных отзываются пренебрежительно: «Их язык не имеет мозга (смысла), пустой у них язык» [82, стр. 165].

Экспедиция отметила бытование среди ягнобцев некоторых очень древних обычаев. Таковы: если жених уехал и не может быть на свадьбе, обряд свадьбы совершается с ножом жениха; М. С. Андреев отмечает, что это очень древний обычай арийских племен. Он бытует в Гиссаре, в Матче и в Южной Индии. Ягнобцы верят в духа или демона жатвы: с жатвой надо спешить, так как «нельзя затягивать агонию умирающего поля». В кишлаке есть старец, «дед земледелец», он первым прокладывает борозды, а потом уже жители и т. д.

Таким образом, в замкнутой теснине Ягноба сохранился не только древнесогдийский язык, но и очень древние обычаи.

К концу 20-х годов материалов по ягнобскому языку было уже много. Но согдийский язык по-прежнему был известен лишь по документам, найденным далеко за пределами Согда, в согдийских колониях Восточного Туркестана.

Мировое значение имеет открытие целого архива согдийских документов у слияния Фан-Дарьи с Зеравшаном, недалеко от Захматабада (б. Варзиминора).

Близ Захматабада есть развалины укрепления, носящего у местных жителей название Муг-кала (крепость или «замок магов»).

Весною 1932 г. таджик пастух Джур-Али-Махмад-Али, житель сосед-

него кишлака Хайдарабада, в одном из помещений этого замка нашел ивовую корзину и в ней какой-то документ, написанный странным шрифтом и на странной желтоватой бумаге. Очевидно пастух уже слышал о том, что всякие «древние вещи» не следует выбрасывать. Документ был доставлен в Сталинабад, там его сфотографировали и фотографию послали в Академию наук в Ленинград иранисту А. А. Фрейману.

Эта фотография позволила А. А. Фрейману «с несомненностью установить, что рукопись является документом, написанным согдийским курсивом на согдийском языке» [76, стр. 7].

Было предпринято систематическое исследование «замка магов». В дальнейшем был найден еще 81 документ, написанные на тонкой кулябской бумаге—25 документов, 32—на коже и 23—на деревянных палках. Два документа на коже написаны на арабском языке, 8—на китайском, остальные на согдийском [76, стр. 14].

Изучение двух арабских документов позволило И. Ю. и В. А. Крачковским с точностью установить, что все найденные документы представляют собою архив деловой переписки некоего Дивастига, бежавшего из Самарканда в горы в эпоху арабского нашествия. Крачковскому удалось установить, что весь найденный архив относится к 718—719 гг. нашей эры [76, стр. 54]. Таким образом, в руках исследователей оказался огромный материал по древнесогдийскому языку. Этот материал вполне подтвердил близость ягнобского языка к согдийскому.

4. Вопрос о времени заселения бассейна верхнего Зеравшана согдийцами и вытеснение согдийского языка таджикским

В исторической литературе мы не нашли сведений о том, как давно заселились верховья Зеравшана и его притока Фан-Дарьи выходцами из Согда. Во всяком случае, эти места были обжиты человеком задолго до того как Дивастиг, который в вышеупомянутых документах именуется «согдийским царем, самаркандским господином» [76, стр. 12], оставил свой архив в «замке магов» (Кала-и-Муг), близ нынешнего Захматабада. Как известно, мугами (магами) назывались жрецы домусульманской религии Средней Азии—зороастризма. «В настоящее время в районе верхнего Зеравшана и его притоков, по рекам Фан-Дарья, Ягноб-Дарья, Искандер-Дарья находят десятки развалин замков, подобных замку Кала-и-Муг. Некоторые из них носят то же имя Кала-и-Муг. В древности и раннем средневековье этот горный район был в полном смысле слова страной замков. Население этих мест, в прошлом согдийское, ныне говорит по-таджикски» [54, стр. 146].

О древности поселений в бассейне верхнего Зеравшана свидетельствуют некоторые пережитки первобытно-коммунистических отношений, бытовавшие среди ягнобцев до последнего времени. Этнограф А. Н. Кандауров [90], совершивший поездку в Ягноб в 1934 г., относит к таким пере-

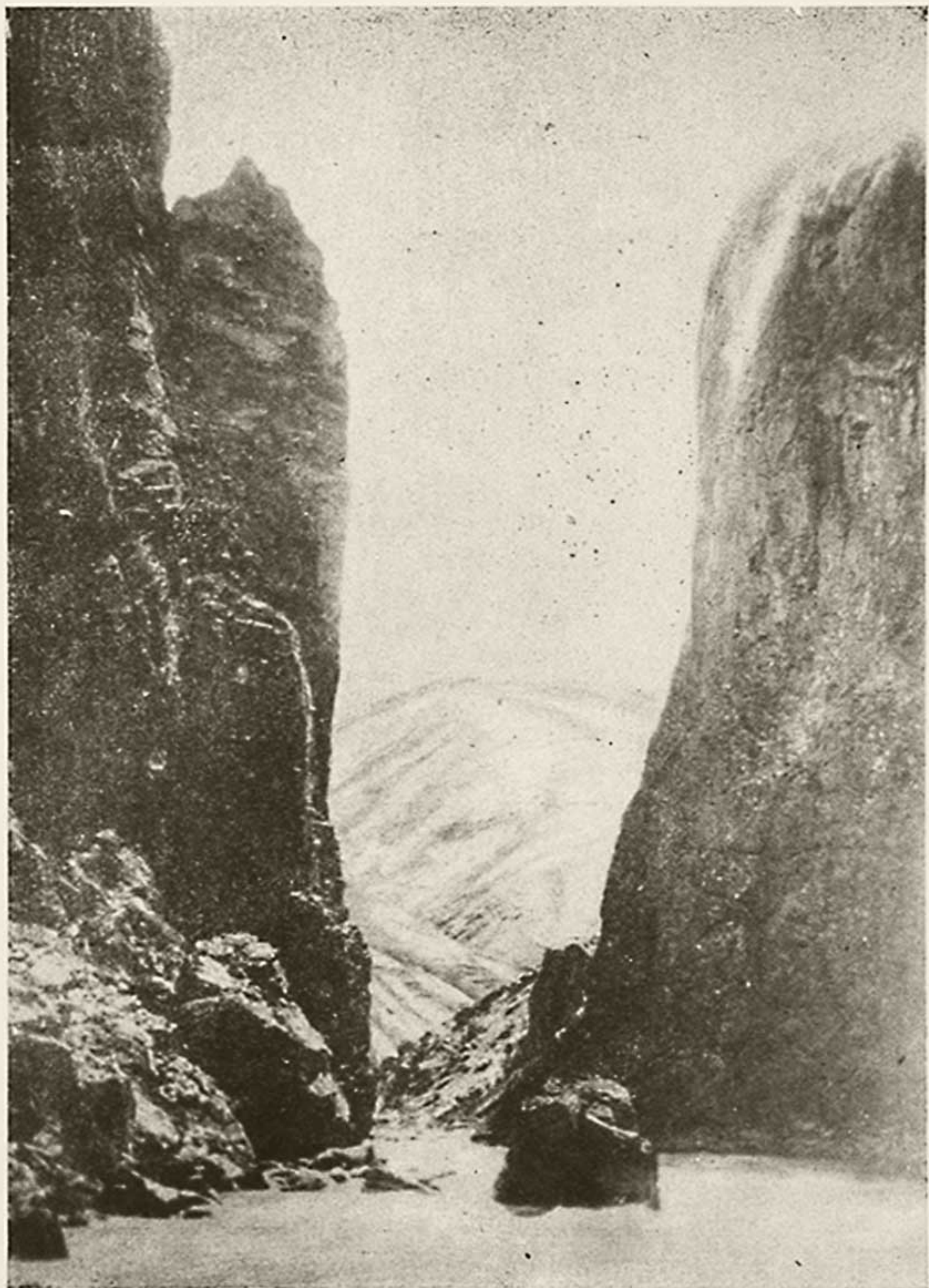

Фото 4. Теснина Ягноб-Дар'я близ кишлака Наумиткана.

житкам в хозяйстве: 1) наличие общинных летовок для выпаса скота и сенокосов, 2) общинные мельницы, 3) сбор подати со всей общины, что в свое время было отмечено еще Куном. Помимо скотоводства, ягнобцы занимаются и земледелием. Засевают главным образом ячмень и особый вид бобовых (мульк, мушанг). Ягнобцы верят в небесного патрона — покровителя земледелия, которого они называют «дедом земледелия». В кишлаках ягнобцев, как и у горных таджиков, есть общинный дом, своего рода клуб («михмон-хона» — дом для гостей, «алау-хона» — дом огня у таджиков). Оригинальное жилище представляет собою большие строения, низкие одноэтажные, в которых под одной крышей живут 8—10 семейств кровных родственников по мужской линии (фото 6). Такие своеобразные «многоквартирные дома» с одной общей крышей носят у ягнобцев название — «большая крыша». Сожительство нескольких кровно-родственных семей под одной общей крышей А. Н. Кандауров считает пережитком большой патриархальной семьи.

Что касается времени вытеснения согдийского языка таджикским, то этот процесс в верховьях Зеравшана начался позднее, чем в равнинах Согда, и даже еще не закончился поныне, о чем свидетельствует единственный живой «ново-согдийский» язык, как его называет В. В. Бартольд, язык ягнобский [105, стр. 30].

Во время нашей экспедиции 1936 г. кишлак Хшартоб, лежащий у подножья перевала, ведущего с нижнего Ягноба в средний, был последним кишлаком, в котором говорили по-таджикски и не понимали ягнобской речи. В кишлаках, лежащих выше по Ягноб-Дарье, «родным» языком был уже язык ягнобский, хотя большинство мужского населения говорило и на таджикском языке. Но женщины в большинстве случаев знали только ягнобский язык. Ягнобский язык был разговорным языком, языком домашнего быта, таджикский язык стал языком для «международных отношений».

Капюс, совершивший путешествие в Ягноб в 1882 г., также считал границей между таджикским языком и ягнобским кишлак Хшартоб. Выше Хшартоба говорили уже только на ягнобском языке [115].

Но во время Искандер-кульской экспедиции 1870 г. Кун отметил, что в Хшартобе еще знали ягнобский язык. Во время путешествия Аким-бетева в 1881 г. в самых верхних кишлаках Ягноба в Кирионти и Дехи-Калоне также еще говорили по-ягнобски, но во время путешествия Малицкого в 1906 г. ягнобский язык в этих верхних кишлаках был уже вытеснен таджикским [96, стр. 173].

Во время совместного путешествия Генриха Юнкера и Готье в 1913 г. западной границей ягнобского языка был уже не Хшартоб, а Варсаут. В нем говорили и по-ягнобски и по-таджикски [122, стр. 115]. Восточной границей был кишлак Дехи-Калон, население которого также было двуязычным.

Таким образом, вытеснение ягнобского языка таджикским идет как с запада, так и с востока.

Процесс вытеснения согдийского языка таджикским шел со стороны Согда вверх по Зеравшану. Нижние кишлаки, вероятно, были отаджичены раньше. Но не только в эпоху арабского завоевания в VIII веке государственным языком Согда был язык согдийский (о чем свидетельствует архив Дивастига), но и в более позднюю эпоху, в X веке, в Бухаре разговорным языком был язык согдийский, а «предок» современного таджикского языка, так называемый язык «дари», играл роль языка литературного [54, стр. 224].

5. Отличия антропологического типа ягнобцев от типа соседящих с ними горных таджиков

(Количественные и качественные признаки см. приложение)

Во время экспедиции 1936 г. мне удалось антропологически исследовать не только ягнобцев, но и соседящих с ними таджиков, живущих по верхнему Зеравшану, по Фан-Дарье и по нижнему течению Ягноб-Дарьи. В 1930 г. В. К. Ясевич исследовал самую восточную группу таджиков верховьев Зеравшана — таджиков Матчи. В 1936 г. я исследовал ближайших к ягнобцам таджиков Хшартоба, Такфона, лежащего на правом берегу нижней Ягноб-Дарьи и Захматабада, расположенного у места впадения Фан-Дарьи в Зеравшан. Все эти таджики бассейна верхнего Зеравшана являются типичными представителями европеоидной расы Среднеазиатского междуречья.

Ягнобцы представляют основной вариант этого типа. Среди них значительно чаще, чем среди таджиков, встречаются особи с переднеазиатскими (арменоидными) чертами. В таблице 13 ягнобцы сравниваются с соседящими с ними таджиками верховьев Зеравшана и типичными представителями переднеазиатской (арменоидной) расы — среднеазиатскими евреями. Как указывалось в главе IV части I, переднеазиатская брахицефальная раса отличается от брахицефальной расы Среднеазиатского междуречья по ряду таксономически важных признаков: переднеазиатской расе свойствен более обильный волосяной покров, более высокое переносье, более высокие крылья носа, менее уплощенный поперечный профиль спинки носа, более выпуклый общий профиль спинки носа, более вертикальное положение стенок носа. По всем этим признакам ягнобцы занимают промежуточное положение между таджиками и евреями.

Как неоднократно отмечалось выше, в определении описательных признаков неизбежна доля субъективизма. В данном случае достоверность полученных данных гарантируется тем, что наблюдения описательных признаков велись одним и тем же лицом — мною, за исключением таджиков Матчи, исследованных В. К. Ясевичем. Но с Ясевичем мы про-

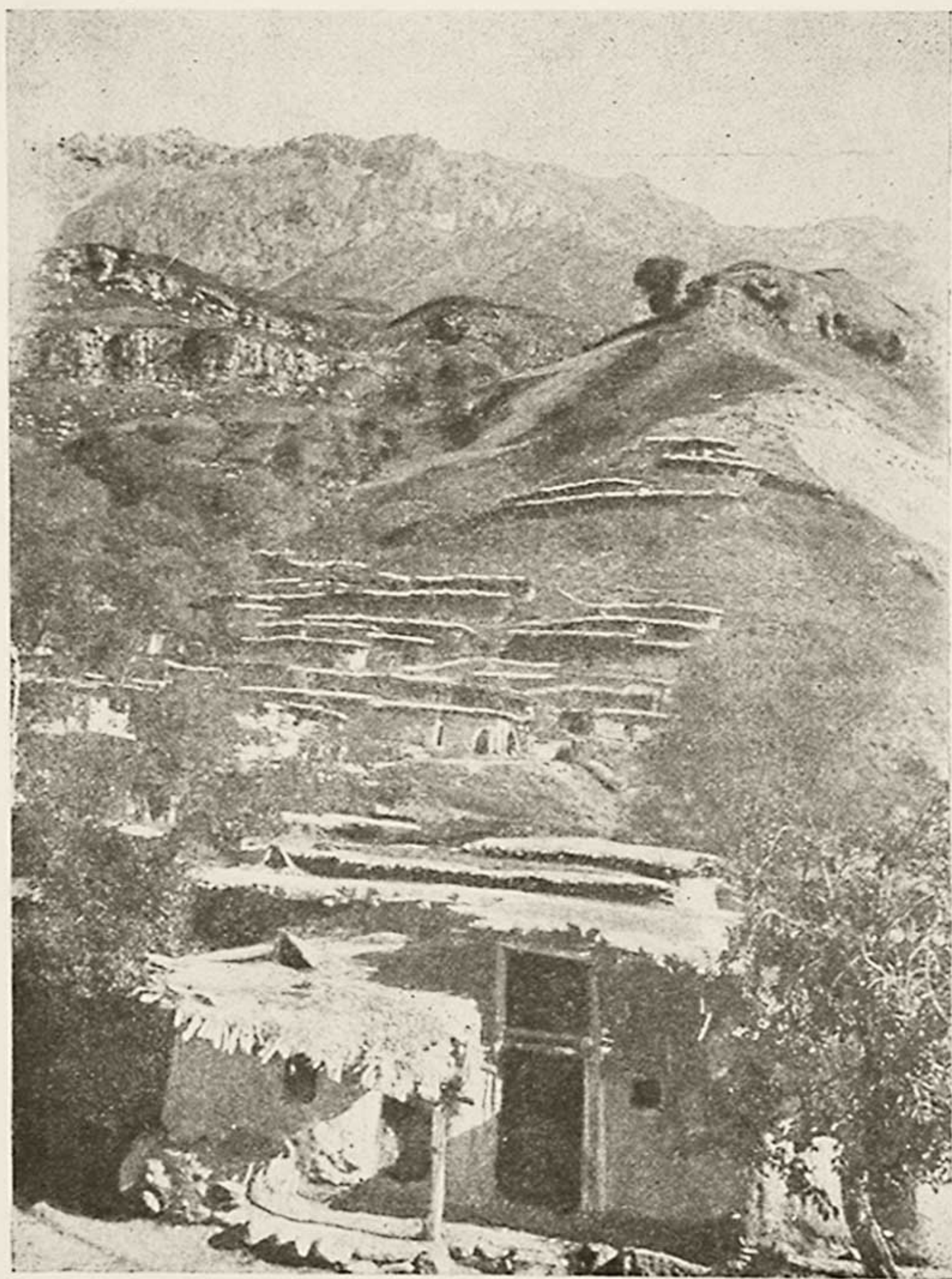

Фото 5. Кишлак Хшартоб в Ягнобе (фото антропологической экспедиции 1936).

Фото 6 Лагерь экспедиции на крыше большого дома ягисбцев (фото экспедиции, 1936).

Таблица 13

Сравнение ягнобцев с представителями расы Среднеазиатского междуречья — таджиками и представителями переднеазиатской расы — евреями

Расовые типы	Области	Районы, исследователи, год исследования	Этнические группы	Наличие эпикантуса в %	Горизонтальный профиль лица	Развитие бо-роды от 25 лет	Высота переносы	Высота крыльев носа	Поперечный профиль спинки носа	Общий профиль спинки носа	Положение стенок носа	Цвет глаз	N
Раса Среднеазиатского междуречья	Верховья Зеравшана	Матча, Ясевич, 1930	таджики	0,0	2,11	—	2,15	2,16	—	2,00	—	1,16	102
	.	Захматабад, Ошанин, 1936	.	0,0	1,97	2,69	2,24	2,18	2,21	2,23	1,97	1,11	101
	Долина Ягноб-Дарьи	Такфон, Ошанин, 1936	.	0,0	1,91	2,78	2,20	2,24	2,20	2,07	1,96	1,03	60
	.	Хшартоб, Ошанин, 1936	.	0,0	2,00	3,04	2,33	2,50	2,27	2,08	2,11	1,09	51
Переднеазиатская раса	.	Ягноб, Ошанин, 1936	ягнобцы	0,0	2,03	3,16	2,56	2,54	2,55	2,25	1,84	1,23	103
	Бухарская область	Бухара, Ошанин, 1926	евреи	0,0	2,25	3,95	2,66	2,53	—	2,63	1,64	1,17	136
	Кашка-Дарьинская область	Шахрисябз, Ошанин, 1927	.	0,0	2,26	4,09	2,75	2,65	—	2,71	1,44	1,4	103

вели совместно три экспедиции и выработали достаточно близкие масштабы в определении описательных признаков.

Вместе с тем нельзя не отметить, что отличия европеоидов Передней Азии от европеоидов Средней Азии идут в том же направлении, в каком вообще идут отличия европеоидов от монголоидов: исчезает эпикантус, увеличивается третичный волосяной покров, уменьшается плосколицость, повышаются корень и крылья носа, боковые стенки носа становятся менее наклонными.

Возможно, что в древности раса Среднеазиатского междуречья была очень близка к переднеазиатской расе, а наблюдаемые ныне различия являются результатом монголизации европеоидов Среднеазиатского междуречья.

Возможно, что переднеазиатский облик ягнобцы сохранили в большей степени потому, что они совершенно избежали монголизации в силу многовековой замкнутости в долине Ягноба.

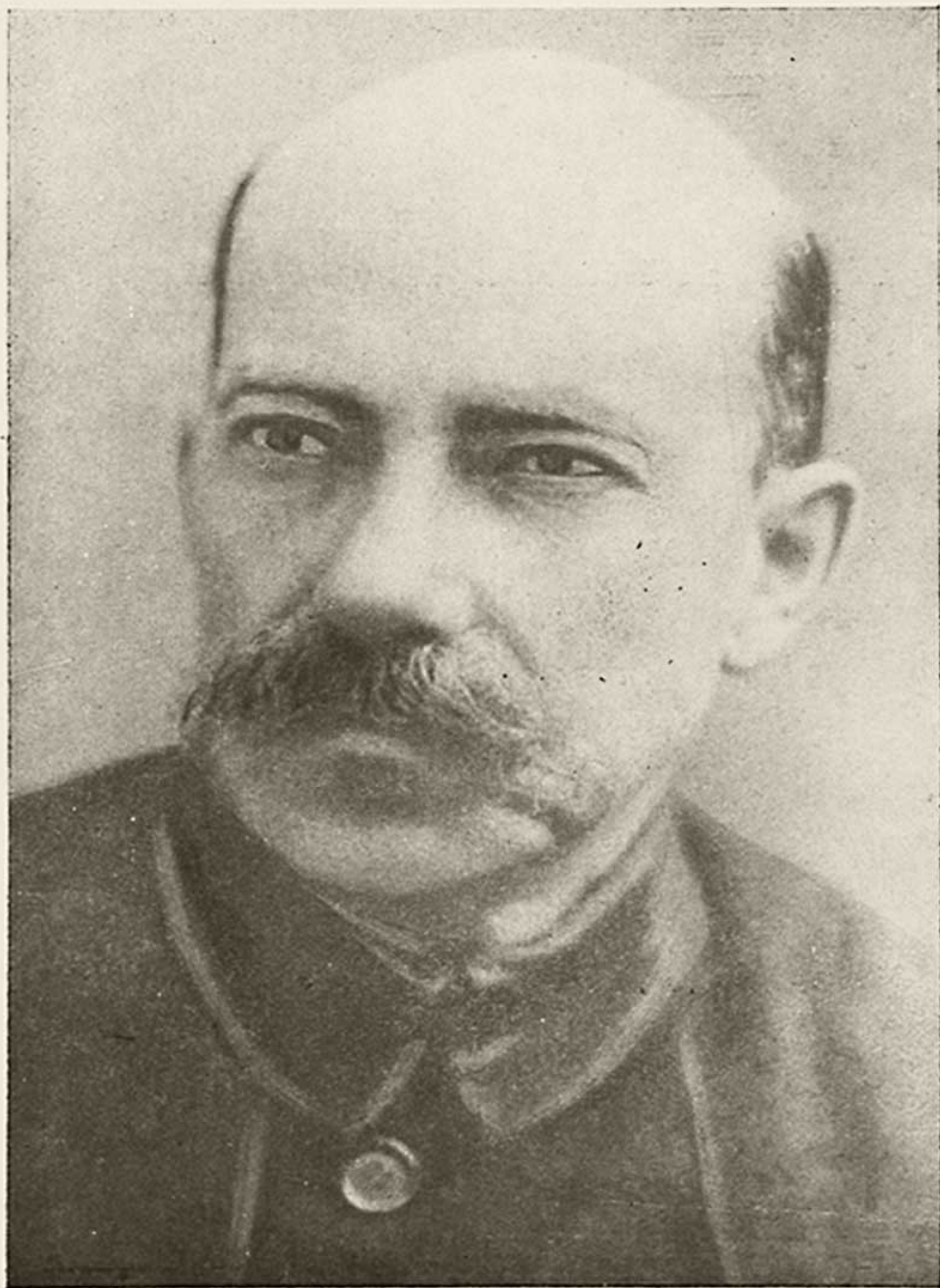

Фото 7. Исследователь географии Ягноба и этнографии ягнобцев Николай Гурьевич Малицкий в год опубликования труда о ягнобцах (1924).

Г Л А В А III

ЭТНОГЕНЕЗ ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН ЗАПАДНОГО ПАМИРА ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИКИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

*1. Иранские племена Западного Памира**

Под Памиром, как известно, разумеют высокогорную страну, расположенную на стыке высочайших горных систем земного шара—Гиндукуша, Гималаев, Коракорума, Куэнь-Луня и Тянь-Шаня. По устройству своей поверхности, общему ландшафту и климату Памир разделяется на Восточный и Западный.

Северо-восточная его часть, так называемый Восточный Памир, представляет собою плато, или точнее—систему очень широких, ровных, как стол, долин, разделенных невысоко поднимающимися над ними горными цепями. Но в целом и климатически, и экологически это—высокогорная пустыня-тундра, ибо и самые равнины этого плато расположены на высоте 3500—4500 метров над уровнем моря.

К югу и западу от этого плато тянутся очень высокие снежные хребты—Ваханский, Шугнанский, Рушанский и Язгулемский, являющиеся водоразделами между притоками Пянджа—Шахдарой, Гунтом, Бартангом и Язгулемом.

По мере понижения узких долин и теснин, по которым бегут на юг и юго-запад, направляясь к Пянджу, его притоки, климат становится мягче, растительность обильнее, население гуще.

Вся система этих хребтов, стиснутых между ними притоков Пянджа, равно как и долина самого Пянджа, ограниченная с севера и северо-востока круто обрывающимися здесь названными горными цепями, а с юга и юго-запада—не менее крутыми склонами хребтов системы Гиндукуша, носит название Западного Памира.

Население осело здесь в тех местах, где возможно земледелие—на речных террасах и конусах выносов горных потоков по Пянджу и перечисленным его притокам.

Территориально оно расчленено на группы, замкнутые в ущельях гор. Вот эти-то малочисленные, отделенные одна от другой горными цепями

* Разделы 1—5 главы X представляют собою выдержки из монографии автора, специально посвященной иранским племенам Западного Памира (Л. В. Ошанин, *Иранские племена Западного Памира*, Ташкент, 1957).

группы, говорящие на различных самостоятельных диалектах иранской лингвистической ветви, и представляют собою интересующие нас иранские племена.

2. Принадлежность племен Западного Памира к иранской лингвистической ветви и их диалектологические подразделения

Как известно, индоевропейские или «арийские» языки Азии подразделяются на две основные группы—иранскую и индо-арийскую. На иранских языках говорят в Иране и в Средней Азии, на индо-арийских—в Индии. Памир расположен на стыке индоевропейских или арийских племен: к югу от него, по ту сторону Гиндукуша, говорят уже не на иранских, а на индо-арийских языках.

Но принадлежность племен Западного Памира к иранской лингвистической ветви прочно установлена лингвистами.

Основным трудом, выяснившим главнейшие черты языков Пянджа и наметившим их положение в ряду языковых семейств и групп, является вышедший более полстолетия тому назад труд Томашека о «Памирских диалектах» [134]. Он научно переработал материалы по ваханскому, шугнанскому и сарыкольскому языкам, собранным в 70 годах прошлого столетия английским путешественником Shaw. Тогда же стало известно, что речь памирской «гальчи» непонятна таджикам. Бухары и Самарканда, которые говорят на языке, близком к «фарси». Термин «гальча» очень расплывчат. Вообще этим термином обозначали «горных таджиков», в противоположность «таджикам равнинным». Происхождение самого термина «гальча», по Бартольд, таково: арабские географы называли страной Гарч или Гарчиستانом верховья реки Мургаба, а жителей этой страны называли «гарча». Тогда же этот термин стал применяться и к жителям верховьев Зеравшана. По Томашеку—это название происходит от древнебактрийского слова «гар»—гора. В дальнейшем вместо «гарча» стали говорить «гальча» и обозначать этим названием «арийское население верховьев Аму-Дарьи», т. е. интересующие нас племена Пянджа [33, стр. 27].

Томашек выяснил, что речь племен, объединяемых общим именем «памирской гальчи», непонятная равнинным таджикам, которые говорят на близком к «фарси» языке, все же вместе с таджикским языком должна быть отнесена к иранской ветви индоевропейских языков [134, стр. 735].

Последующие сравнительно-лингвистические исследования лишь окончательно укрепили это основное положение. В частности, один из первых исследователей Памира—геолог Д. Л. Иванов составил во время своего путешествия на Памир (1883 г.) русско-шугнанский словарь. Академик Залеман, называя собранные Д. Л. Ивановым материалы «драгоценными», обработал их и издал [108]. Залеман, как и Томашек, считает

языки верховьев Пянджа самыми восточными диалектами иранской группы. «На них говорят различные иранские племена, вытесненные судьбою в горные ущелья у верховьев Аму-Дарьи и ее притоков, так называемая гальча» [108, стр. 27].

К совершенно аналогичным выводам приходит немецкий лингвист В. Гейгер [119]. Он считает несомненным, что «памирские диалекты» представляют собою лишь крайнюю северо-восточную ветвь иранской языковой группы [119, стр. 290]. При этом Гейгер подчеркивает, что памирские диалекты можно объединить не только по территориальному принципу, по их географической приуроченности к верховьям Аму-Дарьи, но и с чисто лингвистической точки зрения они представляют собою единое целое, выработавшееся исторически.

Вместе с тем по своему словарному составу памирская группа настолько отлична от таджикского языка, что их речь непонятна таджикам. В итоге, рассматривая иранские племена Западного Памира с чисто лингвистической точки зрения, Гейгер приходит к тому выводу, что они являются потомками тех иранских племен, которые обитали в Восточном Иране (то есть на территории нынешнего Афганистана) в эпоху «мусульманского» (арабского) нашествия (VII—VIII вв. н. э.). По его мнению, рушанцы, шугнанцы, ваханцы и др. сложились из осколков племен, которые уходили в горы, не желая подчиниться новым завоевателям и принять новую религию—ислам. Ислам в странах Пянджа распространился позднее, чем в других областях Средней Азии. Поэтому среди памирских иранцев до сих пор еще сохранились остатки древнейшей иранской религии—зороастризма.

Таким образом, Западный Памир, географически открытый («открытый» весьма относительно) только в сторону Ирана, заселен племенами, которые по единодушному признанию лингвистов должны быть отнесены к крайней северо-восточной ветви иранцев.

Помимо вышецитированных авторов, к этому основному выводу, определяющему лингвистическое положение племен Западного Памира, приходит и ряд других исследователей—Кенингам, Шоу, Дрю и Бидольф [31, стр. 30].

Иранская лингвистическая группа Памира в свою очередь дифференцирована на ряд диалектов.

Очень малочисленные племена Западного Памира, замкнутые в узких ущельях Пянджа и его притоков, живут в условиях естественных изоляторов: они отделены друг от друга высокими, покрытыми вечными снегами и ледниками горными хребтами, которые лишь кое-где проходимы по очень трудным перевалам. Население почти каждого притока Пянджа, насчитывающее всего лишь несколько тысяч и даже сотен человек, говорит на своем особом языке. Правда, эти языки рассматриваются лингвистами не как самостоятельные «языки», а лишь как «диалекты». Но

все же эти диалекты в ряде случаев так далеки, что два соседних племени не понимают друг друга.

За отсутствием этнической карты Памира, для иллюстрации разобщенности отдельных племен, замкнутых между хребтами Ванчским, Язгулемским, Рушанским, Шугнанским, Ваханским и Гиндукушем, ограничиваемся «схематической картой народов Памира», заимствованной нами у Арведа Шульца [131]. Мы внесли в нее лишь некоторые видоизменения и дополнения, например, языки «сангличи» и «мунджани», на которых говорят жители Санглича и Мунджана, расположенных к юго-востоку от Зебака, и язык «йидга», на котором говорят уже по ту сторону Гиндукуша, на южной окраине перевала Дро в Индчигане [119, стр. 291; 120, стр. 6]. К сожалению, того, что для нас сугубо важно, а именно, законченной классификации памирских диалектов с указанием взаимных связей между отдельными диалектами и их положения в ряду других иранских языков, нам не удалось найти. По-видимому, такая классификация остается пока делом будущего и станет возможной лишь после более углубленного исследования лингвистами всей языковой пестроты Памира и припамирских стран. Но все же при сопоставлении выводов различных исследователей намечаются сходства и различия между отдельными памирскими диалектами. Приводим здесь те данные, которые нам удалось найти у различных авторов.

На северо-западе Западного Памира, в долине р. Язгулема, замкнутой между Ванчским и Язгулемским хребтами, живут язгулемцы. Разделенные от них Язгулемским хребтом обитатели теснины Бартанга не понимают язгулемской речи (хотя язгулемский язык все же стоит ближе к шугнанскому и рушанскому, чем к ваханскому и ишкашимскому) [120, стр. 7]. Впрочем, язгулемская речь сохранилась лишь частично, так как большая часть населения долины Язгулема уже отаджичена по языку. Но поскольку на язгулемском языке продолжают говорить в некоторых кишлаках, ближайшие соседи язгулемцев—бартангцы пользуются в своих сношениях с язгулемцами таджикским языком [87, стр. 104], который, как то нам приходилось наблюдать и в других областях Памира, играет здесь роль «языка международного». К сожалению, мне не удалось найти язгулемцев в Шугнанае, что и понятно, так как единственным сообщением между Язгулемом и Рушаном являются либо очень труднодоступный перевал Иодуди (4250 м над у. м.) через Рушанский хребет, либо опасные овринги (карнизы) по берегу Пянджа, которые во время нашего пребывания в Шугнанае были затоплены. О язгулемцах мы здесь упоминаем с целью подчеркнуть вековую разобщенность иранских припамирских племен, обусловившую и их лингвистическую раздробленность.

Ближайшие соседи язгулемцев—бартангцы сами считают себя особым племенем и сами указывают занимаемую ими территорию: она простирается по течению Бартанга от кишлака Басит в его верховьях до кишлака Шунджан в его низовьях. Таким образом, Шунджан является

границей между бартангцами и рушанцами. Эта племенная граница «вполне совпадает с диалектическими различиями, которые, впрочем, не настолько значительны, чтобы выходец из верхнего Бартанга не мог понять уроженца Рушана» [87, стр. 104].

Рушанцы занимают устье Бартанга, а также афганский и советский берега Пянджа, на коротком его отрезке от впадения Бартанга до Язгулемского хребта.

Выше по Пянджу к ним примыкают шугнанцы, населяющие Пяндж примерно до его излучины, где он меняет свое направление, круто поворачивая к северу, и его притоки Гунт и Шахдару. Шугнанский язык отличается от рушанского языка лишь некоторыми диалектическими особенностями [119, стр. 291]. Но в общем языки бартангский, рушанский и шугнанский настолько близки, что могут быть объединены в одну рушано-шугнанскую группу [88].

В эту же группу входят и сарыкольцы, которые являются самыми восточными из иранских племен Памира и живут уже за его пределами, в Сарыколе. Близость сарыкольского языка к шугнанскому была установлена еще Томашеком, который рассматривал их как восточный и западный диалекты афганского языка «пушту» [134, стр. 742].

Эту принадлежность сарыкольского языка к рушано-шугнанской группе вполне подтверждает Гейгер, который объединяет их в одну общую группу—шугнанско-сарыкольскую [119, стр. 290].

Однако сарыкольцы отделены от лингвистически ближайших к ним шугнанцев ваханцами и ишкашимцами, которые говорят на особых языках—ваханском и ишкашимском, и не понимают ни друг друга, ни сарыкольцев с шугнанцами. Советский и афганский Ишкашим расположен по берегам Пянджа, в той его излучине, где он меняет направление с западного на северное.

Ишкашимский язык еще не был известен Томашеку; этот исследователь о нем не упоминает. А. А. Бобринский на основе последующих исследований отмечает, что хотя ишкашимцы и не понимают ваханцев, но все же ишкашимский язык ближе к ваханскому, чем к шугнанскому [83, стр. 12]. По-видимому, ишкашимский язык склонны были рассматривать как в высшей степени смешанный, сложившийся из многих языковых элементов, что обуславливается географическим положением Ишкашима, расположенного на перекрестке дорог, идущих с запада на восток—из Бадахшана в Восточный Туркестан, и с севера на юг—из Восточного Памира в Западный Памир, Читрал и Индию [83, стр. 12].

Грирсон, посвятивший специальный труд языкам ишкашимскому, зебакскому и язгулемскому, уточняет положение ишкашимской речи в ряду других памирских диалектов. По его мнению, ишкашимский язык уже всецело тяготеет к тем диалектам, на которых говорят по ту сторону Пянджа, а именно на северных склонах Гиндукуша, в Зебаке и Сангличе.

Поэтому диалекты Зебака, Санглича и Ишкашима следует объединить в одну группу—«ишкашимскую» [120, стр. 3—4].

Цитируемый автор ссылается на Ауреля Штейна, по которому Ишкашим и Зебак, географически представляющие одно целое, всегда были объединены и политически. Весь этот район управлялся собственными эмирами, зависимыми от Бадахшана. Такое положение вещей нашел еще Марко Поло, проходивший эти страны в 1273—1274 гг., на пути из Индии в Монголию, через Вахан и Памир [120, стр. 5].

По Грирсону, к ишкашимской группе примыкает до известной степени мунджанский язык, специально исследованный И. И. Зарубиным [109], а также диалект мунджанского языка «йидга», на котором говорят по ту сторону Гиндукуша на спуске перевала Дро, в читральских селениях Леоткух (?) и Индчигане; этот последний указан у Гейгера [119, стр. 291]. Язык «йидга»—единственный иранский (если не считать ваханской колонии в Читрале), на котором говорят по ту сторону Гиндукуша, в пределах Британской Индии, индоевропейские племена которой уже всецело входят в круг не иранских племен, а племен индо-арийских [120, стр. 7]. Последнее обстоятельство подчеркивает и Гейгер, называя язык «йидга» единственным иранским языком к югу от Гиндукуша, а сарыкольский—единственным к востоку от Памира [119, стр. 291].

Таким образом исследования Грирсона, являющиеся позднейшими (1920), выяснили, что из памирских диалектов может быть выделена «ишкашимская» группа, в которую входят диалекты: 1) ишкашимский, 2) зебакский и 3) сангличи. По Грирсону, к этой же группе примыкают диалекты: 4) мунджанский и его разновидность—5) йидга. Однако в работе И. И. Зарубина, специально посвященной мунджанскому языку [109], я лично не нашел прямого указания на близость этого языка к ишкашимской группе Грирсона, хотя работа Зарубина вышла в свет позднее (в 1927 г.) работы Грирсона (1920 г.), посвященной не мунджанскому языку, а языкам сангличскому, зебакскому и ишкашимскому. С другой стороны, близость мунджанского языка к языку сангличи из ишкашимской группы Грирсона отмечена еще Томашеком. Он высказывается в том смысле, что мунджанский язык во многом близок к сангличи и отличается от него лишь некоторым своеобразием [134, стр. 738].

Но как бы там ни было, выделение Грирсоном в особую группу тех диалектов, на которых говорят племена, населяющие северные и частью южные (йидга) склоны Гиндукуша, вполне подтверждает то, что за 20 лет до него было намечено Гейгером. Так, Гейгер уже подразделял памирские диалекты на две группы—на диалекты Пянджа и на диалекты Гиндукуша, хотя для нас остается неизвестным, основывалось ли в то время такое подразделение на чисто территориальном принципе или в основе уже лежали сравнительно-лингвистические факты.

В своем кратком обобщении, которое он предпосылает специальному

лингвистическому исследованию, Гейгер дает следующую, если не классификацию, то, во всяком случае, схему памирских диалектов:

Схема Гейгера

1. Диалекты Пянджа:

1) ваханский, 2) ишкашимский (тогда еще не изученный), 3) шугнанский и 4) сарыкольский. К шугнанскому близко стоит рушанский, отличающийся от него лишь некоторыми диалектическими особенностями.

II. Диалекты Гиндукуша

1) сангличи, 2) мунджанский и 3) йидга.

Судя по позднейшим исследованиям Гирсона, эта схема должна быть изменена лишь в том смысле, что ишкашимский язык относится не к диалектам Пянджа, а к диалектам Гиндукуша.

В итоге, если сопоставить более ранние и более поздние выводы, к которым пришли лингвисты, по-видимому, достаточно прочно установленным нужно считать следующее.

К северу и западу от Западного Памира, в Бадахшане, Дарвазе, Кулябе, Каратегине и в др. областях Памиро-Алая (за исключением Ягноба) иранцы говорят на таджикском, т. е. близком к «фарси» языке. Среди же припамирских и памирских племен лингвистами намечены следующие сходства и различия, определяющие степень близости различных диалектов между собой.

Судя по вышеприведенным мнениям лингвистов, в группе Пянджа могут быть выделены три подгруппы: 1) шугнанско-сарыкольская, с включением в нее диалектов бартангского и рушанского, 2) ваханская и 3) язгулемская, которая, однако, больше тяготеет к шугнанско-сарыкольской группе, чем к ваханской [20, стр. 7]. Степень близости диалектов Гиндукуша в том виде, как ее понимает Гирсон, изложена выше.

По-видимому, обособленное других стоит диалект ваханский. У Бобринского мы нашли высказанное в неясной форме замечание о том, что ваханский язык ближе к ишкашимскому, чем к шугнанскому [83].

Скажем еще несколько слов о языках племен, отделенных от Западного Памира Гиндукушем. Как отмечено выше, из иранских диалектов южнее Гиндукуша найден лишь диалект йидга, близкий к мунджанскому, а остальные диалекты относятся уже к индо-арийской лингвистической ветви. При этом Г. Бушан отмечает, что лингвисты не рассматривают эти языки как отделившиеся от классического санскрита; они обнаруживают сходство с иранскими [114, стр. 457].

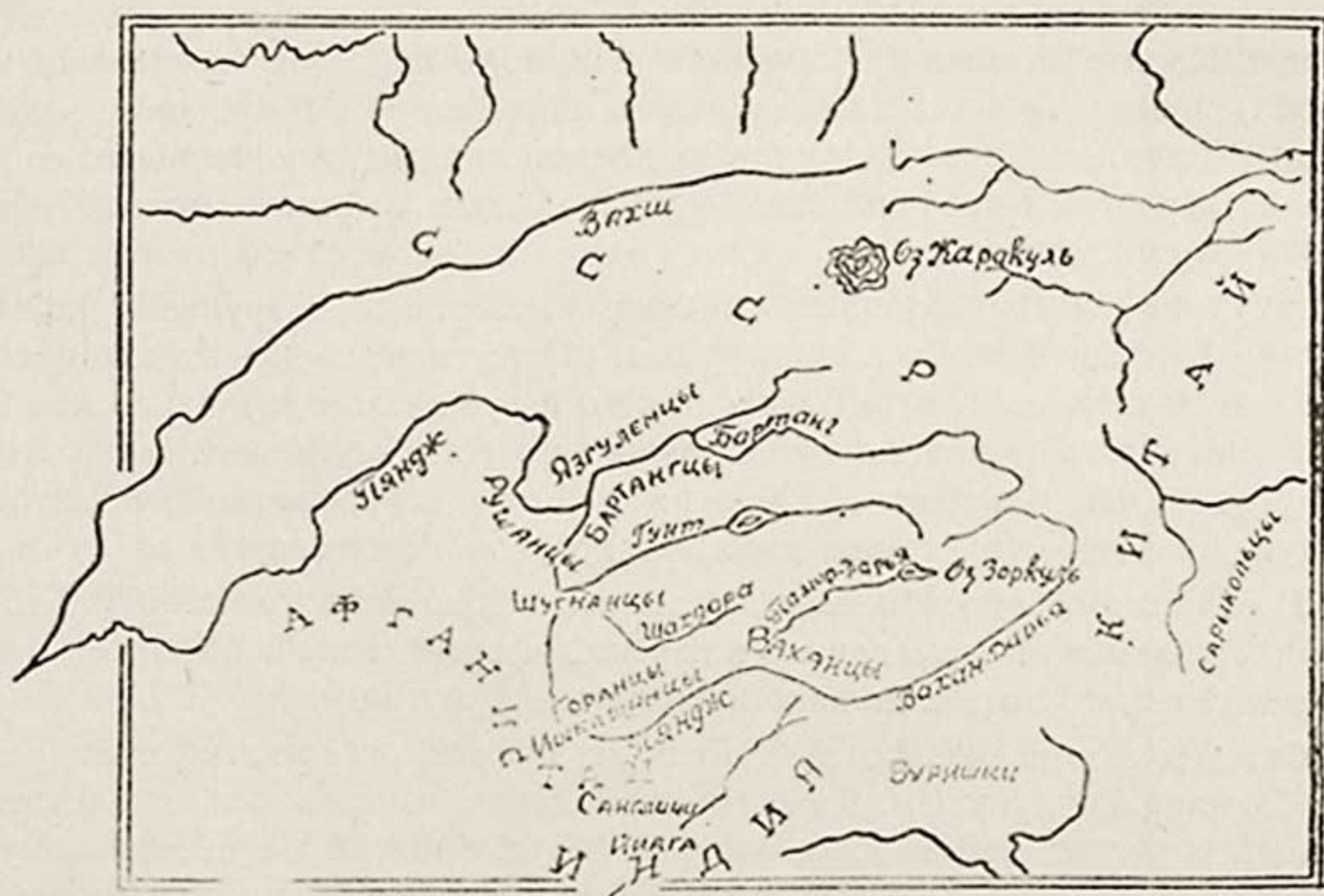
Наконец, южнее Гиндукуша, а именно в Канджуте, совершенно обособленно от всех арийских языков (как иранских, так и индо-арийских) стоит язык канджутский, специально изучавшийся Зарубиным [110]. Канджутский язык в свою очередь дифференцирован на два диалекта—

вершицкий и буришский (на приводимой нами схематической карте А. Шульца канджутский язык обозначен именем «буришки»).

Таким образом, в замкнутых ущельях Западного Памира и Гиндукуша отдельные, очень малочисленные, изолированные группы говорят на иранских и индо-арийских языках, которые в свою очередь распадаются на ряд диалектов настолько различных, что нередко два соседних племени одной и той же языковой ветви не понимают друг друга. Из этих племен мы исследовали только иранцев группы Пянджа.

3. Разобщенность отдельных племен и сведения об их численности

В странах верховьев Аму-Дарьи, носящих свои названия по именам племен (или наоборот)—в Рушане, Шугане, Ишкашима, Горане и Вахане—Пяндж, являясь государственной границей между СССР и Афганистаном, ни в какой степени не является границей этнической. Указанные отношения хорошо иллюстрируются картой, которую мы заимствовали у

Карта 2.

Арведа Шульца. Со времени его путешествия (1911 г.) государственная граница здесь не изменилась. Пределы Рушана, Шугнана, Горана, Ишкашима и Вахана на афганской территории указаны на карте Бадахшана, приложенной к географическому труду афганского ученого Бурхана-уд-Дина-хана-и-Кушкеки [84, стр. 88].

Что касается нашего материала, то и в нем попадаются среди рушанцев, шугнанцев и ваханцев уроженцы кишлаков, расположенных по ту сторону Пянджа, в пределах афганского Рушана, Шугнана или Вахана.

Помимо резкой обособленности и разобщенности, обусловленных рельефом, помимо лингвистических различий, для всех исследованных нами племен характерна их чрезвычайная малочисленность. Самыми многочисленными из племен Западного Памира являются шугнанцы. Между тем, по переписи 1926 г. это племя насчитывало всего 21 000 человек (мужчин, женщин и детей), в пределах всего советского Шугнана, т. е. в кишлаках правого берега Пянджа, наиболее густо населенного и в редких малолюдных кишлаках долин Шахдары и Гунта. По той же переписи 1926 г. для афганского Шугнана приводится ориентировочная цифра в 6000 человек. Таким образом все племя в пределах как советского, так и афганского Шугнана исчисляется примерно в 27 000 человек. Еще малочисленнее ваханцы. По той же переписи, в пределах советского Вахана их численность не превышала 6000 человек. В БСЭ, откуда мы заимствуем вышеприведенные цифры, численность населения афганского Вахана не указана. Упомянутый выше афганский исследователь Бурхан-уд-Дин приводит список 64 ваханских селений, принадлежащих Афганистану. Но селения эти, видимо, очень малолюдны, состоят всего из нескольких саклей. Так, Бурхан-уд-Дин пишет: «Ввиду того, что дворы этих селений представляются в виде «балханов», в которых живут смешанно друг с другом несколько семейств братьев, дядей и племянников, то численность населения Вахана, можно думать, не превышает 3500 человек» [84, стр. 54].

Что касается ишкашимцев и горанцев, то в пределах СССР они ныне объединены в один район—Ишкашимский район Горно-Бадахшанской автономной области. Численность жителей всего этого района, т. е. горанцев и ишкашимцев в пределах СССР, всего лишь около 1000 человек. Для Афганистана приводится ориентировочная цифра в 2000 человек. Следовательно, численность обоих этих племен, вместе взятых, не превышает 3000 (БСЭ).

К сожалению, мне не удалось найти цифровых данных о численности рушанцев и бартангцев. В прежних материалах центрального статистического управления Туркестанской республики приводятся данные, относящиеся еще к эпохе, предшествовавшей национальному размежеванию Средней Азии. В этих материалах указана лишь весьма ориентировочная цифра для всего «таджикского» населения «Памирского района» в 19 000 человек [102].

В своем «Списке народностей Туркестанского края» И. И. Зарубин приводит (по сельск.-хоз. переписи 1917 года) для всех иранских племен Западного Памира суммарную цифру в 18017 человек [88]. Численность рушанцев Бурханом не указана.

Но для наших целей достаточно отметить, что, судя по территории, занимаемой Рушаном, по малолюдности и разбросанности его кишлаков,

численность рушанцев должна быть много меньше численности шугнанцев. Что касается бартангцев, то они являются одной из самых малочисленных групп.

Вместе с тем бартангцы представляют особенно яркий пример разобщенности отдельных племен, обусловленной рельефом местности. Ущелье Бартанга, замкнутое между громадами Язгулемского и Рушанского хребтов, всегда было наименее доступным. Редкие и очень малолюдные кишлаки бартангцев располагаются лишь кое-где по речным террасам и конусам выносов горных потоков, а сообщение между кишлаками вплоть до последних лет происходило с большим риском. Теснина Бартанга знаменита своими «оврингами» (карнизами). Нам лично уже не пришлось видеть на Памире этих «оврингов», так как путешествие на Памир совершается самыми современными способами: через хребты—по воздуху, на аэропланах, а долинами рек—по прекрасно разделанным дорогам, в автомобилях. Большие трудности представляли пути сообщения между Рушаном и Язгулемом. На трудностях пути из Восточного Туркестана в Бадахшан через Вахан в разных местах своего труда останавливается Аристов [31].

4. Эндогамность и редкость смешанных браков

Указанная выше разобщенность всех этих племен, несомненно, длилась веками. И только теперь, с развитием здесь социалистического строительства быстро налаживаются пути сообщения, устраиваются все новые и новые удобные и безопасные тропы между кишлаками, прокладываются автомобильные трассы, налажено воздушное сообщение с центром Таджикистана и, таким образом, ликвидируется замкнутость в горных ущельях, длившаяся с незапамятных времен. Эта вековая изолированность, обусловленная рельефом местности, наряду с постоянной враждой отдельных племен в прошлом, когда эти племена то входили в состав мелких самостоятельных княжеств, то подчинялись различным иноземным завоевателям, исключали межплеменную метисацию в сколько-нибудь широких размерах. И лишь теперь, после объединения всех этих племен в единую Автономную Горно-Бадахшанскую Область (АГБО) и в связи с советским воспитанием молодежи, племенная обособленность все более и более сглаживается.

Вплоть до последних лет смешанные браки не заключались. Так, И. И. Зарубин отмечает, что здесь «чувство национальности довольно сильно, особенно у шугнанцев и ваханцев; с соседями не смешиваются» [87, стр. 6].

Но особенно яркий пример в этом отношении представляют бартангцы, группа наиболее изолированная географически. И. И. Зарубин сообщает, что среди бартангских семей он не встретил ни одной женщины из другого племени. Мало того, даже браки, совершающиеся не между

родственниками, здесь не одобряются. Чаще всего женятся на двоюродных, троюродных и четвероюродных сестрах, и такие браки между родственниками особенно одобряются бартангцами [87, стр. 133].

Что касается нашего материала, то и в нем число смешанных браков очень незначительно. В противоположность киргизам Иссык-Куля, которые во время нашей экспедиции 1924 г. сообщали, что у них установился обычай, согласно которому «уруг ичинда кыз алмайде», т. е. внутри данного рода жен не берут, причем сплошь и рядом женятся на обитательницах весьма отдаленных мест [15], на Западном Памире браки до сих пор заключаются, как правило, между представителями одного и того же племени и чаще всего—между жителями одного и того же кишлака.

Что касается браков самих исследованных, то и среди них попадаются лишь единичные случаи смешанных.

5. Многовековая связь Западного Памира с территорией Бактрии (Афганистаном)

Территория, населенная рушанцами, бартангцами, шугнанцами, ишкашимцами, горанцами и ваханцами, как бы замкнута с трех сторон: на севере — системой юго-западных хребтов Памира, на юге — стеной хребтов Гиндукуша, на востоке—хребтами Куэнь-Луня и Алтын-Тага, врастающими здесь в плато Памира и отделяющими иранские племена от племен бассейна Тарима.

В силу сказанного долины верхнего Пянджа и образующих его притоков открыты только в сторону Запада, в сторону Ирана, в географическом смысле этого термина. В географической науке под Ираном разумеют «плоскогорье, представляющее внутренний бассейн и граничащее на севере с бассейнами Каспийского и Аральского морей, на юге, западе и востоке—с бассейном Индийского океана, между Тигром и Индом» [35, стр. 6].

С точки же зрения культурно-исторической и этно-лингвистической население верховьев Аму-Дарьи представляет собою лишь крайнее северо-восточное звено Ирана — в этническом и лингвистическом смысле этого термина.

Географически ближайшее звено, связывающее население бассейна Пянджа со всем остальным кругом иранских народов, во все исторически обозримые времена «занимавших огромную территорию от Кавказа до Памира» [108], представлено современным Афганистаном.

Ныне афганский Шугнан составляет особый подрайон Бадахшано-Файзабадского округа Каттагано-Бадахшанской провинции Афганистана. Пути, ведущие из Бадахшана в самые верховья Пянджа—в Вахан, скрещиваются в Ишкашиме. Вавилов и Букинич дают в своем путешествии описание маршрута из Кабула в Ишкашим [85, стр. 511—519]. Что касается прошлого, то «в старые времена, до того как бадахшанцы

овладели верховьями Пянджа—Шугнаном, Ишкашимом, Ваханом и Зебаком, правили самостоятельные правители» [81, стр. 1]. Но эта самостоятельность значительно чаще бывала лишь номинальной. История верхнего Пянджа последних веков есть история непрерывной борьбы с бадахшанцами [81, стр. 1]. Почти вся историческая часть труда афганского ученого Бурхан-уд-Дина представляет собою описание этих перманентных войн.

«Кроме того, Бадахшан расположен на прямом пути из Балха на восток, через Памир в Восточный Туркестан» [33, стр. 17]. Эта роль звена, связующего Восток и Запад, сохранялась за Бадахшанской провинцией современного Афганистана во все исторически обозримые времена. Так, в эпоху арабских географов (IX—X вв. н. э.) «Бадахшанский город Джерм, существующий и теперь, назван у географа IX в. Яъкуби—последним из восточных городов, принадлежащих к Балху, по направлению из страны тибетцев» [33, стр. 17]. Правда, в данном случае речь, по-видимому, идет о пути в притибетские страны, лежащие южнее Гиндукуша (в Ладак? Балтистан?). Но, с другой стороны, как отмечено выше, Бартольд указывает, что тот же Бадахшан лежит на пути из Восточного Туркестана через Памир.

Вероятно, с незапамятных времен (насколько позволяют судить об этом исторические данные с первых веков нашей эры) через Вахан, Ишкашим, Горан, Рушан и Бадахшан шел так называемый «южный путь» из Китая в Индию и древнеиранские государства Средней Азии в Бактриану (ныне Афганистан) и Парфию (нынешний Хорасан) [31]. Позднее (в XIII в.) через Вахан прошел знаменитый венецианский путешественник Марко Поло, направляясь из Индии в Монголию [71, стр. 67]. Правда, этот «южный путь» из Китая в западные страны имел значительно меньшее значение, чем кружной «северный путь», о котором будем говорить ниже.

Что же касается интересующего нас «южного пути», ведущего из Афганистана (тогда Бактрия) через Памир в Восточный Туркестан, то вот как рисуют трудности этого пути китайские летописи I-го века н. э.:

«На Западе» (от нынешнего Яркенга) «есть горы с висячим переходом. Через горы есть дорога, простирающаяся на 400 ли. На сем переходе часто встречаются боковые мосты, под которыми лежат ужасные пропасти. Путешественники идут по ним, поддерживая друг друга веревкою, отчего и название ущелью».

В другом месте, характеризуя трудности этого «южного пути», летописи говорят:

«Пройдя 2000 ли (от какого города, не указано), достигают висячего перехода, где низвергающийся скот, не достигнув и половины пропасти, раздробляется на части; людей же упавших и отыскать трудно. Невозможно описать опасностей в утесистых горах тамошних».

Две вышеприведенные цитаты, которые мы заимствуем из труда Аристова [31, № 3, стр. 40 и 42], переведены с китайских летописей известным историком-синологом Иакинфом Бичуриным. В своем труде об этнических отношениях на Памире Н. Аристов пользовался как первоисточниками также переводами китайских летописей на французском языке Абеля Ремюза, на английский—синолога Вилте. В переводе Абеля Ремюза о «южном пути» из Китая в Западные страны сказано следующее:

«Пройдя 2000 ли (отправной пункт и здесь не указан), препятствия для путешествия далеко не заканчиваются: блуждая в ущельях, отделившиеся друг от друга путники теряют свои последние силы и не могут друг другу оказывать более помощи. Всех опасностей, которым они подвергаются среди страны, столь усеянной недоступными горами и непроходимыми ущельями, невозможно описать».

Ввиду указанных трудностей естественно, что караваны из Китая предпочитали идти в древнеиранские государства Средней Азии и в Индию кружным, «северным путем», соединявшим Восточный Туркестан с Ферганой там, где он проходит и поныне (Кашгар-Алайская долина—перевал Талдык-Ош). Аристов в том же своем труде об этнических отношениях на Памире уточняет этот северный путь в том смысле, что караваны чаще двигались не по Ферганской долине, а по долине Алайской, и далее, пройдя Каратегин, поворачивали на юг через нынешний Сталинабад. Это подтверждается косвенно тем, что Олуфсену во время его путешествия таджики рассказывали предание, согласно которому на пути из Курган-Тюбе в Кабадиан китайцы некогда построили большой каменный мост через Вахш [128, стр. 43]. Ему даже показывали остатки этого моста на Вахше в виде двух куч камней на противоположных его берегах. По мнению Олуфсена, этим путем везли шелк из Китая, спрос на который все возрастал и в Иране и в Византии. Раулинсон, отмечая, что персидские монархи считали Бактрию (т. е. современный Афганистан) «сердцем Ирана» [130, стр. 2], указывает на ее исключительную роль, как рынка, промежуточного между Китаем, Индией и западными странами. По его мнению, несомненно, через Бактрию шли с северо-востока китайские караваны главным образом с шелком [130, стр. 69]. Правда, у Раулинсона мы не нашли точного указания на то, говорит ли он о «северном» или о «южном пути из Китая в Западные страны». Как бы там ни было, наряду с северным путем «южный путь» также играл, хотя и незначительную, но многовековую роль в сношениях Китая с Ираном через Восточный Туркестан и Памир. Так, наряду с вышецитированными исследователями, А. А. Бобринский также считает, что «вследствие своего географического положения, долина Вахана служила излюбленной дорогой для караванов, следовавших из Ирана, Балха и Пешавера через Памир — в Восточный Туркестан: в Яркент, Кашгар и Хотан» [83, стр. 7]. При этом он ссылается на такого авторитет-

ного исследователя Восточного Туркестана, как Аурель Штейн, который отмечает значение Вахана, как пути, связывающего Восток с Западом, и потому дает подробное описание перевалов, ведущих из бассейна Тарима в Вахан.

Но для нас еще важнее то, что страны верхнего Пянджа не только играли роль звена, связывающего Афганистан (древнюю Бактрию) с Востоком, но и зависели от него экономически. Так, А. А. Бобринский сообщает, что вся долина верхнего Пянджа по своему географическому положению всегда тяготела к Бадахшану, Мунджану и даже к Читралу. У жителей этих стран ваханцы и ишкашимцы закупали предметы первой необходимости, которых сами были лишены, как-то: соль, рис, железо, железные и другие металлические изделия [83, стр. 6].

Что касается наиболее отдаленного прошлого, то мы не нашли прямых указаний о том, что страны верхнего Пянджа непосредственно входили в состав древнейших государственных объединений, возникавших на территории нынешнего Афганистана: в состав бактрийского и образовавшегося из него после завоеваний Александра Македонского греко-бактрийского государства. На карте, приводимой Томашеком в его «Согдиане», границы бактрийского государства лишь непосредственно примыкают с Запада к интересующим нас странам. Но позднее, когда на развалинах Бактрии создано скифское государство Тохаристан (первые века н. э.), верховья Пянджа носили название Верхнего Тохаристана, во всяком случае некоторое время [83, стр. 14].

Таким образом, многовековая теснейшая связь верховьев Пянджа со всем остальным миром Ирана, осуществлявшаяся через Бактрию, т. е. современный Афганистан, стоит вне сомнений.

В меньшей степени связаны верховья Пянджа с миром Индии, лежащим к югу от Гиндукуша, по ту его сторону. Помимо сложнейшего переплета культурно-исторических связей, этому способствовало и географическое положение интересующих нас стран. Так, описывая пути сообщения, Бобринский отмечает, что из всех перевалов, ведущих в Индию через Гиндукуш, только перевал Дро, соединяющий Зебак и Мунджан с Читралом, доступен и зимой и летом для проезда верхом. Все же остальные перевалы через Гиндукуш открыты только летом, да и то доступны только для пешеходов, представляя и для них огромные трудности в силу того, что путь лежит через ледники [83, стр. 7, примечание 8]. Таким образом, население верхнего Пянджа должно было слагаться из тех же расовых элементов, из которых слагался расовый состав Афганистана в прошлом и которые входят в его состав и в настоящее время.

К сожалению, документов, написанных на языке или языках древней Бактрии, пока не найдено.

Но лингвисты сходятся во мнении о том, что иранские племена дифференцировались на различ-

ные диалекты не в местах нынешнего своего обитания, не в теснинах Западного Памира, а принесли с собой осколки древних восточноиранских языков и сохранили их в той или иной степени до настоящего времени. Именно с этой точки зрения акад. Залеман подчеркивал важность изучения диалектов вообще и памирских диалектов в особенности. Он рассматривает последние как реликтовые лингвистические группы, изучение которых должно быть материалом для восстановления промежуточного звена между языком Авесты и древнеперсидским, с одной стороны, и языком новоперсидским—с другой [108, стр. 270]. По Томашеку, племена, жившие к востоку от Бактрии, входили в состав «амиргийских скифов». На своей карте древней Согдианы он их помещает примерно в нынешнем Рушане и Шугнана, под именем «сакискифы амиргийские» [133, стр. 184]. По его мнению, они являются древнейшими из иранских племен и сохранили «чистоту типа» больше, чем персы, испытавшие значительное влияние семитов [134, стр. 736]. Из современных памирских диалектов наиболее древним Томашек считает мунджанский, который из всех живых языков является самым близким к языку Авесты. Этому соответствует сохранение культа поклонения огню на Западном Памире еще в арабскую эпоху. Зарубин, специально изучавший мунджанский язык, уточняет его положение, но не отрицает наличия в нем древних элементов. Мунджанский язык, по его мнению, занимает промежуточное положение между «парфянским», сохранившимся ныне в каспийских и центральных диалектах Ирана, и афганским, а афганский занимает промежуточное положение между мунджанским и памирскими [109, стр. 129].

Грирсон для всех памирских языков считает характерным наличие почти неизменных древних слов [120, стр. 8]. Он приводит в своей работе список сохранившихся слов Авесты и санскритских. Гейгер указывает, в какую эпоху, по его мнению, совершалось заселение Западного Памира, поскольку он считает иранцев последними остатками тех племен, которые ушли в горы, не желая подчиняться завоевателям-арабам и принимать ислам [119, стр. 290].

Таким образом, по единодушному признанию лингвистов, иранские племена Западного Памира и южных припамирских стран являются реликтами древнеиранских племен, по всем вероятностям обитавших на территории Бактрии.

*6. Сходство антропологического типа иранских племен
Западного Памира с типом ягнобцев и таджиков
Южного Таджикистана*

(Количественные и качественные признаки племен даны в приложении).

В настоящее время мы располагаем весьма обширными материалами по антропологии всех иранских племен Западного Памира, живущих на территории СССР.

Первым исследователем этих племен был антрополог Н. В. Богоявленский, совершивший экспедицию в Западный Памир в 1901 г. Им были собраны обширные материалы по антропологии рушанцев, шугианцев, ваханцев, горанцев. Материалы эти оставались неопубликованными и необработанными. В 30-х годах ленинградский антрополог В. В. Гинзбург обработал эти ценные материалы современными методами вариационной статистики и опубликовал их [2].

Разнообразные материалы по антропологии племен припамирских стран были собраны в начале XX столетия экспедициями Ауреля Штейна, позднее обработанные и опубликованные Джойсом [124 и 125].

В 1935 г. мне удалось собрать довольно обширные материалы по антропологии шугианцев Шахдары, Гунта, Пянджа и по антропологии рушанцев, ваханцев, бартагцев и ишкашимцев. Эти материалы опубликованы отдельной монографией [18].

Учитывая неизбежную долю субъективизма определения описательных признаков, в приводимых таблицах 14—16 представлены только материалы, собранные мною лично.

В этих таблицах иранские племена Западного Памира, являющиеся с лингвистической точки зрения реликтом древнебактрийского населения, сравниваются с реликтом древнесогдийского населения—ягнобцами.

Ягнобцы были исследованы мною год спустя, в 1936 г., что повышает достоверность сходства отдельных признаков.

К сожалению, мы не располагаем материалами, собранными на территории современного Афганистана по программе, тождественной с нашей. Весьма ценные ориентировочные материалы, собранные в свое время Д. Д. Букиничем, приводятся в конце наших сравнительно-антропологических таблиц.

Однако в состав Бактрии, столь тесно связанной в прошлом с Западным Памиром, входила и южная часть Таджикистана. В наших сравнительно-антропологических таблицах в качестве современных насельников Северной Бактрии представлены таджики Южного Таджикистана из районов, ближайших к Афганистану. В сущности Пяндж, являющийся государственной границей между Таджикской ССР и Афганистаном,

Таблица 14

Сравнение иранских племен Западного Памира с ягнобцами и таджиками Южного Таджикистана и Северного Афганистана

Признаки и баллы	Наличие эпикантуса в %				Положение глазного яблока				Горизонтальный про- филь лица				Развитие бороды от 25 лет			
	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N
Ягнобцы	0,0	—	—	103	1,69	—	—	103	2,03	—	—	102	3,16	—	—	84
Иранские племена За- падного Памира	0,0	0,0	0,0	348	1,66	1,47	1,80	348	2,10	2,00	2,26	348	3,45	3,00	4,00	197
Таджики Южного Таджи- кистана	1,9	0,0	3,3	352	1,66	1,45	1,80	353	2,22	2,05	2,36	351	3,50	3,32	4,15	125
Таджики Афганистана (Д. Д. Букинич)	0,0	0,0	0,0	245	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 15

Сравнение иранских племен Западного Памира с ягнобцами и таджиками Южного Таджикистана и Северного Афганистана

Признаки и баллы	Высота корня носа				Высота крыльев носа				Поперечный профиль спинки носа				Общий профиль спинки носа			
	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N	M	Mmin	Mmax	N
Ягнобцы	2,56	—	—	103	2,54	—	—	103	2,55	—	—	103	2,25	—	—	102
Иранские племена Запад- ного Памира	2,62	2,52	2,67	348	2,59	2,43	2,69	348	2,43	2,08	3,00	348	2,20	2,00	2,33	348
Таджики Южного Таджи- кистана	2,46	2,25	2,55	351	—	—	—	—	2,22	2,00	2,39	322	2,07	2,00	2,19	352
Таджики Афганистана (Д. Д. Букинич)	—	2,07	2,11	245	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,08	2,14	245

Таблица 16

Сравнение иранских племен Западного Памира с ягнобцами и таджиками Южного Таджикистана и Северного Афганистана

Признаки и баллы	Скуловой диаметр				Высота лица морфоло- гическая				Поперечный диаметр головы				Продольный диаметр головы			
	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N	М	Mmin	Mmax	N
Этнические группы																
Ягнобцы	139	—	—	103	124	—	—	103	152	—	—	103	183	—	—	103
Иранские племена Запад- ного Памира	139	136	142	608	123	121	127	608	153	151	155	664	181	177	185	664
Таджики Южного Таджи- кистана	140	139	142	352	126	121	129	350	153	152	155	161	181	179	182	351
Таджики Афганистана (Д. Д. Букинич)	—	—	—	—	—	—	—	—		150	152	123		182	184	123

разделяет на две части область, заселенную южными таджиками [45, стр. 432]. Таджики Южного Таджикистана были исследованы нашим сотрудником В. Я. Зезенковой, усвоившей примерно одинаковые со мною масштабы определения описательных признаков.

Все сказанное достаточно гарантирует сравнимость полученных данных.

В главе **IX** указывалось, что ягнобцы отличаются от соседящих с ними таджиков верховьев Зеравшана некоторыми переднеазиатскими чертами: им свойствен более обильный волосяной покров, более высокие корень и крылья носа, более выдающийся поперечный профиль спинки носа, более выпуклый общий профиль спинки носа. По всем этим признакам ягнобцы занимают промежуточное положение между представителями европеоидной расы Среднеазиатского междуречья—таджиками и представителями европеоидной переднеазиатской расы—евреями.

Как видно из представленных таблиц 14—16, тот же «переднеазиатский налет» характерен и для иранских племен Западного Памира. В сущности, эти племена тождественны ягнобцам по всем основным качественным и количественным признакам.

К иранским племенам Западного Памира близки также современные обитатели Бактрии—Северного Афганистана и Южного Таджикистана.

Это позволяет думать, что иранские племена Западного Памира сохранили следы своего происхождения из Бактрии не только в своих языках, но и в своем типе.

ЭТНОГЕНЕЗ ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА ПО ДАННЫМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

1. Естественные пути, по которым могло идти расселение согдийско-бактрийского элемента в Каратегине и Дарвазе

К югу от Ягноб-Дарьи, по ту сторону могучего Гиссарского хребта, лежат две горные страны, заселенные таджиками,—Каратегин и Дарваз.

Каратегин отделен от бассейна Зеравшана, его левого притока Фан-Дарьи и притока последней—Ягноб-Дарьи, Гиссарским хребтом.

Пути, ведущие в Каратегин с севера из Ферганской долины и с северо-запада из Самаркандской области—этого древнего центра Согда,—очень труднопроходимы. Из равнин Ферганы они ведут в Каратегин по перевалам Туркестанского хребта и в верховья Зеравшана—Матчу, а оттуда—через восточную часть Зеравшанского хребта, называемого в этой части Матчинским хребтом. Для того же, чтобы попасть в Каратегин из восточной части Ферганской долины, необходимо преодолевать высоты не менее грандиозного Алайского хребта.

Путь с северо-запада—от Самарканда в Каратегин лежит по течению Зеравшана в его верховья—Матчу, откуда необходимо преодолеть очень трудные перевалы через те же хребты Зеравшанский, Гиссарский или восточнее—Матчинский. Однако проникновение в Каратегин древнеиранского населения с севера и северо-запада отнюдь не исключено.

В 1878 г.—в эпоху, когда экспедицией В. Ф. Ошанина были открыты хребет Петра I и ледник Федченко, пути сообщения, ведущие в Каратегин из Ферганы и низовьев Зеравшана, едва ли были сколько-нибудь лучше, чем в древности. В. Ф. Ошанин называет 5 перевалов, ведущих из Каратегина в бассейн Зеравшана и в Фергану. Самый западный из них—Субоши ведет в верховья Ягноб-Дарьи, остальные—Пакшиф, Вадиф, Пиобрут и Ярхыч—ведут в Матчу [70, стр. 5]. До Октябрьской революции, после которой началось грандиозное дорожное строительство в Таджикистане, те же перевалы служили наиболее употребительными путями из Каратегина в Фергану и Самарканд. В. Ф. Ошанин в свое время отмечал, что «все они труднодоступны и открыты только в течение летних месяцев, но, несмотря на это, они часто посещаются жителя-

* Количественные и качественные признаки таджиков Каратегина и Дарваза см. приложение.

Фото 8. Группа выпуска Московского университета 1865 г. На столе сидит А. П. Федченко. Рядом с ним стоит В. Ф. Ошанин (слева), положив одну руку на плечо А. П. Федченко.

ми верхнего Зеравшана, которые, в особенности через Пакшифский перевал (по инструментальным определениям экспедиции В. Ф. Ошанина находится на 12 000 футов над у. м.), вывозят хлеб из Каратегина» [70, стр. 5].

Кроме того, этими же путями «весьма многие каратегинские таджики ходят на заработки, и чаще всего нанимаются сайраманами, т. е. рабочими в караван-сараях, во всех больших городах Туркестана и бухарских владениях. Это занятие является почти исключительной их монополией; своею испытанною честностью и большою силою, позволяющею им перетаскивать тяжести в 9—10 пудов, они почти совсем вытеснили конкурентов прочих народностей... На заработанную сумму они обыкновенно покупают хлопковую пряжу, для которой всегда найдется сбыт в Каратегине, и пускаются в обратный путь пешком, таща на себе груз пуда в два» [70, стр. 28].

Я привожу эти данные, относящиеся к 1878 г., чтобы отметить любопытный факт—что этот «отхожий промысел» сохранялся у каратегинцев и после Октябрьской революции, в двадцатых годах текущего столетия, да частично сохраняется и поныне. Весь материал по антропологии таджиков Каратегина собран мною в 1925—1926 гг. на хлопкоочистительных заводах Ташкента и Ташкентской области, где в качестве грузчиков работали исключительно каратегинцы. По их словам, поздней осенью, после уборки хлеба, они отправляются на хлопкозаводы Ташкентской и Ферганской областей, где работают исключительно грузчиками. Ранней весной, по еще не открытым перевалам, по их словам, нередко с опасностью для жизни, они отправлялись обратно в Каратегин, чтобы поспеть к началу полевых работ. Из городов Узбекистана они несли на себе немалый груз, главным образом мануфактуру, как и в период экспедиции В. Ф. Ошанина.

В древности этим же порядком могло идти заселение Каратегина из Ферганы и Согда. Поэтому в приводимую ниже нашу сравнительно-антропологическую таблицу включены географически ближайшие к названным областям таджики верховьев Зеравшана—Фальгара, Матчи и Такфона, лежащего уже на правом берегу нижнего течения Ягноб-Дарьи.

Значительно более доступна долина Каратегина с Запада. Из центра древнего Согда, непосредственно с запада, путь идет сюда через плодородную область Кашка-Дарьи и далее через страну Гиссар. Именно этим путем проводники провели в Каратегин в 1878 г. экспедицию одного из первых исследователей Памиро-Алая—В. Ф. Ошанина. Путь его экспедиции шел из Самарканда в долину Кашка-Дарьи, затем через Китаб, Шахрисябз, Яккобаг и перевал Санг-Гирдон в Гиссарский край, и далее через Регар, Каратаг и Гиссар в Дюшамбе, т. е. в нынешнюю столицу Таджикистана—Сталинабад и, наконец, отсюда, через Файзабад и Оби-Гарм в Каратегин [70, стр. 1]. Ближайшие к западу от

Каратегина равнины и предгорья бассейна Кашка-Дарьи ныне заселены не таджиками, а узбеками. Но по моим исследованиям, эти кашкадарьинские узбеки, несмотря на то, что сохранили целый ряд родовых и племенных названий, очень близки к таджикам равнин Междуречья. Как и таджики, они являются типичными представителями брахифальной европеоидной расы Среднеазиатского междуречья. Поэтому в приводимую ниже сравнительно-антропологическую таблицу включены исследованные мною и В. К. Ясевичем узбеки районов Китаба, Шахриябза и Гузара. Кашкадарьинских узбеков Каршинского района, которые по моим данным оказались более монголизированными, я в эту таблицу не включаю (см. табл. 17).

Едва ли можно сомневаться в том, что по преимуществу земледельческое население Согда и Бактрии расселялось и оседало в горах припамирских стран, где и ныне располагаются таджикские поселения по долинам и террасам рек, пригодным для обработки земли под посевы. Из бассейна Кашка-Дарьи согдийское население могло спускаться к Аму-Дарье и затем по ее правым притокам подниматься в Каратегин и Дарваз. Долинами тех же правых притоков Аму-Дарьи—Сурхан-Дарьи, вверх по которой ныне проходит железнодорожный путь до Сталинабада, по Кафирнигану и Вахшу, ведут в Каратегин естественные пути с юга, из пределов Афганистана, т. е. с территории собственно древней Бактрии. Из Афганистана мы располагаем в настоящее время лишь ориентировочным материалом, собранным покойным Д. Д. Букиничем среди таджиков северных и южных склонов Гиндукуша. Эти ориентировочные, но весьма ценные для нас материалы, попутно собранные Д. Д. Букиничем во время его совместной с Н. И. Вавиловым экспедиции в Афганистан, также включены в нашу сравнительно-антропологическую таблицу.

С востока путь в Каратегин идет по Алайской долине, по течению р. Кызыл-Су, являющейся верховьем реки Сурхоба, побережья которой расположены в центре Каратегина. По этому пути в Каратегин проникли монголоидные элементы, занесенные сюда киргизами, и поныне населяющими самую восточную часть этой страны. Киргизов Каратегина мне не удалось исследовать. Поэтому в таблицу включены ближайшие к ним киргизы Алайской долины, исследованные мною в 1935 г. Привлечение этого материала, в частности, оправдывается тем, что Алайская долина и Каратегин заселялись одними и теми же родами киргизов. В. Ф. Ошанин в 1878 г. нашел среди киргизов Каратегина только 3 рода: теит (кара таит у В. Ф. Ошанина), кыдырша (гыдырша) и тупчак (кыпчак) [70, стр. 28]. Те же роды—теит, кыдырша и кыпчак отмечены нами у алайских киргизов.

Для истории заселения Дарваза важны те же сравнительно-антропологические материалы, приводимые в нашей таблице.

Дарваз отделен от Каратегина стеной хребта Петра I. Это—«страна

Фото 6. Алексей Павлович Федченко в год его смерти (1873).

Народность и местность	Автор и год исследования	Т а д ж и к и																N
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Киргизы Алая	Ошанин, 1928	1,08	1,22	1,48	—	—	1,77	1,03	71,4	186	155	81	147	126	85	—	165	85
	Ясевич, 1961	1,16	3,46	2,15	2,18	—	2,23	2,11	0	180	155	86	140	123	83	70	161	102
	Ошанин, 1936	1,11	2,69	2,24	2,25	1,97	2,03	1,97	0	180	156	85	140	121	86	70	165	101
Бассейн Зеравшана	Ошанин, 1936	1,16	2,78	2,20	2,25	1,96	2,08	1,91	0	180	153	85	140	122	87	63	165	60
	Боговаденский, 1901	1,11	—	—	—	—	2,17	—	—	185	155	84	134	126	91	68	165	42
	Ошанин, 1925	1,40	3,01	2,18	1,80	—	2,06	—	0,33	186	154	83	142	126	88	62	166	433
Каратегин	Ясевич, 1961	1,36	3,84	2,16	2,23	—	2,29	2,02	0,70	185	155	82	139	126	90	63	165	150
	Гинзбург, 1962	1,17	2,93	2,44	1,53(?)	—	2,19	2,24	5,26	181	155	81	142	120	90	59	163	197
	Боговаденский, 1901	1,34	—	—	—	—	2,29	—	—	185	150	81	138	120	87	70	165	177
Дарваз	Восточный и Центральный	120	3,42	2,25	2,04	—	2,02	2,53	2,28	181	152	83	140	126	89	59	164	152
	Юго-западный	1,35	3,52	2,46	1,89	—	2,15	2,28	3,14	181	152	84	139	125	90	59	166	185
	Северные Гиндукуша	1,09	3,23	2,09	—	—	2,08	—	0	184	152	83	139	120	87	73(?)	—	26
Афганистан	Буханич, 1924	1,14	3,46	2,07	—	—	2,14	—	0	182	150	83	138	121	87	68	—	200
	Ошанин, 1927	1,13	2,86	1,96	2,01	2,09	2,10	1,81	12,37	179	155	86	141	118	84	66	165	202
	Ошанин, 1927	1,07	3,22	2,31	2,04	2,02	2,06	1,71	6,40	181	151	85	142	122	87	63	163	190
Узбеки	Гузэр	1,13	3,34	2,02	2,20	1,98	2,12	1,65	5,24	181	153	84	141	124	87	63	165	207

глубоких скалистых ущелий, отвесных скал и трудных дорог, проходящих то по карнизам и балконам, то по узким качающимся мостикам над бешено несущимися реками» [97, стр. 98]. Таджикские кишлаки здесь расположены по долинам и ущельям рек Хингоу (левый приток Сурхоба, ниже которого Сурхоб получает наименование Вахша), Ванча—притока Пянджа и по правому берегу этого последнего. Это население было изолировано не меньше, чем население верховьев Зеравшана. «Тяжелые дороги и бедность страны служили лучшей защитой от нашествий завоевателей» [97, стр. 110]. В дореволюционное время, например, во время экспедиции В. Ф. Ошанина 1878 года, называли только три перевала, ведущие из Каратегина в Дарваз через хребет Петра I—самый западный и наиболее легкий Камчирак, и очень высокие, вечно снежные Люли-Харви и Гордон-и-Кафтар [70, стр. 11—12]. Те же перевалы и ныне служат обычными путями сообщения между Каратегином и Дарвазом.

Более открыт Дарваз на запад—с низовьев р. Хингоу в Гиссарскую долину, и на юг—вниз по течению Вахша и Пянджа [97, стр. 114]. Вероятнее всего этими путями шло заселение Дарваза и с запада—с равнины Согда, из бассейна Кашка-Дарьи, и с юга—со стороны Бактрии. Таким образом, современные насельники Кашка-Дарьинской области—узбеки, являющиеся лишь отуреченным по языку и слегка монголизированным по типу местным древним иранским населением, и современные насельники Северного Афганистана—иранцы, таджики имеют наибольшее значение для сравнительной антропологии не только Каратегина, но и Дарваза.

2. Таджики Каратегина и Дарваза как прямое продолжение согдийско-бактрийского пласта населения

Как видно из таблицы 17, киргизы не дали сколько-нибудь значительной монголоидной примеси к таджикам Каратегина. Алайские киргизы по основным монголоидным признакам—наличию эпикантуса (графа 8), скудному развитию третичного волосяного покрова (графа 2), плосколицности (графа 7), низкому корню носа (графа 3), уплощенному положению боковых стенок носа (графа 5) и скуловому диаметру (графа 12), стоят столь же обособленно от таджиков Каратегина, как и от других групп горных таджиков. Гинзбургом отмечен среди каратегинских таджиков более высокий процент эпикантуса (5,26%), чем мною и В. К. Ясевичем (0,27 и 0,7%). Но он отмечал не наличие собственно эпикантуса, а наличие «монгольской складки» и потому возможно, что сюда входит низко расположенная простая складка верхнего века.

Таджики Каратегина и Дарваза по всем основным признакам, приведенным в таблице 17, в равной степени близки к таджикам Зеравшана,

узбекам Кашка-Дарьинской области, исследованным мною и исследованным Д. Д. Букиничем таджикам Афганистана.

По сравнению с современными насельниками территорий древнего Согда (Кашка-Дарьи) и Бактрии (Афганистана), они отличаются большей морфологической высотой лица (графа 13 таблицы 17), несомненно, большим продольным диаметром головы (графа 9), в Дарвазе более обильным волосяным покровом (графа 2) и, по наблюдениям В. В. Гинзбурга, более высоким корнем носа в юго-западном Дарвазе (графа 3). Впрочем, по этому последнему признаку наблюдения В. В. Гинзбурга разнятся от наблюдений моих и В. К. Ясевича: среди каратегинцев им отмечен значительно более высокий балл, чем нами (графа 3). Как уже отмечалось, обособленно стоят наблюдения В. К. Ясевича над развитием третичного волосяного покрова.

Большого внимания заслуживает тот факт, что в Дарвазе и Каратегине отмечается наибольшая примесь в той или иной степени депигментированных, т. е. смешанных или реже светлых глаз (графа 1). Так как самая большая для Средней Азии примесь смешанных и светлых глаз была отмечена мною у каратегинцев, я просил В. К. Ясевича собрать возможно больший материал по этому признаку. По цвету глаз им исследовано 639 мужчин и получен средний балл—1,36, очень близкий к полученному мною (1,40). Почти столь же высокие средние баллы получены Богоявленским и Гинзбургом для таджиков Дарваза (1,29; 1,34; 1,35).

Но в целом, несмотря на некоторые незначительные отличия, таджики Каратегина и Дарваза являются как бы прямым продолжением «антропологического пласта» территорий древнего Согда и Бактрии.

3. Вопрос о примесях к таджикам Каратегина и Дарваза иных этнических элементов

Я не случайно более подробно остановился на путях, по которым могло идти заселение иранцами Дарваза и Каратегина, на возможно более тщательном выборе групп населения из сопредельных стран, в качестве материалов сравнительных, и на географическом распространении отдельных антропологических признаков. В данном случае, за чрезвычайной скудостью достоверных исторических известий, этот путь является едва ли не единственным, дающим достаточно надежные материалы для выяснения этногенеза таджиков названных горных стран.

Н. А. Кисляков начинает свои очерки по истории Каратегина со следующего указания:

«Можно без всякого преувеличения утверждать, что нет ни одного другого района Средней Азии, в отношении которого имелось бы столь мало исторических сведений, как в отношении Дарваза и Каратегина... Из древности до нас дошли лишь некоторые отрывочные сведения,

Фото 10. Василий Федорович Ошанин в год открытия им хребта Петра I (1878) и ледника Федченко.

относительно не освещающие истории этих стран, но упоминающие о них лишь попутно, в связи с теми или иными событиями в соседних районах... На вопрос об этнической принадлежности древних обитателей Каратегина в настоящее время не может быть дано сколько-нибудь положительного ответа, равно как не может быть дано и ответа в отношении других, соседних с Каратегинем, стран» [60, стр. 40].

В своих «Очерках по истории Каратегина» Н. А. Кисляков, видимо, использовал всю русскую и иностранную литературу по интересующим нас вопросам, дополнив ее собранными им на местах преданиями, и потому я ограничиваюсь лишь теми данными об изменениях этно-лингвистического состава населения, которые приводятся указанным автором.

В связи с заметной концентрацией депигментированных глаз в Дарвазе и Каратегине наибольший интерес представляют для нас известия о пребывании в этих странах народов группы се—саков, юечжей—тохаров и родственных последним, согласно В. В. Бартольду, эфталитов—белых гуннов. Но все относящиеся сюда известия очень скудны и не всегда достоверны и потому нет возможности прийти к каким-либо определенным выводам.

Так, «греческие источники противопоставляют кочевых саков земледельцам-согдийцам, но точных указаний о занимаемой теми и другими территории не имеется» [60, стр. 41]. Правда, В. В. Григорьев «предполагал, что саки обитали в Каратегине и на Алае еще во времена походов Александра Македонского», т. е. до вытеснения их из-за яксартских степей гуннами, а по мнению Н. А. Аристова, двумя столетиями позднее они, несомненно, кочевали на Алае [31, № 3, стр. 64]. Весьма затруднительно на основании этих мнений усмотреть несомненный «антропологический след» их пребывания в Каратегине, не говоря уже о том, что светлую цветность усуней мы можем приписать сакам лишь предположительно (см. выше главу I части II). Кроме того, крайне затруднительно отождествлять всех саков западных источников только с народом се, обитавшим, по китайским известиям, к северу от Сыр-Дарьи. Термин «саки» в равной степени применялся ко всем кочевым иранцам Средней Азии, включая сюда и кочевых иранцев Междуречья и Закаспия. У нас нет никаких оснований приписывать всему этому конгломерату кочевых племен принадлежность к «белокурой» динлинской расе. Наконец, каких-либо указаний о пребывании народа се или саков в Дарвазе, где наблюдается та же степень относительной депигментации, А. Н. Кисляков не приводит вовсе.

Более достоверны сведения о пребывании в верховьях Аму-Дарьи юечжей—тохаров, поскольку эта область носила в древности наименование Тохаристана. При этом китайцы в конце II в. нашли народ юечжей не только на южном, но и на северном побережье Аму-Дарьи [36, стр. 4—5]. Но, по мнению Аристова, Дарваз никогда не входил в состав владений тохаров, а также нет и указаний на то, что они когда-либо

обитали в Каратегине [60, стр. 41]. Что касается родственных тохарам эфталитов или белых гуннов, появившихся на берегах Аму-Дарьи в V в. н. э. [36, стр. 9], то я не нашел никаких указаний в труде Н. А. Кислякова о том, как далеко они поднимались на север и проникали ли когда-либо в Дарваз и Каратегин, в особенности, в таком количестве, чтобы там и до сих пор сохранился «антропологический след» их пребывания.

Таким образом, у нас отсутствуют сколько-нибудь достоверные исторические сведения, согласно которым мы могли бы отнести некоторую концентрацию относительной депигментации таджиков Каратегина и Дарваза за счет примеси к ним «белокурой расы», входившей в состав усуней и лишь предположительно в состав народов се и юечжей.

Весьма вероятно, что некоторая депигментация в Дарвазе и Каратегине, как и в Ягнобе, является результатом весьма длительной изоляции населения в названных труднодоступных горных странах. К тому же для обитателей территории собственно Тохаристана, для таджиков Бадхшана, Д. Д. Букиннич приводит значительно более низкие средние баллы цвета глаз (1,09—1,14). Видимо, основная масса тохаров-юечжей продвинулась далее на юг после завоевания ими областей Афганистана и Индии [36, стр. 8].

Из других народов, которые могли принести на территорию Каратегина и Дарваза европеоидные расовые элементы из стран, лежащих за пределами Среднеазиатского междуречья, заслуживают некоторого внимания арабы.

Арабы появляются в горных местностях к северу от Аму-Дарьи уже в конце VII в. [60, стр. 53]. В арабских источниках упоминаются цари хуттальский, саганианский и цари Ахируна и Шумона [60, стр. 54]. В. В. Бартольд в своем капитальном труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» отождествляет страну Хутталь с областью между Пянджем и Вахшем, Саганиан—с Гиссарским краем [60, стр. 54], а, судя по созвучию, под Шумоном, вероятно, следует понимать Шугнан. Не указывается, разумеются ли под «царями» названных стран представители местных иранских династий, или осевшие на местах предводители арабских дружин с их воинами-арабами. Указывается лишь, что названные «цари» принимали участие в раздорах между арабскими полководцами. Более вероятно, что речь идет о местных правителях из ксеренного иранского населения, которые могли быть номинальными наместниками халифата, аналогично всей могущественной иранской династии Саманидов, правивших в X в. Мавераннахром. В эпоху Саманидов «все местные династии горных областей современного Таджикистана, по-видимому, лишь номинально подчинялись Саманидам и, по известиям Макдиси, посылали им только подарки, а не подати». Наконец, видимо, арабы в эпоху их владычества в Средней Азии интересовались главным образом прибрежной полосой Аму-Дарьи, проникая далее в горы лишь в целях защиты этой полосы от нападений горцев с севера. Так, пол

Фото 11.

Хутталем, видимо, следует понимать отнюдь не весь Дарваз, лежащий между Пянджем и Вахшем, а лишь северное побережье Аму-Дарьи до впадения в нее Вахша, поскольку при Газневидах в Хуттале снаряжались корабли [60, стр. 55]. Под арабским владычеством находились Сурхан-Дарьинская область (Саганиан), Термез, Кабадиан и, может быть, Гиссарский край (Ахирун)—более доступные, чем Каратегин и Дарваз. При таком положении вещей не может быть и речи о столь значительных «семитических» (переднеазиатских) примесях к населению Каратегина и Дарваза, чтобы «антропологические следы» этих примесей сохранились и поныне.

Отметим еще, что отождествление различными авторами народа комедов Птолемея (II в. н. э.) то с каратегинцами, то с дарвазцами ничего не дает для освещения вопросов этногенеза, поскольку об этом народе ничего не известно, кроме самого названия, приурочивание которого к тем или иным припамирским странам остается к тому же весьма спорным [60, стр. 49—53]. Неизвестно, что это был за народ по своей лингвистической и этнической принадлежности, является ли он местным или пришлым из ареалов распространения тех или иных человеческих рас. Заслуживает внимания лишь тот факт, что во времена Мирона Тирского—во II в. н. э., маршрут приказчиков македонского купца Маэса, ездивших в Китай за шелком [60, стр. 50], шел через припамирские страны, вероятно, через Каратегин, если справедливо отождествление последнего со страной комедов. По этому известию мы можем предполагать, что, во всяком случае, ко II в. н. э. Каратегин, как и смежный с ним Дарваз, уже были заселены согдийско-бактрийским пластом населения, к которому антропологически явно тяготеют современные таджики Каратегина и Дарваза.

Что касается тюркских и монгольских племен, то в противоположность равнинам Междуречья они не играли почти никакой роли в происхождении оседлого населения Каратегина и Дарваза. Поток монголоидных признаков обошел Памиро-Алайский горный узел и с севера и с запада, если оставить в стороне поздно переселившихся сюда киргизов. Однако и киргизы не дали сколько-нибудь значительной монголоидной примеси даже и к своим ближайшим соседям—таджикам Каратегина. Об этой примеси свидетельствует лишь незначительный процент наличия эпикантуса. Но, судя по всем остальным антропологическим данным, приведенным в таблице 17, примесь монголоидных элементов ко всем исследованным группам горных таджиков ничтожна.

Между тем тюркоязычные монголоидные племена, пришедшие в Мавераннахр из степей Дешти-Кипчака, непрерывно проникали в Гиссар, Каратегин и Дарваз, начиная с эпохи 1-ой кочевой Турецкой империи VI в. и вплоть до эпохи расселения узбеков в XVI в. Очевидно, эти племена совершали лишь эпизодические набеги в горы, а если кое-где и оставались, то жили столь же обособленно от еще ранее осевших здесь

иранцев, как и поныне в Каратегине киргизы обособленно живут от таджиков.

Первая волна тюрков VI в. не могла оставить сколько-нибудь существенного монголоидного следа даже и в равнинах Мавераннахра, поскольку тюрки «оставались в степях, в бывших владениях усуней, хотя и подчинили себе культурные области... В культурных местностях Туркестана были династии турецкого происхождения, но, по-видимому, не было оседлого населения, говорившего по-турецки» [36, стр. 10 и 26]. В эпоху арабского владычества тюрки не проникали западнее Гиссара. Каратегин считался страной, у пределов которой кончалась граница кочевников тюрков [60, стр. 47]. В известиях, относящихся к эпохе монгольского нашествия, упоминается лишь о военных эпизодах — о взятии Термеза и о военных действиях на Вахше [60, стр. 55—56].

При Тимуре и Тимуридах тюркский элемент продолжал проникать в Гиссарский край, который служил «яблоком раздора между отдельными представителями династии Тимуридов» [60, стр. 57]. Но Каратегин, видимо, оставался под властью местной династии и служил лишь временным убежищем, куда скрывались предводители тех или иных отрядов, участвовавших в постоянных смутах и раздорах. Наконец, в XVI в., в эпоху узбекского нашествия, под власть узбеков, кроме Гиссара, подпадают лишь области, лежащие к югу от него, и побережье Аму-Дарьи. Так, в 1047 г. хиджры (1637—38) узбеки овладели главным городом Дарваза — Кала-и-Хумбом, а по преданиям, им временно подчинился и Каратегин [60, стр. 61—63]. Но все эти эпизоды не знаменуют собой какой-либо примеси узбекского элемента к иранскому населению Дарваза и Каратегина. Наоборот, даже и в ближайших к Памиро-Алаю равнинах и предгорьях, например, в бассейне Кашка-Дарьи, как уже указывалось, монголоидный элемент был поглощен европеоидным иранским. В пределах современного Таджикистана узбеки составляют $\frac{1}{5}$ часть всего населения (около 175 000) и населяют главным образом равнинные и предгорные его части [97, стр. 61].

Все вышесказанное исключает какое-либо участие тюркских и монгольских племен в этногенезе таджиков Каратегина и Дарваза.

Что касается вопроса о том, как давно проник в Дарваз и Каратегин согдийско-бактрийский пласт населения, прямым продолжением которого являются интересующие нас таджики, то мы не располагаем никакими относящимися сюда указаниями, кроме смутных преданий, и, по-видимому, очень древних курганов, археологически еще не исследованных. К тому же предания эти относятся к позднему времени, к эпохе появления в Каратегине киргизов, которые одно время даже вытеснили оттуда таджиков. Заслуживает внимания лишь предание, согласно которому «в еще более отдаленные времена эта страна была населена огнепоклонниками — «оташ параст», предками жителей Ванча, Язгулема и Памира. Этим огнепоклонникам — «мугам» (т. е. магам — представителям

культа зороастризма) приписывается возведение вышеупомянутых древних курганов [60, стр. 75]. Что касается источников, то, по-видимому, лишь в одном из них имеется косвенное указание о том, что, во всяком случае, во II в. н. э. Каратегин был уже заселен. Едва ли подлежит какому-либо сомнению, что процесс заселения Каратегина и Дарваза согдийцами и бактрийцами начался гораздо раньше. О древнем проникновении сюда иранцев свидетельствует тот факт, что к востоку от Дарваза, в еще более труднодоступных горных теснинах Западного Памира и поныне сохранились племена, говорящие на древнеиранских диалектах, непонятных современным таджикам.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТУРКМЕН И ТЕОРИЯ СКИФСКОГО (САКСКОГО) ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА, ОСНОВАННАЯ НА ДАННЫХ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ, СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ИСТОРИИ*

1. Антропологический состав современных туркменских племен

Среди современных туркмен явно преобладает особый европеоидный тип, резко отличающийся своей долихоцефалией от брахицефального европеоидного типа, свойственного узбекам и таджикам. По центру распространения долихоцефального европеоидного типа в Закаспийских степях мы дали ему название «закаспийской расы». На обширнейшей территории, простирающейся от низовьев Аму-Дарьи на севере до пределов Ирана на юге, от Каспийского моря на западе до границ Афганистана на востоке, головной указатель мужчин туркменских племен колеблется в довольно узких пределах—от 73,43 у салыров района Серихса до 77,84 у племени баят района Тахта-базара. Генеральная средняя величина головного указателя всех туркменских племен лежит в пределах типичной долихоцефалии ($M=75,67$). Однородность туркмен-мужчин по этому признаку выражена в графике полигоночастоты, который одновершинен, достаточно симметричен и близок к типу нормальной вариационной кривой. Средняя и медиана совпадают ($M=75,67$, $M_{ed}=75,50$) и близки к моде ($M_0=74,5$). Столь же однородны по этому признаку и женщины-туркменки различных племен: генеральная средняя величина их головного указателя ($M=74,88$) очень близка к генеральной средней, полученной для мужских групп, и колеблется в пределах от 72,70 у туркменок племени салыров района Серихан до 77,48 у женщин племени эрсари, исследованных в районах Тахта-базара, Чарджоу и Керки. Как указывалось в главе IV, части I, этот пласт долихоцефальных европеоидов простирается далеко на восток, переходя через центральный Афганистан в пределы северной Индии, где он представлен давно известной в антропологии индо-афганской расой. О возможном отождествле-

* В 1951, 1955 и 1956 гг. антропологические экспедиции проводились в Туркмении по заданию Института истории АН Узб. ССР. План работ и маршруты были согласованы с Южно-Туркменской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ). В расширенном виде/глава XII публикуется в Трудах ЮТАКЭ.

нии выделяемой нами закаспийской расы с индо-афганской расой, описанной еще Деникером, говорилось выше (см. часть I, стр. 111). Достаточно однородны туркменские племена и по морфологическому указателю лица. Они более узколицы, чем брахицефальные европеоиды Среднеазиатского междуречья (см. часть I, гл. II). По всем количественным и качественным признакам различные племена туркмен весьма сходны между собою (см. приложение).

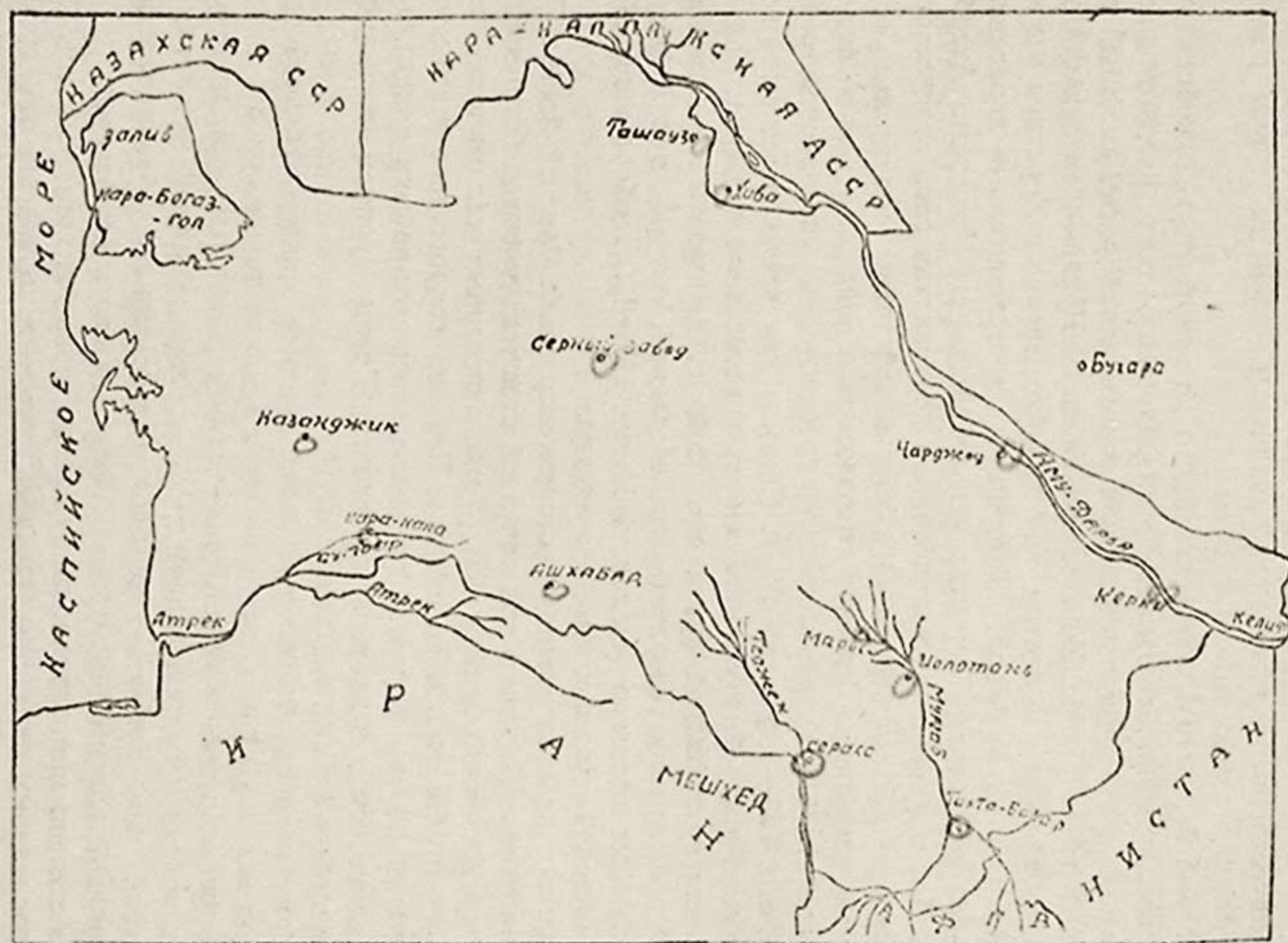
В главе IV части I указывалось, что по некоторым важнейшим описательным признакам закаспийская долихоцефальная раса отличается от соседней с нею долихоцефальной европеоидной расы, имеющей центром своего распространения северную часть Ирана—Хорасан и Иранский Азербайджан. По центру ее распространения в Хорасане мы называли эту расу хорасанской. Типичными представителями хорасанской расы являются персы Хорасана и азербайджанцы Иранского Азербайджана. Долихоцефальная европеоидная хорасанская раса отличается от долихоцефальной европеоидной закаспийской расы значительно более обильным развитием третичного волосяного покрова и особой формой носа, известной в антропологии под названием «арменоидной» (см. часть I, стр. 163—169 и табл. 28). По этим признакам выделяемая нами хорасанская раса обнаруживает явное сходство с давно известной в антропологии арменоидной брахицефальной расой, имеющей центром своего распространения северную часть Передней Азии—Малую Азию, Закавказье, Месопотамию (см. часть I, стр. 157—162). «Хорасанцы»—это своего рода долихоцефальные арменоиды.

Хорошо известна тесная историческая связь Средней Азии с Персией. Население Персии в той или иной степени должно было войти в состав туркменского народа ввиду многочисленных «аламанов»—набегов туркмен на северные провинции Персии, сопровождавшиеся массовым уводом рабов, в результате чего персиянки-рабыни попадали в туркменские семьи в качестве наложниц. Среди туркмен попадаются особи с арменоидными чертами лица.

Кроме явно преобладающей среди туркмен долихоцефальной европеоидной закаспийской расы, в их состав вошли также осколки племен монголоидного расового типа. При этом примесь монголоидных признаков к долихоцефальной европеоидной расе Закаспийских степей невелика; она не больше, чем примесь монголоидных признаков к брахицефальной европеоидной расе на территории Среднеазиатского междуречья.

По степени монголоидности туркмены очень близки к узбекам. Вместе с последними они занимают промежуточное положение между монголоидными казахами и европеоидными таджиками, но по всем признакам, дифференциальным между европеоидами и монголоидами, туркмены, как и узбеки, гораздо ближе стоят к европеоидным таджикам, чем к монголоидным казахам (см. часть I, табл. 4—11).

О различной степени монголоидности различных туркменских пле-

Карта 3.

мен можно было бы судить лишь в том случае, если бы распределение среди них основных расоводиагностических признаков шло в определенном направлении: если бы наибольшему проценту эпикантуса соответствовало наименьшее развитие растительности, большая степень плосколицности, более низкое переносье, менее выдающийся поперечный профиль спинки носа, большая примесь вогнутых спинок носа, тенденция к более наклонному положению стенок носа, более выпуклому положению глазного яблока, большему скуловому диаметру. Именно такая определенная направленность в распределении всех расоводиагностических признаков наблюдается среди киргизов, казахов, узбеков, туркмен и таджиков (см. гл. II в I части). Такая же определенная направленность в распределении всех расоводиагностических признаков наблюдается, как мы видели, среди узбекских племен локайцев, барласов и карлуков. Поэтому мы можем со всей определенностью утверждать, что наиболее монголоидными из этих племен являются локайцы, наиболее европеоидными—карлуки, а барласы занимают по степени монголоидности промежуточное между ними положение.

Как это видно из таблицы 18, такого определенного распределения основных признаков среди различных туркменских племен не наблюдается. Возможно, что это зависит от того, что наблюдения велись в разное время разными исследователями. Выше неоднократно указывалось, что в дифференцировке расовых типов Средней Азии особенно важны описательные признаки, а в их определении трудно, к сожалению, избежать известной доли субъективизма.

2. Данные палеоантропологии, свидетельствующие о глубокой древности обитания европеоидной долихоцефальной расы на территории Туркмении

Вопрос о происхождении европеоидного долихоцефального типа, ныне явно преобладающего среди различных туркменских племен, является одним из основных в проблеме этногенеза туркменского народа.

Еще в первых наших работах по этногенезу туркмен мы высказывали мнение, что характерный для них долихоцефальный европеоидный тип имеет очень большую древность [14 и 16]. Мы высказывали предположение, что этот тип существовал в степях Закаспия за много веков до появления здесь туркменских племен, носивших в средние века название гузов.

Палеоантропологические материалы, добытые на территории Туркмении, полностью подтверждают такую точку зрения.

Древнейшими палеоантропологическими материалами из Туркмении являются материалы, добытые еще экспедицией Помпелли в Анау, близ Ашхабада. Наряду с археологическими материалами экспедицией Помпелли добыт чрезвычайно ценный краниологический материал. Череп,

Таблица 18

Сравнение туркменских племен по основным признакам, дифференциальным между европеоидами и монголоидами

Племена	Районы, исследователи и год	Наличие эпикантуса в %	Развитие бороды от 25 лет	Горизонт. профиль лица	Высота переноса	Попереч- ный про- филь спин- ки носа	Общий профиль спинки носа	Положение стенок носа	Положение глазного яблока	Скуловой диаметр
Теке	Мары, Ошанин, 1929	19,0	3,23	1,69	2,26	—	2,11	2,01	1,94	139,00
Иомут	Казанджик, Ошанин, 1929	16,0	2,68	1,71	2,15	—	2,25	2,01	1,85	140,00
•	Каракумы, Елистратов, 1936	7,3	2,31(?)	—	2,13	—	2,18	—	—	140,81
Теке	•	6,9	2,17(?)	—	2,13	—	2,00	—	—	141,19
Иомут	Хорезм, Ярхо, 1930	6,6	3,38	2,14	2,17	—	2,24	—	—	138,16
Эрсари	Тахта-базар, Чарджоу, Керки; Наджимов, 1955	6,2	2,20(?)	2,28	2,03	2,13	2,11	1,91	1,82	141,16
Гоклен	Долина Сумбара, Ошанин, 1929	5,2	2,77	1,79	2,23	—	2,26	2,00	2,01	138,00
Эрсари	Термез, Наджимов, 1952	3,0	2,53	1,76	2,12	2,14	2,11	1,90	1,74	140,20
Чаудыр	Хорезм, Ярхо, 1930	2,5	2,49	1,77	1,77	—	2,12	—	—	141,82
Баят	Чарджоу, Наджимов, 1955	1,8	2,46	2,22	2,07	2,20	2,05	1,84	1,80	140,65
Сарык	Тахта-базар, Иолотань, Наджимов	0,88	2,28(?)	2,35	2,10	3,23	2,10	1,80	1,84	138,04

добытые из нижних слоев Анау, были изучены таким знатоком средиземноморской расы, каким является итальянский антрополог Серджи. Все черепа, добытые экспедицией Помпелли в Анау, Серджи отнес к типу долихоцефальной средиземноморской расы.

На основании хорошо сохранившихся детских черепов (№№ 3, 4, 5, 6), с черепным указателем от 66,4 до 73,4 одного женского черепа (№ 7), с указателем 76,2, обломков трех детских (№№ 8, 9, 11) и одного взрослого мужского (№ 2), Серджи приходит к следующим выводам:

1. В строении черепов из Анау нет никаких различий ни в мозговой части, ни в обломках лицевого скелета от структурных особенностей, связанных с черепами средиземноморской разновидности долихоцефальной формы.

2. С другой стороны, эти черепа совершенно отличны от так называемого монгольского типа.

3. По мнению Серджи, эти находки вполне подтверждают его предположение «о древнем проникновении ветви средиземноморской расы в пределы Средней Азии» [129, стр. 445—446].

Что касается более точной хронологической датировки, то Помпелли, видимо, переоценил древность своей находки. Он относит найденные им черепа к эпохе неолита и датирует их VII—VI тысячелетием до н. э.

Обширнейшие исследования, проводившиеся за последние годы Южно-Туркменской археологической экспедицией (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона, показали, что черепа, найденные Помпелли в нижних слоях Анау, не древнее конца III тысячелетия до н. э.

Экспедициями М. Е. Массона добыт гораздо более обширный и разнообразный материал, полностью подтверждающий глубокую древность долихоцефальной европеоидной расы на территории Туркмении. Приводим основные данные из работ, ранее нами опубликованных по этому вопросу [19], столь важному для всей проблемы этногенеза туркмен.

Доцентом кафедры антропологии Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина В. Я. Зезенковой [9] были обработаны костные материалы, добытые на территории Туркмении отрядами Южно-Туркменской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) при раскопках 1949, 1950 и 1951 гг.

I. В 1949 г. костный материал был добыт XIV отрядом ЮТАКЭ при раскопках обширного древнего поселения Намазгар-депе, расположенного близ станции Каахка. На основании археологических данных этот материал датируется II тысячелетием до н. э. Среди фрагментов костей конечностей, позвоночника, ребер и черепов оказались две сохранившиеся черепные крышки и лицевой отдел одного черепа. Одна из черепных крышек, по-видимому, взрослого мужчины, имеет черепной указатель 73,47, при продольном диаметре 196 и поперечном—144 мм. Второй череп молодой особи имеет черепной указатель 77,96, при продольном

диаметре 177 и поперечном—138 мм. Никаких следов искусственной деформации не отмечено. Сохранившаяся лицевая часть этого черепа европеоидного типа.

II. В 1950 г. продолжались раскопки поселения Намазгар-депе. Под полом жилищных сооружений были найдены 9 детских захоронений. Костный материал разного возраста и плохой сохранности. Удалось исследовать черепа из 5 захоронений. В захоронении № 3 обнаружены кости детского скелета 8—10 лет. Черепная крышка частью разрушена в височных областях, которые, однако, без труда удалось восстановить. Черепной указатель—72,47; продольный диаметр—174, поперечный—126 мм. Никаких следов искусственной деформации не отмечается. Сохранившийся лицевой отдел европеоидного типа.

В захоронении № 4 обнаружены фрагменты скелета младенца. Черепная крышка сохранилась неполностью. Измерить ее диаметры не удалось, но по общему облику она долихоцефальная. Судя по лицевому отделу, в котором, к сожалению, отсутствуют носовые косточки, череп относится к европеоидному типу (глубокие клыковые ямки, выступающий горизонтальный профиль лица).

В захоронении № 6 найден скелет ребенка, возраста до 1 года. Из сохранившихся отдельных костей черепа удалось склеить черепную крышку и лицевой отдел. Черепной указатель этой реконструкции—75,56; в продольном диаметре 135 и поперечном—102 мм.

Из захоронения № 8 добыты обломки скелета ребенка, видимо, периода раннего младенчества. Черепная крышка представлена фрагментами, которые удалось склеить. Продольный диаметр этой реконструкции—108 мм, поперечный—78 мм, черепной указатель—72,22. Судя по сохранившемуся лицевому отделу—череп европеоидного типа.

Из захоронения № 9 добыт скелет ребенка 6—7-летнего возраста. Череп неполный. С достаточной степенью достоверности удалось восстановить лишь лицевой отдел. Черепной указатель—74,55; продольный диаметр—165, поперечный—123 мм.

Таким образом, вся серия детских черепов из Намазгар-депе относится к долихокранному европеоидному типу.

III. В 1951 г. археологами ЮТАКЭ было добыто несколько черепов, имеющих различную датировку.

1. Наиболее древними из них являются два черепа, добытые XVII отрядом при раскопках древнего кладбища близ Янгикала Геоктепинского района. Ввиду хрупкости черепа залиты парафином. Судя по общему облику, они, несомненно, относятся к долихокранному и притом европеоидному типу (очень узкое и высокое лицо, с сильно выступающим горизонтальным профилем). М. Е. Массон датирует эти черепа концом II и не позднее начала I тысячелетия до н. э.

2. В разведочном стратиграфическом шурфе, заложенном X отрядом ЮТАКЭ на Дахском городище Изоткули в Мешхеди-Мисрианском

районе, во втором культурном слое добыт хорошо сохранившийся женский череп. Черепной указатель—76,84, при продольном диаметре—177 и поперечном—136 мм. Лицевой отдел, несомненно, европеоидного типа, с сильно выступающим горизонтальным профилем (балл 3), глубокими клыковыми ямками (балл 3), средне выступающим носом (балл 2) и слабо выступающими скулами (скуловой диаметр—118 мм). Это европеоидный долихокраний череп, датируется I тысячелетием до н. э.

3. Из курганного погребения, расположенного в 16 км от станции Баши, XX отрядом ЮТАКЭ добыт череп взрослой женщины. Череп мезокраний, с черепным указателем—79,10, при продольном диаметре 177 и поперечном—140 мм. Судя по средневывступающему горизонтальному профилю лица и глубоким клыковым ямкам (балл 3), череп относится к европеоидному типу. Курганное погребение, из которого добыт этот череп, археологи считают погребением кочевого племени и датируют его первыми веками нашей эры.

4. Первым отрядом ЮТАКЭ вскрыто позднее захоронение на площади раскопок архитектурного комплекса городища Старая Ниса. Добыта одна хорошо сохранившаяся черепная крышка взрослого мужчины долихокраний типа: черепной указатель—75,53; продольный диаметр—188, поперечный—142 мм. Там же добыт один женский череп (из комнаты № 1) по общему облику мезокраний, европеоидный. Этот материал датируется XVII—XVIII вв.

Обособленно стоит единственный брахикраний череп (инвентарь № V—14). Это череп взрослого мужчины, с черепным указателем 88,02. Обращает на себя внимание сильно уплощенный затылок (симметрично, следовательно, не от бешика—узбекской люльки)*, сильно выдающийся нос, с выпуклыми в нижней части носовыми костями, глубокие клыковые ямки и слабо выступающие скулы. Возможно, что этот череп относится к типу переднеазиатской европеоидной расы. За исключением этого единственного брахицефального черепа черепа всех исследованных серий относятся к долихокраний европеоидному типу.

Они добыты в нескольких, далеко отстоящих друг от друга пунктах от Мешхеди-Мисрианского плато до Каахка. Никаких следов искусственной деформации не отмечено ни разу ни в материалах Помпелли, ни в материалах М. Е. Массона. Эти материалы охватывают различные эпохи и различные возрасты. Все они имеют солидную археологическую документацию для хронологической датировки, охватывающую огромный промежуток времени—от III тысячелетия до нашей эры до XVII—XVIII вв. нашей эры.

* В затылочной области у узбеков часто имеется уплощение, расположенное асимметрично. Это результат содержания младенцев в деревянной люльке (бешике). Как правило, младенец лежит лицом к свету. В результате образуется уплощение справа или слева.

Все сказанное не оставляет сомнений в том, что долихоцефальная европеоидная раса, и поныне явно преобладающая среди туркмен, является расой местной, автохтонной, видимо, здесь, на территории Закаспийских степей, сформировавшейся. Первоначально она входила в состав местных древних племен Закаспия, носивших общее название сакских (скифских) племен.

3. Древние скифо-сарматские племена Туркмении и вопрос об их языковой принадлежности

Согласно В. В. Бартольд, «в древности Индия и Иран одинаково были заняты народом, называвшим себя арианами («арийцами») [35, стр. 5]. Позднее название «ариев» (или «арийцев») видоизменяется сначала в Эран, затем в Иран. Этот термин в дальнейшем сохраняется лишь для территории к западу от Инда, а страна к востоку от него получает название Индии и ее население—индийцев. Этим позднейшим ариям, т. е. иранцам собственно Ирана, стали противопоставлять живший к северу от них народ туров («тура») и саримов («саирима»). «Если под последними, как полагают, надо понимать сарматов или совроматов греческих писателей, то имеется в виду среднеазиатский народ, по мнению большинства ученых, родственный иранцам» [35, стр. 5]. Далее В. В. Бартольд ссылается на Эратосфена (III в. до н. э.), согласно которому северной границей, отделявшей собственно иранцев от народа туров или саримов, «был Гиндукуш и горные цепи к западу от него», т. е. Копет-Даг» [35, стр. 6]. Таким образом, племена саримов-сарматов или туров заселяли в древности степи нынешней Туркмении. Лишь позднее, очевидно, после тюркизации населения Закаспия по языку, Туран стали отождествлять с Туркестаном, то есть страной турок [35, стр. 6].

Сарматы входили в состав многочисленных племен, известных под именем скифов.

Термином скифы именовался конгломерат племен не только юга Фоссии, но и степей Закаспия. Ветвь азиатских скифов носила название саков. Наиболее полные данные о местах расселения этих племен в Закаспии приводятся в макете 1-го тома «Истории СССР», изданном в 1939 г. [52, стр. 188—193].

1. Самым северным из скифских племен названы саки, кочевавшие по ту сторону Яксарта (Сыр-Дарьи). Это народ се китайских летописей*.

2. По нижнему течению Сыр-Дарьи и между Аральским и Каспийским морями до Узбоя кочевали массагеты. По мнению С. П. Толстова, на приаральских массагетов позднее было перенесено имя алан

* Термин «саки» нередко употребляется в качестве синонима для обозначения всех скифских племен.

[77]. Массagetы занимали также значительную часть Закаспийских степей. Так, Геродот сообщает, что «Каспийское море есть море отдельное, не сливающееся с другими. С востока к этому морю примыкает необозримая равнина, значительную часть этой равнины занимают массagetы» [41, стр. 73].

3. По юго-восточному побережью Каспийского моря, в области, носившей название Гиркании, обитали племена гирканиев (отсюда название Каспийского моря—Гирканское), каспиев (отсюда название Каспийского моря) и тапуров.

4. Далее на востоке от Каспийского моря, в Каракумах, вплоть до низовьев Теджена, обитали даи или дахи [52, стр. 190]. Племя дахов населяло также Западный Туркменистан, к северу от р. Атрека. По имени дахов эта область носила название Дахистана [55, стр. 136].

5. Южнее этих кочевников, по северным и южным склонам Копет-Дага, в середине III в. до н. э. «в результате успешно завершившегося освободительного движения местного населения против греко-македонского владычества» сложилось Парфянское государство [55, стр. 76 и сл.].

Основную массу парфян составили, видимо, те же скифо-сарматские племена Закаспия.

Из всех перечисленных племен больше всего данных о массagetах и саках. Сведениями об этих племенах мы обязаны главным образом Геродоту, так как другие античные историки, в том числе и Страбон, лишь повторяют их. В переводах первоисточников, изданных под редакцией Л. Б. Баженова, очень часто упоминается о тех же массagetах и саках [48]. Даи (дахи) упоминаются в географии Страбона [VII, 3, 12], который помещает их подле Гиркании [48, стр. 23], близ юго-восточного побережья Каспийского моря. Как мы видели, страна на побережье Каспийского моря, лежащая к северу от Атрека, по имени дахов носила название Дахистана.

В «Истории Туркменской ССР» весь конгломерат древних племен Закаспия фигурирует под именем сакских племен, сако-массagetских племен, дахо-сако-массagetских племен, скифских племен и пр.

Поскольку конгломерат всех этих древних племен, несомненно, предшествовавших в степях Закаспия не только туркменам, но и другим тюркоязычным племенам, носил также общее название скифских или сакских племен, мы сохраняем эти термины для обозначения всего до-тюркского населения Закаспия.

Приведенные выше палеоантропологические материалы, полученные из различных, достаточно удаленных друг от друга мест Туркмении, показали, что этому древнейшему населению Закаспия был свойствен долихоцефальный европеоидный тип. Этот древний местный европеоидный тип, как мы видели, и поныне присущ различным туркменским племенам, обитающим в самых различных областях Туркмении.

В настоящее время считается общепризнанным, что древние

скифские (сакские) племена Закаспия говорили на языках иранской ветви индоевропейской лингвистической семьи. Бартольд высказывает мнение, что в то время, когда еще не было письменных памятников, принадлежащих древнему населению Туркмении, оно было ираноязычным. По его мнению, скифские племена Закаспия, которые были известны также под именем туров и саримов (сарматов), были «родственны иранцам» [35, стр. 5].

В трудах В. В. Бартольда под словом «родство», как правило, понимается «родство» по языку. В другом своем труде В. В. Бартольд ссылается на Хирта, который утверждает, что туркмены являются потомками алан, «народа иранского происхождения» [38, стр. 7]. Термин «происхождение» (народ «турецкого», «монгольского», «тунгусского», «иранского» и т. п. происхождения) В. В. Бартольд также понимает в смысле языковой принадлежности.

В макете 1-го тома «Истории СССР» всем перечисленным выше скифским племенам Закаспия также приписывается иранская лингвистическая принадлежность [52, стр. 182—185]. Той же точки зрения придерживается в своем последнем труде А. Ю. Якубовский: «В древности на территории Туркменской ССР жили пастушеские, а затем и кочевые племена—дахи, массагеты, аланы, говорившие на языках, принадлежащих к иранской языковой семье» [66, стр. 4]. В городах Туркмении—Мерве, Абиверде, Сарахсе, Нисе население говорило на иранском языке до XIII века [66, стр. 12]. За последние годы благодаря исследованиям Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), проводившимся под руководством М. Е. Массона, наряду с рядом блестящих открытий получены образцы парфянской письменности. Из городищ Старой и Новой Нисы, на территории древней Парфии, были найдены документы, написанные на черепках арамейским письмом. Они были дешифрованы и анализированы братьями Дьяконовыми и Лившицом [106]. Анализ, проведенный названными авторами, показал, что документы написаны на парфянском языке [107]. При этом изучение лексики, морфологии и синтаксиса этих документов показало, что парфянский язык, несомненно, относится к иранской ветви индоевропейской лингвистической семьи.

Таким образом, древнейшее население Закаспийских степей было представлено долихоцефальной европеоидной расой, входившей в состав местных ираноязычных скифских (сакских) племен.

Процесс тюркизации по языку этого древнего населения и монголизации его по типу начался позднее, видимо, не ранее VI века нашей эры.

Еще позднее, лишь в IX веке, появляются здесь туркменские племена, первоначально известные под именем огузов или гузов.

4. Вопрос о прародине туркменских-огузских племен

Название «туркмены» для обозначения определенной группы тюркоязычных племен Средней Азии появляется лишь с конца X века н. э. [54, стр. 238]. До X века те же племена носили название огузов или гузов. Огузов нередко считают «предками» современных туркмен. Такая точка зрения совершенно не правильна. Подобно тому как узбекские племена XV—XVI вв. являются лишь одним из многочисленных этнических слагаемых узбекского народа, огузские племена являются одним из многочисленных этнических слагаемых, вошедших в состав туркменского народа.

«Прародиной» огузов, то есть территорией, на которой формировалось исходное ядро этих племен, историки считают страны, лежащие далеко на северо-востоке от современной Туркмении. Так, Абулгази-Богадур-хан, как известно, написавший родословную туркмен еще в XVII веке, указывает прародину огузов в странах Алмалыка, то есть в бассейне реки Или и озера Иссык-Куль [28]. Аристов относит прародину огузов еще дальше на восток, в пределы самой Монголии, на берега реки Селенги [30]. Там же прародину огузов локализирует В. В. Бартольд [38, стр. 10]. Наконец, той же точки зрения придерживаются и новейшие исследователи. Так, по Гордлевскому, «первый ранний след (культурно-бытовой) остался на сельджукидах от монголов, когда турки и монголы жили вместе, где-то в Монголии» [47]. Как известно, с XI века «предки» туркмен—гузы в трудах историков нередко фигурируют под именем тюрок-сельджуков. Под этим именем лишь в XI веке основная масса туркмен заселяет территорию современной Туркмении.

Таким образом, историки указывают прародину огузов-туркмен в исходном ареале распространения монголоидов и притом монголоидов не долихоцефальных, а брахицефальных. Следовательно, туркмены-огузы включили в свой состав европеоидную долихоцефальную расу, ныне ясно среди них преобладающую, лишь после того, как они расселились в центре распространения этой расы. Мысль о том, что туркмены заимствовали свою долихоцефалию от скифо-сарматских племен Закаспия впервые была высказана еще более 30 лет тому назад покойным профессором Н. Г. Маллицким. Эту мысль Н. Г. Маллицкий высказал нам в одной из личных бесед, основываясь на этнографических материалах, собранных им, но, к сожалению, оставшихся неопубликованными.

Еще в первых наших работах, посвященных этногенезу туркмен [14 и 16], мы показали, что туркмены-огузы включили в свой состав долихоцефальную европеоидную расу до расселения в Закаспийских степях, в ту эпоху, когда основная их масса кочевала в степях, окружающих Хорезмский оазис. Этот наш вывод основывался на исторических данных, относящихся к X веку. Приводим важнейшие из них.

5. Исторические данные, свидетельствующие о долихоцефальном европеоидном типе туркмен-огузов во время обитания их в Хорезме в X веке

К. Л. Иностранцев в своей работе «О домусульманской культуре Хорезмского оазиса» [51] приводит любопытное сообщение арабского географа Мукаддаси (Макдиси). Мукаддаси сообщает, что в X веке нашей эры хорезмийцы по своему типу стали очень походить на тюрков, кочевавших по периферии Хивинского оазиса. Сходство это доходило до такой степени, что нередко, когда хорезмийцы попадали в соседние страны—в Мавераннахр или в Персию, их принимали за тюрков-кочевников, постоянно враждовавших в те времена с оседлыми иранцами, и, как представителей враждебного племени, их продавали в рабство.

В данном случае нет оснований приписывать сходство хорезмийцев X века с тюрками-кочевниками значительной примеси к ним монголоидных признаков от этих тюрков-кочевников. Процесс монголизации оседлого населения Хорезма и Мавераннахра в последующие века все нарастал. Между тем, по нашим исследованиям [17] и по исследованиям А. И. Ярхо [26], даже современные хорезмийцы, в лице узбеков Хорезма, являются типичными представителями европеоидной расы Среднеазиатского междуречья. Среди них отмечается лишь незначительная примесь монголоидных признаков. Узбеки Хорезма, как и другие группы узбеков, гораздо ближе стоят к типичным европеоидам Мавераннахра—таджикам, чем к монголоидам Дешти-Кипчака—казахам и киргизам.

С антропологической точки зрения современных узбеков Хорезма следует рассматривать как потомков древних хорезмийцев. Есть все основания полагать, что средневековые хорезмийцы были еще менее монголоидны, чем их потомки. Такой вывод неизбежен, если учесть весь исторически свершавшийся параллельный процесс тюркизации по языку и монголизации по типу древнего ираноязычного европеоидного населения Хорезма и Мавераннахра. На этом параллельном процессе мы неоднократно останавливались в предыдущих главах.

Итак, хорезмийцы X века едва ли восприняли монголоидные признаки благодаря метисации с соседившими с ними тюрками-кочевниками. Другими словами, те тюрки, с которыми уже смешивались хорезмийцы X века, не были типичными монголоидами, и, следовательно, не по общему монголоидному облику смешивали в ту эпоху хорезмийцев с тюрками.

Однако еще важнее то обстоятельство, что Мукаддаси прямо указывает на соматический признак, совершенно не свойственный современному тюркоязычному населению Хорезма и Мавераннахра, который делал хорезмийцев X в. похожими на тюрков, кочевавших в ту эпоху по периферии Хивинского оазиса.

Ввиду важности возможно более точного указания того соматического признака, который, по мнению Мукаддаси, делал хорезмийцев его эпо-

хи похожими на соседящих с ними тюрков, привожу здесь выдержку из своей ранее опубликованной работы, относящейся к данному вопросу [14].

По словам Мукаддаси, хорезмийцы эпохи Саманидов (X в. н. э.) до такой степени стали походить на окружающих их тюрков-кочевников (что он определенно приписывает смещению их с последними), и случаи продажи их в рабство благодаря тому, что их принимали за тюрков в соседних странах бывали так часто, что хорезмийское правительство вынуждено было даже принять специальные меры к тому, чтобы изменить внешний облик своих подданных и сделать их менее похожими на соседящих с ними тюрков-кочевников.

В работе Иностранцева о домусульманской культуре Хивинского оазиса, откуда мы заимствовали весьма ценные сообщения Мукаддаси, говорится, что с этой целью «хорезмийским женщинам было приказано, при рождении детей привязывать по обеим сторонам головы новорожденных мешки с песком, чтобы черепа их сделались шире» [51, стр. 304]. В другом месте Иностранцев сообщает, со слов того же Мукаддаси, что хорезмийцы стремились сделать головы новорожденных более широкими и короткими, чтобы отличить себя от окружавших тюрков-кочевников [51, стр. 304]. Мукаддаси был не единственным арабским географом, отметившим хорезмийский обычай вызывать искусственную деформацию черепа. Так, Якут-ибн-Абдаллах, писавший позднее, в начале XIII в., говорит, что у хорезмийцев «широкие головы и лбы», что он приписывает обычаю искусственно деформировать череп [51, стр. 304, сноска 9]. Впрочем в свое время, ознакомившись с нашей работой, покойный академик В. В. Бартольд указал нам, что этот второй источник мало доказателен, так как весьма часто более поздние арабские географы повторяли своих предшественников, так что Якут, весьма возможно, просто передает то, что он прочитал у Мукаддаси. Иное дело, первичный источник—сообщения Мукаддаси. По моей просьбе, академик В. В. Бартольд любезно сообщил мне соответствующие места из Мукаддаси. Оказалось, что цитаты, приведенные Иностранцевым, совершенно точно передают смысл сказанного Мукаддаси.

В изданных позднее «Материалах по истории Туркмении» даны точные переводы трудов Макдаси (Мукаддаси) и Якута. В них приводятся указанные ценнейшие сообщения, в точности соответствующие сообщениям Иностранцева [64, стр. 186 и 420].

Точное указание Мукаддаси на искусственную широкоголовость, которая достигалась путем наложения тяжести (в виде перекинутых наподобие переметной сумы мешков с песком) на голову ребенка, лежавшего навзничь в люльке, не оставляет никакого сомнения в том, что современные Мукаддаси хорезмийцы стремились стать из долихоцефалов брахицефалами. Делали же они это с целью различения себя от окружавших тюрков-кочевников.

Эта долихоцефалия, судя по приведенным историческим известиям, часто встречавшаяся среди хорезмийцев X в., в течение последующего тысячелетия, видимо, сильно сгладилась, так как для современных хорезмийцев, в лице узбеков, характерна брахицефалия. А. И. Ярхо приводит для хивинских узбеков среднее головного указателя, равное 83,50; по моим данным, она равна 82,21. Эти средние несколько ниже, чем средние, встречающиеся среди узбеков других областей Узбекистана. Возможно, что примесь долихоцефального элемента, сказывающаяся на понижении средней величины головного указателя, сохранилась у хивинских узбеков еще от той эпохи, когда они интенсивно смешивались с окружавшим их долихоцефальным населением. Мукаддаси прямо указывает, что в X в. хорезмийцы приобрели длинноголовость благодаря смешению с окружавшими их тюрками-кочевниками. Между тем для всех турецких народов Средней Азии, как кочевых, так и оседлых, характерна не долихоцефалия, а ярко выраженная брахицефалия.

Однако и среди современного брахицефального населения Средней Азии есть одна-единственная народность, которая выделяется ярким пятном по своей долихоцефалии — это туркмены.

Как указывалось выше, предки современных туркмен носили название гузов или огузов. В исторических известиях есть прямые указания на то, что оседлое население Хорезма в X в. непосредственно соприкасалось с кочевьями гузов-туркмен. Так, арабский географ-путешественник Абу-Исхак-Эль-Истахри, лично посетивший Хорезм в X в., пишет следующее: «Хорезмом называется страна, отдельная от Хорасана и Мавераннахра. Со всех сторон она окружена степями, причем границы ее на севере и на западе соприкасаются с землями (кочевьями) гузов [44, стр. 32]. Характер отношений этих кочевников-гузов, уже в X в. полукольцом охватывавших всю северо-западную часть Хивинского оазиса, с оседлыми обитателями того же оазиса, определялся двумя моментами. Тот же арабский географ Эль-Истахри пишет: «Хорезмийцы находятся в большой опасности от гузов и принуждены постоянно сдерживать их» [44, стр. 33]. О постоянной вражде гузов-туркмен с оседлыми хорезмийцами сообщает и другой арабский географ той же эпохи — Мас'уди: «Караваны с товарами постоянно ходят из Болгарии в Хорезм и наоборот, при этом им приходится защищаться от кочевых тюркских племен, через страны которых лежит их путь» [44, стр. 31]. Путь же в Болгарию, т. е. на Каму, лежал на запад, так что караванам, шедшим из Хорезма, прежде всего приходилось проходить через степи, населенные гузами-туркменами. Через те же степи проходили и караваны, шедшие из Болгарии в Хорезм. В той же ранее опубликованной работе [14] мне уже приходилось указывать, что отношение кочевых гузов-туркмен к оседлым хорезмийцам не исчерпывалось только набегами на орошенные части оазиса и разграблением караванов по путям, связывавшим его с други-

ми странами. Между хорезмийцами и туркменами-гузами шла интенсивная торговля, вероятно, главным образом путем обмена продуктов скотоводческого хозяйства на предметы производства ремесленного и земледельческого оседлого населения Хорезма. Так, тот же Эль-Истахри, описывая богатства Хорезма и благосостояние его жителей, замечает: «Нет здесь ни золотых, ни серебряных руд, а равно нет и драгоценных камней. Народ богат единственно от торговли с турками» [44, стр. 38]. «Лежащий на южном берегу Джейхуна (Аму-Дарьи) большой город Эль-Джорджаниэ (Ургенч) самый большой город в стране после столичного, служит главным торговым пунктом для гузов» [44, стр. 33].

Таким образом, есть прямые указания источников на интенсивную торговлю, шедшую между оседлыми хорезмийцами и гузами-туркменами, кочевавшими по периферии их земель. Однако гузы были не только кочевниками-скотоводами. Новейшие, весьма обширные исследования, проводимые С. П. Толстовым, полностью подтвердили сообщения одного из арабских географов XI—XII вв.—Аль-Идриси о ряде городов, принадлежавших гузам. Экспедициями С. П. Толстова в староречьях Жаны-Дарьи и Куван-Дарьи открыт ряд городищ, принадлежавших гузам [77]. Археологические материалы, добытые из этих городищ С. Т. Толстовым, подтверждают тесные отношения между гузами и хорезмийцами.

Географ XIII в. Якут-ибн-Абдаллах в своем географическом словаре сообщает, что в Хорезме, смежном с кочевьями тюрков, общение оседлого хорезмийского населения с тюрками было настолько тесным, что в Хорезме выработался своеобразный промежуточный язык—«не хорезмский и не турецкий» [44, стр. 20].

Однако это начавшееся вытеснение древнего хорезмийского языка—диалекта иранской ветви индоевропейской лингвистической семьи языком тюркским еще не говорит о возможной метисации тюркоязычных племен с ираноязычными. Сопоставляя факты, сообщенные в арабских источниках X века, мы получили совершенно определенную картину взаимоотношений между этими племенами.

Тюрки-гузы в качестве воинов-наездников грабят на периферии орошенного Хорезмского оазиса и на путях, к нему ведущих, а в качестве скотоводов ведут обширную, обогащавшую Хорезм торговлю, очевидно, лишь на короткий срок, в базарные дни, наводняя крупнейшие центры Хорезма. Смешанные браки, в собственном смысле слова, едва ли когда-либо заключались между этими враждовавшими племенами.

Несколько большую метисацию могла дать турецкая гвардия, жившая внутри орошенного оазиса и служившая опорой хорезмийского правительства. Но, во-первых, она не могла быть по тем временам многочисленной—исчислялась лишь тысячами, и, во-вторых, мы не нашли прямых указаний на обычай набирать в Хорезме войска из тюрков уже в X веке. Совершенно определенные указания на этот счет имеются лишь для

эпохи более поздней, для династии хорезмшахов (XII в. [32, стр. 347—355]).

Таким образом, мы имеем как бы два рядом стоящих, но замкнутых мира. Кочевой Турон и оседлый Иран тогда жили бок о бок, но обособленно, давая лишь очень медленную и ограниченную диффузию.

Наиболее вероятным источником массовой метисации, которая могла бы изменить основной антропологический тип хорезмийского населения и сделать его похожим на живших на территории оазиса тюрков, могли быть многочисленные тюркские невольники и, главное, невольницы, которых хорезмийцы массами захватывали при бесконечных стычках и войнах с кочевниками-тюрками. Редкая семья в ту эпоху обходилась без невольников и невольниц, причем последние, разумеется, поступали в гаремы в качестве наложниц. Об этом мы имеем и совершенно точные сведения: со слов Мукаддаси Иностранцев определенно указывает именно на этот обычай набирать рабов из тюрков, как на причины метисации и сходства хорезмийцев с тюрками.

Все вышеприведенные данные позволяют, нам кажется, с достаточной достоверностью утверждать следующее:

1. В X в., к которому относятся сообщения арабских географов, тюрками, окружавшими Хивинский оазис, были туркмены, именующиеся в ту эпоху гузами или огузами, лишь позднее выступившие под своим современным именем—туркмен.

2. Именно благодаря смешению с ними хорезмийцы X в. приобрели несвойственную им долихоцефалию, что делало их похожими на гузов.

3. Следовательно, предки туркмен—гузы, тысячелетие тому назад были такими же долихоцефалами, как и современные их потомки—туркмены.

Судя по вышеприведенным данным, оседлое население Мавераннахра и других сопредельных с Хорезмом стран принимало хорезмийцев за тюрков-гузов именно благодаря несвойственной этому населению удлиненной, «дынеобразной» форме головы. Именно от этого «огузского» признака стремились избавиться хорезмийцы и с этой целью клали на головы новорожденных мешки с песком. При таком положении вещей возникает вопрос: распознает ли современное брахицефальное население Средней Азии этот отличительный признак туркмен как нечто необычное, сразу же бросающееся в глаза?

На этот вопрос можно дать вполне положительный ответ. Мне неоднократно приходилось слышать как от узбеков, так и от русских, совершенно неискушенных в антропологии, вопрос, почему у туркмен такая длинная, «дынеобразная» голова? Нельзя не напомнить весьма показательный в этом отношении факт, уже приводившийся нами в I части этого труда (см. часть I, стр. 106). Еще в 1923 г., во время экспедиции в Хорезм, одно лицо, пережившее зимою 1923 г. осаду Хивы басмачами-иомудами, сообщило мне следующий любопытный факт. В числе басма-

чей, осаждавших Хиву, наряду с туркменами-иомудами были и присоединившиеся к ним узбеки. Первый вопрос, который задавался при захвате басмача в плен, был такой: «арбуз» или «дыня»? При чем носитель удлинённой, в форме дыни, головы причислялся красноармейцами к иомудам-туркменам, а обладатель «арбузообразной», круглой—к узбекам.

В свете этих фактов нет оснований сомневаться в том, что и в X веке местное брахицефальное население Мавераннахра сразу же отличало гузов-туркмен по свойственной им долихоцефалии.

Тюркские племена становятся в Хорезме известными под именем огузов лишь с X века. Поскольку огузы являются выходцами из самого центра распространения монголоидной расы—из Монголии, мы имеем достаточные основания предполагать, что европеоидный компонент туркмены включили в свой состав уже в местах нового своего поселения. Об этом имеется и прямое историческое известие.

6. Изменение типа туркмен-огузов по мере их расселения в ареале европеоидов и сведения о скифо-сарматских племенах, предшествовавших гузам в низовьях Сыр- и Аму-Дарьи

По мнению Абулгази, автора родословной туркмен, туркмены-огузы первоначально имели обычные для тюрко-монгольского типа черты, так как лишь значительно позднее, будучи вытеснены с Иссык-Куля в низовья Сыр-Дарьи «найманами, хитаями и канглами», а оттуда еще южнее в Мавераннахр, они приобретают черты европеоидные. Абулгазихан пишет:

«Тех туркмен, которые попали в Мавераннахр, таджики сначала называли тюрками. Спустя пять или шесть поколений, они изменились под влиянием земли и воды... стали короткими, глаза большими, лица сделались маленькими, а носы большими. Когда из пришедших в туркменскую страну и поселившихся там племен стали появляться в Мавераннахре купцы и рабы, то тех тюрков, облик которых изменился, стали называть тюркманенд. Смысл этого слова—похожий на тюрка. Простой народ, не будучи в состоянии произносить тюркманенд, говорил тюрк-(мен)» [28, стр. 40].

Другими словами, по мнению Абулгази, в новом географическом ландшафте, под влиянием изменившейся среды («земли и воды») туркмены приобрели новые черты—большие глаза, «маленькое» (очевидно, узкое) лицо и большой нос. Эти европеоидные черты проще всего объясняются тем, что переселившиеся на юг туркмены смешивались с местным европеоидным населением. За типичными тюрко-монголами таджики оставили название тюрков, а туркменами—лишь «похожих на тюрков», вероятно, по сходству языка и обычаев.

Как показывают приведенные выше исторические известия, еще в X веке, до массового переселения на территорию нынешней Туркмении,

в эпоху обитания в низовьях Аму- и Сыр-Дарьи туркмены-огузы включили в свой состав долихоцефальный европеоидный компонент.

В степях Приаралья, в низовьях Аму- и Сыр-Дарьи тюркоязычным племенам предшествовал пласт ираноязычных скифо-сарматских племен. Пласт этот тянулся, как известно, далеко на запад, где он был представлен скифо-сарматскими племенами причерноморских, приазовских и предкавказских степей. С. М. Середонин в своей исторической географии указывает, что Геродот помещал скифов между Барисфеном (Днепром) и Танаисом (Доном), а к востоку от последнего простирался пласт сарматских или аланских племен. Степи северного Прикаспия и Приаралья носили название Сайрима, т. е. страны сарматов [75, стр. 38, рис. 3]. Согласно новым обширным исследованиям С. П. Толстого, одно из скифо-сарматских племен—аланы—занимало огромную область от Сыр-Дарьи и Хорезма до Предкавказья. Эта область была известна китайцам сначала под названием Яньцай, а позднее—Аланья [77, стр. 75].

С. П. Толстов считает огузов VIII—X вв. «прямыми потомками» этого местного аланского населения. В низовьях Сыр-Дарьи аланам предшествовало еще более древнее местное население—«древние сакско-массагетские племена, массагеты болот и островов, апасиаки (водные саки), говорившие, видимо, частью на архаических индоевропейских языках. Эти племена около начала нашей эры в той или иной мере воспринимают язык сарматского (североиранского) типа и выступают под именем алан, арсинов (аорсов) или асов (ясов, ятиев)» [77, стр. 100].

Таким образом, в исследованиях С. П. Толстова в качестве прямых предков огузов-туркмен выступает отнюдь не «огузово племя», пришедшее из Монголии, а местное автохтонное в языковом отношении иранское население, лишь позднее тюркизованное по языку.

Такая точка зрения вполне совпадает с нашей.

Стало быть, древнейшее население, предшествовавшее гузам-туркменам не только на территории современной Туркмении, но и на окраинах Хорезмского оазиса, в низовьях Сыр- и Аму-Дарьи, было представлено долихоцефальной европеоидной расой, входившей первоначально в состав ираноязычных «скифо-сарматских племен».

Процесс тюркизации по языку и монголизации по типу этого древнего «скифо-сарматского» пласта начался еще до появления на исторической арене огузов-туркмен.

7. Вопрос о времени начала процесса тюркизации по языку и монголизации по типу скифо-сарматских племен в Приаралье и скифских (сакских) племен в Закаспийских степях

Этот процесс мог начаться в области Восточного Приаралья еще с IV века нашей эры. Основываясь на китайских известиях (Бей-ши), С. П.

Толстов сообщает, что «около середины IV века нашей эры в области Восточного Приаралья появляются выходцы с северо-восточных рубежей Средней Азии—ветвь западных гуннов,—подчиняют себе местное древнее сармато-аланское население и кладут основу алано-гуннскому варварскому государству» [77, стр. 77].

В «Истории Туркменской ССР» к этому же времени отнесено появление гуннов в Северном Туркменистане [55, стр. 129]. С указанным временем совпадает и проникновение гуннов далее на запад, поскольку историки относят разгром гуннами прикавказских аланов к семидесятым годам IV века нашей эры [52, том III—IV, стр. 31 и 37].

Как известно, историки и лингвисты обычно относят гуннский язык к семейству тюркских языков. Что касается антропологического типа гуннов, то об их ярко выраженной монголоидности свидетельствуют палеоантропологические материалы, найденные не только в гуннских погребениях восточнее Байкалов, но и в гуннских погребениях Венгрии [7, стр. 121].

Монголоидность типа гуннов, проникших в Европу в IV веке, подтверждается и историческими источниками. Их монголоидный облик, резко отличавший их от местного европеоидного населения, достаточно ясно выступает в описаниях римского историка IV в. Аммиана Марцеллина и историка готов VI века—Иордана [75, стр. 78].

Гунны являются первой волной многочисленных племен, двигавшихся из исходного центра распространения монголоидных, по типу тюркоязычных племен. В своем движении на запад эти племена проходили через приаральские и прикаспийские степи и часть их оставалась здесь. С VI века в этих степях появляются новые выходцы из Монголии—авары. В их состав входили и древнемонгольские племена, в частности, племя баят (баяут) [77, стр. 101 и 57, стр. 57]. Это племенное название и поныне сохранилось среди туркмен. Туркменское племя баят исследовано Наджимовым в 1955 г. в районе Чарджоу. Таким образом, процесс тюркизации по языку и монголизации по типу скифо-сарматских племен в приаральских степях мог начаться за несколько столетий до объединения этих местных племен под именем огузов. Конгломерат приаральских племен покрывается термином огузы с X—XI века [56 и 77]. К этому времени скифо-сарматские племена, вошедшие в состав огузов, уже были тюркизованы по языку. Как указывалось выше, арабские географы X века называли огузов, кочевавших по территории Хорезмского оазиса, тюрками. Параллельно с тюркизацией местного населения по языку шел в той или иной степени процесс монголизации его по типу. Однако, судя по всем приведенным выше данным, в составе огузов X века преобладал не монголоидный, а местный долихоцефальный европеоидный тип. Процессы расовой и языковой ассимиляции могут быть противоположными: пришлое население ассимилирует местное население по языку, но само «растворяется» в местном населении, ассимилируется местным населе-

нием, часто гораздо более многочисленным. Такая же противоположность расовой и языковой ассимиляции, как мы видели, наблюдалась в Междуречье Средней Азии.

По-видимому, процесс тюркизации скифо-сарматских племен в Закаспийских степях начался несколько позднее, чем в низовьях Аму- и Сыр-Дарьи. Закаспийские степи лежат южнее обычного пути, по которому шло движение на запад тюркских монголоидных племен. Путь этот шел севернее Сыр-Дарьи, по широкой северной степной полосе Средней Азии, простиравшейся далее в южнорусские степи. Но и в Закаспии процесс этот мог начаться за несколько столетий до массового переселения сюда туркмен-огузов в XI веке. Как известно, с этого времени огузские-туркменские племена нередко называются в литературе тюрками-сельджуками.

Тюркские племена появляются на территории современной Туркмении с эпохи Тюркского каганата VI века, пределы которого распространились «до границ Персии и Византии» [34, стр. 9].

«Во время господства Тюркского каганата на территорию Туркменистана переселилось значительное количество новых тюркских племен. Эти племена в дальнейшем также явились составными частями, из которых впоследствии сложилась туркменская народность» [55, стр. 151].

В VI веке тюркские племена обитали по южному побережью Каспийского моря. А. Ю. Якубовский сообщает, что сасанид Хосров Ануширван (539—571) построил стену, «тянущуюся от моря до гор». Эта стена была построена со специальной целью охранять область Гургена от нападений тюрков-кочевников [78, стр. 53]. По-видимому, в том же VI веке их кочевья простирались и далее на восток. Так, согласно В. В. Бартольду, «можно предположить, что степи к востоку от Каспийского моря были заняты тюрками еще в VI веке, так как к этому времени относится столкновение турок с сасанидской Персией и что гузы или огузы арабских географов были потомками тех же турок...» [38, стр. 13]. Однако здесь точно не указывается, насколько далеко на восток от Каспийского моря расселились тюрки в VI веке. Уже в следующих VII—VIII вв. их кочевья, несомненно, доходили не только до центра современной Туркмении, но и до пределов Афганистана. Основываясь на арабских источниках, А. Ю. Якубовский сообщает, что «под Мервом, под Балхом, в Багдисе в VII и в начале VIII вв. кочевое население было весьма густым. Тюрки сюда не раз являлись в качестве войска. Естественно, что после таких походов какая-то часть этих турок здесь оседала; именно это и произошло с карлуками, которые в VIII веке образовали группу тохаристанских карлуков со своим ябгу» [78, стр. 53]. Как известно, в состав Тохаристана входила северо-восточная часть Афганистана (Бадахшанская провинция), юго-западная часть современного Узбекистана (Сурхан-Дарьинская область) и юго-восточная часть Таджикистана. Эта территория была заселена народом, носившим название тохаров или

эфталитов. Эфталиты говорили на тохарском языке [55, стр. 133], относящемся к иранской языковой группе. Судя по описаниям Аммиана Марцеллина (IV век) и Прокопия Кессарийского, эфталитам был присущ европеоидный тип [17, часть II, стр. 174]. О том же свидетельствуют изображения эфталитских царей. На этих изображениях нет никаких монголоидных признаков [55, стр. 134—135]. В дальнейшем эфталиты были тюркизованы по языку и вошли в состав туркменского народа [78, стр. 54]. Однако из наименований эфталитов—а б д а л и и сохранилось в названии родовых группировок туркменских племен — ч а у д ы р о в и с а р ы к о в [55, стр. 133—134]. Антропологически племя чаудыров было исследовано в 1930 г. в пределах Хорезма А. И. Ярхо, племя сарыков исследовано К. Наджимовым в районе Иолотани и Тахта-базара. Оба эти племена оказались типичными представителями европеоидной долихоцефальной закаспийской расы, с обычной для туркмен примесью монголоидных признаков.

Как упоминалось выше, в приаральских степях широко было распространено скифо-сарматское племя аланов. Относительно пребывания аланов в степях нынешней Туркмении А. Ю. Якубовский пишет следующее: «К сожалению, у нас нет в настоящее время таких вещественных памятников с территории Туркмении, которые мы могли бы определить как памятники аланские... Однако факт пребывания аланов до и после появления огузов на территории Туркмении бесспорен... Процесс тюркизации (этих) нетюркских элементов на территории Туркмении начался еще до появления первой партии огузов, т. е. до IX века. Особенно усилился процесс тюркизации после того, как в IX—X вв. на территории Туркмении скопилось большое число огузов. Аланы и асы потеряли свой язык и тюркизовались в языковом отношении. Однако этнические, точнее, антропологические особенности их физического типа не исчезли бесследно. Они передали народу, который окончательно сложился здесь и получил имя туркмен, свою долихоцефалию» [78, стр. 54]. В заключение А. Ю. Якубовский отмечает, что эта точка зрения была впервые высказана нами в двух наших первых работах, посвященных этногенезу туркмен [14 и 16].

Итак, процесс тюркизации по языку «скифо-сарматского», точнее, скифского или сакского дотюркского населения Закаспия начался задолго не только досельджукского движения, т. е. массового движения огузов в Туркмению в XI веке, но даже еще до IX века, быть может, еще с эпохи Тюркского каганата VI в. н. э. За указанные 4—5 столетий могла иметь место и та или иная примесь монголоидных признаков к европеоидному долихоцефальному населению Закаспия, входившему в состав местных «скифо-сарматских» (скифских, сакских) племен.

8. *Время заселения огузами территории современной Туркмении и вопрос о принесенных ими расовых компонентах*

А. Ю. Якубовский относит первое появление огузов на территории Туркмении к IX веку. Первое движение части огузов, живших тогда «на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи и в степях к северу от Усть-Урта, между Эмбой и Яиком», началось еще за два столетия до массового переселения гузов-туркмен, выступающих с XI века в трудах историков под именем тюрков-сельджуков. Это была первая «огузская волна». Она относится к первой половине IX века. Вторую «огузскую волну» А. Ю. Якубовский синхронизирует с эпохой массового движения печенегов на запад в 893 или 898 гг. Печенеги вытеснили к югу часть огузов с мест их первоначального обитания. Эта «вторая волна» огузского движения относится, следовательно, к концу IX—началу X вв. Третьей, наиболее значительной «огузской волной», является массовое расселение в Туркмении огузов-туркмен в эпоху сельджукидов, в XI веке [79, стр. 3—12].

Возникает вопрос, в какой степени монголоидными были огузы в эпоху обитания их на Сыр-Дарье и между Эмбой и Яиком? Все вышеприведенные данные, нам кажется, не оставляют сомнений в том, что к этому времени среди большей части огузов уже преобладал европеоидный долихоцефальный тип. Иначе огузы не могли бы дать настолько значительную примесь длинноголовости к хорезмийцам, что по этому признаку хорезмийцев стали смешивать с тюрками-гузами и продавать их в рабство.

С другой стороны, часть огузов, особенно еще не перешедшая к оседлости, вероятно, продолжала жить обособленно от местного населения и потому в указанную эпоху еще сохраняла монголоидные признаки, которые были свойственны гузам в их исходных корнях. Об этом свидетельствует одно место, приводимое А. Ю. Якубовским из Ал-Масуди. О тюрках, живших на Сыр-Дарье, близ Янгикента, бывшего административным центром огузских племен, Ал-Масуди пишет следующее: «Преобладают среди тюрков в этом месте гузы (частью) кочевые, (частью) оседлые. Это племя из тюрков, оно делится на три группы: нижние гузы, верхние и средние; они самые маленькие из них ростом, и у них самые маленькие глаза». А. Ю. Якубовский справедливо замечает, что приведенное сообщение Масуди «рисует нам этих гузов малопохожими на высоких длинноголовых туркмен последнего времени» [78, стр. 50]. Возможно, что в данном случае «маленькими глазами» Масуди называет непривычную для него суженную глазную щель, при наличии эпикантуса и монгольской складки. Нам представляется наиболее вероятным, что в IX—XI вв. антропологический состав различных групп огузов был различен: европеоидный компонент преобладал у западных огузов, монголоидный—у восточных. В. В. Бартольд считает восточной границей гузов

Исфиджаб [38, стр. 6], располагавшийся на нижнем течении Сыр-Дарьи, а А. Ю. Якубовский упоминает, что, согласно Ал-Истахри, восточная граница гузов лежала значительно восточнее, у Тараза—ныне Джамбула [78, стр. 50].

Население, предшествовавшее гузам в Закаспии, вероятнее всего, если и имело, то лишь весьма незначительную примесь монголоидных признаков. Во всем вышеприведенном палеоантропологическом материале, добытом в разных местах Туркмении, монголоидные признаки совершенно отсутствуют. Частью гузы, частью последующие наслоения племен, пришедших с севера, из исходного ареала монголоидных рас, усилили монголизацию долихоцефальной европеоидной расы, входившей в состав «закаспийских скифов». Однако, как мы видели, и среди современных туркменских племен в самых различных областях и районах Туркмении явно преобладает европеоидный долихоцефальный тип.

Вопрос о том, какая именно монголоидная раса 2-го порядка вошла в состав туркмен, остается пока открытым.

Особого мнения придерживается проф. Г. Ф. Дебец, утверждающий, что в антропологический состав туркмен наряду с брахицефальным монголоидным компонентом вошли и долихоцефальные монголоиды. Трудно судить, насколько такое мнение справедливо, поскольку по этому вопросу Г. Ф. Дебецом опубликована лишь очень краткая заметка [6, стр. 325].

Нам представляется наиболее вероятным, что в состав туркмен вошел брахицефальный монголоидный тип, который ныне явно преобладает в составе современного населения Дешти-Кипчака—казахов и киргизов.

Такая точка зрения находит подтверждение в ориентировочных материалах, собранных в Нуратау в Самаркандской области.

Арабский географ X в. Ал-Истахри упоминает, что часть гузов поселилась в Самаркандском Согде и в районе Бухары [78, стр. 50]. В Самаркандской и Бухарской областях до сих пор имеются поселения туркмен. По инициативе покойного проф. Н. Г. Маллицкого Институт истории и археологии Академии наук Узб. ССР в 1944 г. провел предварительные исследования этих туркмен. Сотрудниками названного института—этнографом В. Г. Мошковой и антропологом В. Я. Зезенковой были собраны материалы по этнографии и антропологии туркмен, поселившихся в Нуратинских горах. В. Г. Мошкова сообщает, что среди нуратинских туркмен сохранилось предание, согласно которому часть туркмен пришла сюда очень давно непосредственно с побережья Сыр-Дарьи. Они отстали от основной массы туркмен, двигавшейся на запад, за Аму-Дарью, на территорию современной Туркмении и дальше в Иран и Малую Азию [99]. По мнению В. Г. Мошковой, эта небольшая древняя группа (роды канджигалы, бугоджалы, айтамгалы и казаяклы) поселилась в окрестностях Нура-Бухарского района, по крайней мере тысячелетие тому назад. Два рода из этих древних поселенцев—канджигалы и

айтамгалы, по наблюдениям антрополога В. Я. Зезенковой, являются типичными брахицефальными монголоидами [8]. Это говорит за наше предположение о том, что гузам до смешения их со скифскими племенами был свойствен брахицефальный монголоидный тип. Среди нуратинских туркмен, исследованных В. Я. Зезенковой и В. Г. Мошковой, есть группы, пришедшие недавно, в XVIII—XIX столетиях из пределов Туркмении. По наблюдениям В. Я. Зезенковой, эти «возвращенцы» относятся к обычному для туркмен долихоцефальному европеоидному типу.

9. Долихоцефальный европеоидный тип скифских племен юга России

Конгломерат ираноязычных племен, известных под общим именем «скифо-сарматов», был широко распространен не только в степях Закаспия, Приаралья и Прикаспия, но тянулся и далее на запад, в прикавказские, приазовские, причерноморские и приднепровские степи.

В эти степи Восточной Европы в древности проник и антропологический пласт долихоцефальных европеоидов. В Закаспийских степях долихоцефальный европеоидный тип, как мы видели, прослеживается вплоть до III тысячелетия до н. э., а в южно-русских степях он прослеживается вплоть до эпохи раннего металла (V—II тысячелетия до н. э.). На Украине долихокранные европеоиды получены из Мариупольского могильника, затем со среднего Поднепровья ($M=73,04$; $N 14$) и с примесью брахицефалии в Причерноморье [7, стр. 95, 98—99]. Особенно обширные материалы получены в южно-русских степях из погребений, приписываемых археологами скифо-сарматским племенам.

Долихоцефалия скифских племен, обитавших на юге России, впервые была установлена еще около 80 лет тому назад. Последующие, ныне уже достаточно обширные исследования, полностью подтвердили принадлежность этих племен к долихоцефальному типу, притом типу европеоидному, без всяких примесей монголоидных признаков.

В 70-х годах прошлого столетия проф. Самоквасов и Кибальчич исследовали курганы на Украине и добыли из них краниологический материал, обработанный в свое время основоположником русской антропологии А. П. Богдановым. На основе этих материалов А. П. Богданов опубликовал первое по времени исследование по краниологии скифов [1]. Приводим здесь цифры головного указателя только для кургана села Аксютенец быв. Полтавской губернии, Роменского уезда, так как принадлежность этого кургана к скифам не вызывала никаких сомнений у исследователей.

Черепной указатель скифских черепов из кургана в
селе Аксютенец Полтавской губернии

Головн. ук.	67,36	68,42	69,63	70,78	71,42	71,97	72,22	72,77	72,82	85,97
N	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1

Таким образом, из скифских черепов, исследованных А. П. Богдановым, 10 приходится на долю крайних долихоцефалов и один оказался брахицефальным. Этот единственный брахицефальный череп настолько резко отличается от всех остальных, что А. П. Богданов отнес его не к скифо-сарматам, а к какому-то другому племени. С другой стороны, самые левые варианты приведенного ряда дают настолько низкие цифры черепного указателя, что возникает мысль—не имело ли здесь место искусственное усиление долихоцефалии? На этом вопросе мы остановимся ниже.

Серия скифских черепов из села Аксютенец, исследованная А. П. Богдановым, в дальнейшем была пополнена черепами, добытыми из других скифских курганов Среднего Поднепровья. Для всех скифов Среднего Поднепровья оказалась характерной долихокрания ($M=72,30$; $N\ 24$). При этом Г. Ф. Дебец отмечает, что вся эта серия скифских черепов «очень сходна с черепами палеометаллической эпохи той же местности». [7, стр. 159]. В серии скифских черепов, добытых в степях Причерноморья, также преобладают долихокраничные формы, причем и здесь не отмечается «ничего принципиально нового, по сравнению с черепами палеометаллической эпохи той же местности» [7, стр. 160—162]. При этом ни у одного черепа не было отмечено никаких монголоидных признаков. В этой серии, как и в предыдущих, отмечается примесь брахикраничных форм.

Значительная серия из 77 черепов была добыта из скифских курганов Бессарабии. В ней преобладают долихокраничные формы, с примесью черепов брахикраничных. Средние величины всей серии лежат в пределах мезоцефалии (муж. $M=76,7$; $N\ 57$; жен. $M=77,4$; $N\ 20$ [7, стр. 163]). К сарматской эпохе относят так называемые «поля погребальных урн» Среднего Поднепровья. Серия черепов из этих погребений была исследована Г. Ф. Дебецом. Для этой серии, как и для предыдущих, характерна долихокрания (муж. $M=72,4$, $N\ 16$; жен. $M=74,9$, $N\ 11$ [7, стр. 165]).

В конце I тысячелетия нашей эры на Украине продолжает бытовать долихокраничный европеоидный тип без всякой примеси монголоидной расы. Особенно показателен в этом отношении Верхне-Салтановский катакомбный могильник, в б. Харьковской губернии. Большинство исследователей (Спицын, Готье, Чучукало) считает это погребение аланским, т. е. погребением одного из сарматских племен. Другие считают это погребение хазарским. Однако хазарам, как тюрко-татарам, вероятно, была свойственна брахицефалия. Между тем, для всей серии салтановских черепов характерна долихокрания, лишь с примесью брахикраничных форм (муж. $M=75,3$, $N\ 39$; жен. $M=76,9$, $N\ 33$). При этом долихокраничные черепа сходны с черепами всех остальных скифских серий Украины [7, стр. 251—254]. Синхронным с Салтановским могильником является могильник Зливкинский, раскопанный В. А. Городцовым в 1901 г. в Изюмском уезде б. Харьковской губернии. Он датируется концом I на-

чалом II тысячелетия н. э. Серия черепов, добытая из Зливкинского могильника, исследовалась Д. Н. Анучиным, затем Т. А. Трофимовой и за последнее время—доцентом кафедры антропологии САГУ К. Наджимовым. Во всей серии из Зливкинского могильника долихокранные черепа совершенно отсутствуют (муж. М=83,0, N 9; жен. М=85,7, N 7). Для уточнения расовой принадлежности этой серии К. Наджимовым было предпринято специальное исследование.

В брахикранном европеоидном типе зливкинцев отмечается и небольшая монголоидная примесь, очевидно, принесенная к этому времени пришедшими с востока тюрко-монгольскими племенами. Этническая принадлежность брахикранных европеоидов Зливкинского могильника остается пока невыясненной. Отметим лишь, что и среди скифо-сарматских племен юга были брахицефалы. Так, брахицефальный европеоидный тип обнаружен в сарматских погребениях Волги [13].

Таким образом, долихоцефальный европеоидный пласт прослеживается в степной полосе Восточной Европы вплоть до эпохи раннего металла. Этот же тип входил в состав скифо-сарматских племен юга России. Мы можем предполагать, что часть этих ираноязычных племен в дальнейшем была славянизирована по языку и вошла в состав южной группы восточных славян. Во всяком случае, в середине века среди этих славян явно преобладали долихоцефальные европеоиды.

Этот факт был точно установлен на обширном и очень тщательно проработанном материале В. В. Бунаком [113].

Им исследован 41 череп северян из курганов Суджи и Чернигова на нижней Десне—притоке среднего Днепра. Далее к северу, со средней Оки, из курганов Подольска и Коломны им исследованы 47 черепов вятичей. Наконец, еще севернее, в верховьях Днепра, из курганов Дорогобужа и Бельска им исследованы 67 черепов кривичей. Весь этот материал датируется началом II тысячелетия нашей эры.

Подобрав соответствующий сравнительный материал по краниологии Европы, В. В. Бунак отнес кривичей к северным подрасам Европы, нас в данном случае не интересующим. Наоборот, наиболее южных северян и соседивших с ними вятичей он отнес к долихоцефальной средиземноморской европеоидной расе. Для сравнения исследованных им черепов с средиземноморской расой В. В. Бунак воспользовался серией черепов сардинцев.

Череп северян и вятичей обнаруживают очень большое сходство с черепами сардинцев.

Сардиния, как и другие острова Средиземного моря, является самым центральным местом распространения средиземноморской расы. Термином «средиземноморская раса» покрывался весь пласт южных долихоцефальных европеоидов от полуостровов и островов Средиземного моря до Индии, переходя через Северную Африку, Аравию, Туркмению и Афганистан. Весь этот пласт долихоцефальных европеоидов фигуриро-

вал в трудах советских антропологов под именем «средиземноморской расы в широком смысле». В своем капитальном труде «Основы антропологии» Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин предлагают гораздо более удачный термин — «индо-средиземноморская раса». Вариант этой расы, распространенный в древности в причерноморских степях, В. В. Бунак называл «понтійской расой». Лишь последующие наслоения и метисация вызвали значительное повышение головного указателя у современного населения в местах прежнего обитания северян и вятичей.

Гораздо более обширные материалы по краниологии древних славян опубликованы в работе Т. А. Трофимовой [22]. В ее сводку включены кроме материалов, исследованных В. В. Бунаком, также и материалы других авторов, начиная со 2-й половины XIX века. Приводим из этой сводки данные о тех славянских племенах, которые жили в местах прежнего обитания скифо-сарматских племен. Кроме северян и вятичей, сюда относятся поляне и древляне.

Таблица 19

Черепной указатель славянских племен. Мужские черепа
(по Трофимовой)

Древляне		Поляне		Северяне		В я т и ч и					
Волынь Каменец- Подольск (Дебеч)		Черниговские, Переяславские (Дебеч)		Лубенская Липлява Суджа, (Дебеч)		Западная группа		Централь- ная группа		Восточная группа	
М	N	М	N	М	N	М	N	М	N	М	N
73,9	52	74,0	58	74,1	29	73,2	20	73,6	13	73,3	33

Таблица 20

Черепной указатель вятичей. Женские
черепа (по Трофимовой)

Западная группа		Централь- ная группа		Восточная группа	
М	N	М	N	М	N
71,0	20	74,6	25	76,7	22

В целом исследование Т. А. Трофимовой вполне подтверждает выводы, к которым пришел В. В. Бунак. Все серии относятся к кругу долихоцефальной европеоидной расы. Лишь у наиболее восточного племени—у вятичей Трофимова находит примесь уральской расы, выделенной впервые В. В. Бунаком. Эта раса является «смягченным» вариантом большой монголоидной расы.

В свете всех приведенных фактов едва ли подлежит какому-либо сомнению, что скифо-сарматские черепа, добытые в местах последующего

обитания дреговичей, полян, северян и частью вятичей, относятся к тому варианту индо-средиземноморской расы, который назван В. В. Бунаком понтийской расой.

Геродот помещал собственно скифов между Барисфеном (Днепром) и Танаисом (Доном), а сарматов — к востоку от Дона, в прикавказских степях. Как известно, многие историки еще со времени Миллера считают осетин потомками сарматского племени «осов». В материалах, добытых из древних могил осетин, Ивановский нашел 59,9 % долихоцефалов [10]. В свое время Гильченко высказал предположение, что «долихоцефальные черепа, находимые в древних могилах Осетии, принадлежат предкам-осетин—сарматскому племени—аланам» [10]. По исследованиям того же Гильченко, современные осетины являются брахицефалами, со средней величиной головного указателя—82,6. Это повышение головного указателя у потомков сарматов—осетин, Гильченко объясняет последующим смешением с брахицефальными племенами.

Еще далее к востоку в страны Сайрима или Алонья тянутся племена аланов и массагетов, вплоть до низовьев Сыр-Дарьи. Об исторических данных, свидетельствующих о принадлежности их к долихоцефальным европеоидам, подробно говорилось выше.

Дальнейшим продолжением на восток пласта долихоцефальных европеоидов является выделяемая нами закаспийская раса, и поныне явно преобладающая среди туркмен.

Пласт долихоцефальных темной цветности европеоидов, тянувшийся по югу Евразии, начиная от побережья и островов Средиземного моря на западе и до Северной Индии на востоке, давно известен. Он покрывался общим термином — средиземноморская раса. Как указывалось, в советской антропологии одно время принято было обозначать весь этот пласт термином «средиземноморская раса в широком смысле». Гораздо удачнее термин, предлагаемый Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным, «индо-средиземноморская раса». В классификации, предлагаемой Н. Н. Чебоксаровым, головной указатель совершенно не принимается во внимание [23, стр. 315 и сл.]. Такая точка зрения нам представляется неправильной. Южные долихоцефальные европеоиды имеют совершенно определенный ареал, в котором долихоцефалия прослеживается минимум на протяжении 5—6 тысячелетий. Ареалы различных вариантов долихоцефальных и брахицефальных европеоидов всегда различны (альпийская и иберийско-островная; переднеазиатская и хорасанская; Среднеазиатского междуречья и закаспийская и пр.).

Индо-средиземноморская раса, занимающая огромный ареал, разумеется, не однородна. Различные «подрасы» или варианты этой расы еще далеко недостаточно изучены, особенно по описательным признакам. Как упоминалось выше, нам представляется пока достаточным обозначать эти варианты по центрам их распространения.

Одна из таких подрас—закаспийская, и поныне явно преобладает у

современных туркмен и в прошлом входила в состав скифо-сарматских племен Закаспия, другая — понтийская, входила в состав скифо-сарматских племен степной полосы Восточной Европы.

10. О некоторых обычаях туркмен, общих с обычаями, практиковавшимися европейскими скифо-сарматами

Культурно-историческим связям среднеазиатских скифов с европейскими посвящена работа Л. А. Мацулевича. Он рассматривает азиатских и европейских скифо-сарматов как тесно связанное единое целое. Сарматы играли важную роль «в длительном процессе взаимосвязей юго-востока Европы и северных областей Средней Азии, Узбекистана, в частности» [65, стр. 125]. Ссылаясь на китайские источники, Л. А. Мацулевич подчеркивает «факт исторического единства Арало-Прикаспия с Прикавказьем» [65, стр. 137]. О тесных связях сырдарьинских алан с прикавказскими упоминает и С. П. Толстов [77, стр. 69].

При таком положении вещей весьма вероятно, что некоторые обычаи были общими у европейских и азиатских скифов. Разумеется, изучение всех такого рода связей относится к компетенции историков, археологов и этнографов.

Но мы считаем нелишним остановиться здесь на двух обычаях. Один обычай, несомненно, подлежит ведению антропологов: это обычай накладывать повязки на головы новорожденных, широко практикуемый различными туркменскими племенами. О другом обычае упоминается в «Родословной туркмен» Абулгази Богадур-хана.

В главе IV I части мы описали практикуемый некоторыми туркменскими племенами обычай накладывать повязки на головы новорожденных. Повязка накладывается таким образом, что она может вызвать искусственное удлинение мозговой коробки. Однако некоторые туркменские племена, например, гоклены долины Сумбара совсем не накладывают повязок на головы новорожденных, и тем не менее для них остается характерной ярко выраженная долихоцефалия (головной указатель—75,8). Иомуты Казанджика лишь набрасывают на головы новорожденных платок и слегка его повязывают, что не может изменить форму черепа; тем не менее, иомуты, как и другие туркменские племена, являются долихоцефалами (головной указатель—76,0). В главе IV приведен и ряд других соображений, по которым мы считаем долихоцефалию туркмен признаком расовым, т. е. врожденным. Обычай накладывать повязки на головы новорожденных вызывается стремлением туркмен подчеркнуть, усилить эту расовую черту. Чем длиннее голова, тем «чище» туркмен, тем ценнее его принадлежность «по крови» к туркменскому народу. Именно такое объяснение этому обычаю нам всегда давали туркмены. Такой обычай подчеркивать ту или иную расовую черту не является исключением; еще

Дарвин в свое время приводил относящиеся к данному вопросу факты [117, стр. 343—345]*.

Мы проводили наши исследования в районе Мары в 1929 г. 13 лет спустя, в другом районе—в Ашхабаде, текинцы объясняли М. Г. Левину этот обычай соображениями гигиенического характера, желанием предохранить голову младенца летом от жары, зимою от простуды [11]. Однако этнография знает немало обычаев, первоначальный смысл которых совершенно теряется в народной памяти. А в нашу эпоху коренной перестройки всех обычаев такая утрата «этнографической памяти» совершается очень быстро.

Во всех вышеприведенных материалах по краниологии скифо-сарматских и славянских племен искусственно деформированные черепа отсутствуют. Однако обычай искусственно деформировать черепную коробку существовал у некоторых скифо-сарматских племен. Об этом сообщается в небольшой, но очень интересной работе К. З. Яцуты [27].

Яцута сообщает, что наряду с длинноголовыми, совершенно не деформированными черепами, в южнорусских курганах найдены черепа, несомненно, искусственно деформированные, причем у части из них затылок выпячивается максимально и весь череп принимает крайне удлиненную форму, с отходящим назад лбом. Среди туркмен нам приходилось наблюдать отдельных особей, с очень резко выраженной гипердолихоцефалией, с сильно отходящими назад затылком и лбом. Такие случаи всегда наводили нас на мысль о том, что в этих случаях имеет место искусственное удлинение черепа.

Однако, по наблюдениям К. З. Яцуты, в южнорусских курганах встречаются черепа, деформированные таким образом, что наибольший продольный диаметр черепа резко укорочен и весь череп принимает «башенную форму». Возникает вопрос, какие из этих черепов принадлежат скифо-сарматам—«башенные» или, наоборот, относительно низкоголовые, гипердолихокранные. С нашей точки зрения, решающую роль в этом вопросе играют приводимые ниже сообщения Гиппократата. Судя по этим сообщениям, скифским племенам следует приписать обычай вызывать искусственную гипердолихоцефалию.

Такие черепа, наряду с долихокранными, не деформированными, находились в древних могильниках Крыма (так называемые «керченские» и «херсонские» черепа), в Донской области и на Кавказе.

Здесь следует, однако, отметить два затруднения.

Во-первых, вопрос об этнической принадлежности таких искусственно удлиненных черепов—так называемых макроцефалов Гиппократата, остается очень спорным и невыясненным. Наряду с интересующими нас сарматами авторы приписывают деформированные черепа юга России то предшественникам скифо-сарматов—киммерийцам, то позднее наслоив-

* Чарльз Дарвин, Происхождение человека и половой отбор, Изд АН СССР, М., 1953, стр. 623—625.

шимся племенам аваров, гуннов, армян и татар. Таким образом, наряду с сарматами, авторы перечисляют народы (аваров, гуннов, армян, татар), в состав которых долихоцефальная европейская раса не входила, во всяком случае, в качестве явно преобладающего компонента.

Второе затруднение, с которым приходится считаться, это находки удлиненных макроцефалических черепов далеко за пределами Скифии и Сарматии. Они были найдены на Волге—близ Самары, во многих местах Западной Европы—в Австрии, Венгрии, Швейцарии, Франции, Германии, Англии, Италии, и за пределами Европы—в Перу, Мексике и в Северной Америке. Таким образом, несомненно, что обычай вызывать искусственную гипердолихоцефалию практиковался у народов, не состоящих ни в какой связи со скифо-сарматами.

Однако для нас большое значение имеет тот факт, что хронологическую датировку «керченских» черепов авторы относят к IV—II вв. до н. э. и несколько позднее. Не менее характерна локализация этих черепов: долихокраничные макроцефалические черепа найдены как раз в местах обитания скифо-сарматских племен.

Еще важнее для нас тот факт, что Гиппократ прямо указывает, что обычай вызывать искусственно гипердолихоцефалию практиковался именно сарматами. При этом он дает такое истолкование обычая, которое не оставляет сомнений в том, что этот обычай практиковался сарматами лишь с целью подчеркнуть, усилить долихоцефалию, которая им была присуща в качестве расовой черты.

Рассказывая о народах «близ озера Меотийского», то есть в приазовских степях, Гиппократ говорит следующее:

«Я умолчу о народах, у которых отличия малозаметны, и расскажу только о тех, которые представляют важные особенности, происходящие от природы или от обычаев. Прежде всего, расскажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально причиной удлиненной формы головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, происходящему от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем. Лишь только родится ребенок, пока его кости еще мягки, не отвердевшую еще голову выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так что обычай уже не насиловал ее. В самом деле, семенная жидкость идет из всех частей тела, от здоровых частей—здоровая, а от больных—ненормальная. Следовательно, если от плешивых родителей родятся плешивые дети, от голубоглазых—голубоглазые, от косоглазых—в большинстве случаев—косоглазые, и то же самое можно сказать о других внешних особенностях, то что же ме-

шает и от длинноголового родиться длинноголовому? Впрочем теперь они уже не рождаются такими, как прежде, потому что обычай этот уже не имеет силы, вследствие сношений длинноголовых людей с другими. Таково мое мнение относительно этого явления» [62, стр. 57—58 и 46, стр. 294].

В приведенном сообщении Гиппократ ясно сказано, что обычай вызывать длинноголовость происходил от того, что народ, его практиковавший, считал «самыми благородными тех, у кого самые длинные головы». Это наводит на мысль, что речь идет о долихоцефальном народе, который стремился подчеркнуть, усилить эту черту с целью отличить себя от других народов.

Несколько ниже Гиппократ прямо указывает тот приазовский народ, которому была свойственна долихоцефалия и который, считая ее признаком «благородства», стремился подчеркнуть, усилить эту расовую черту искусственно. Непосредственно за повествованием о длинноголовых Меотиды (то есть Азовского моря) мы читаем:

«В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его Савроматы» [62, стр. 59 и 46, стр. 297].

Сопоставив все только что приведенные сообщения Гиппократ о приазовских сарматах с вышеприведенными находками длинноголовых черепов в Крыму, из которых некоторые оказались долихокранными без всяких следов деформации, а некоторые—гипердолихокранными, с явными признаками деформации, едва ли подлежит какому-либо сомнению, что речь идет о долихоцефальном народе, который подчеркивал эту расовую черту, искусственно усиливал ее путем наложения повязок (бандажей).

С этим нельзя не сопоставить стремления туркмен усилить присущую им долихоцефалию путем наложения повязок тем способом, который практикуется у исследованного нами и М. Г. Левиным племенем теке. У других племен этот обычай «редуцировался» до степени «этнографического рудимента» (иомуты) или исчез совершенно (гокланы). Тем не менее гокланам и иомутам присуща долихоцефалия.

Возможно, что в фольклоре найдутся общие легенды, например, у туркмен и осетин, свидетельствующие о тесных связях азиатских и европейских скифов. На такую мысль наводит легенда об амазонках, которая была широко распространена в различных странах. В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса, что в этой легенде «легендарного», фантастического и что является исторической правдой. Этому вопросу посвящена специальная работа Косвена [61]. Но для нас безынтересно отметить, что, судя по сообщениям Гиппократ, эта легенда была широко распространена среди скифских племен Европы и что глухие воспоминания об этой легенде, видимо, существовали у туркмен.

Гиппократ сообщает о том, что в «Европе есть народ скифский, кото-

рый населяет страну возле озера Меотийского и весьма много разнится от прочих народов: они называются савроматами. Их женщины ездят на конях, стреляют из лука и бросают копья с коня и ведут войну с врагами» [46, стр. 297].

Ростовцев в своей книге об иранстве и эллинстве на юге России [73] и Середонин в исторической географии [75] видят в том упорстве, с которым древние авторы связывают легенду об амазонках с сарматами, указание на привилегированное, правящее положение, какое занимали женщины у сарматских племен. Характерно, что греки считали сарматов «гинекратумами», т. е. народом, управляемым женщинами. Середонин высказывает догадку, что, может быть, само название «сармат» составлено из иранских слов: «сар» — царь и «мада» — девушка. Небезынтересно отметить, что отголоски о «гинекратии» мы находим в «Родословной туркмен» Абулгази-хана, написанной в XVII в.

Свою родословную Абулгази заканчивает главой, которая не стоит в связи со всем остальным рассказом, а приведена как бы для полноты известных ему сведений. Она озаглавлена так: «Девушки, которые были беками у Огузова племени».

«Хорошо знающие историю старики и бахши, — пишет Абулгази, — рассказывают, что семь девушек, подчинив себе все огузово племя, много лет были беками» [28, стр. 73].

Далее следует перечисление имен семи женщин-правительниц. Этим Абулгази заканчивает свою рукопись.

При сопоставлении «гинекратии» у сарматов, сообщаемой античными авторами, с приведенным сообщением Абулгази, невольно возникает мысль, нельзя ли считать указание Абулгази на правящую роль женщин далеким воспоминанием о той власти, какой пользовались женщины у сарматов.

Возможно, что историки и этнографы в дальнейшем найдут немало аналогичных параллелей.

* * *

Видимо, те или иные догадки о происхождении туркмен от скифских (сакских) племен имеют уже полувековую давность. В. В. Бартольд отмечает, что еще в 90-х годах прошлого столетия синолог Хирт высказывал предположение, что туркмены являются потомками покоренных гуннами алан и в связи с этим «высказывал мнение, что установление этого факта будет способствовать выяснению генеалогии туркменского народа» [38, стр. 7].

Тогда же, в 90-х годах прошлого столетия, Аристов в своих, ставших классическими «Заметках об этническом составе тюркских племен» «выражал мнение, что длинноголовость туркмен можно объяснить примесью к ним кочевых длинноголовых иранских племен» [38, стр. 7].

Как мы видели, той же точки зрения на туркмен, как на «прямых потомков» алан, ныне придерживается С. П. Толстов [77, стр. 70].

А. Н. Бернштам, ссылаясь на данные антропологии, считает «массагето-аланские племена далекими предками туркменского народа». Позднее они были тюркизованы гунно-огузскими племенами и вошли в их состав [43, стр. 200]. Теорию скифского происхождения туркмен, основанную на данных антропологии, полностью поддерживает наиболее компетентный исследователь истории туркменского народа А. Ю. Якубовский [78 и 79, стр. 3—5 и 11]. По мнению К. В. Тревер, наиболее многочисленному скифскому племени массагетам «суждено было стать одними из самых далеких предков современных туркмен» [53, стр. 46].

Следует отметить, что в трудах историков, в том числе и в трудах В. В. Бартольда, под именем «кочевых иранских племен» фигурировали не «закаспийские скифы», а дотюркское население Дешти-Кипчака, то есть степей к северу от Сыр-Дарьи, которое было известно китайцам под именем народов се, юечжей и усуней.

В связи с этим я думал предпринять поиски истока туркменской долихоцефалии среди этих народов, соседящих в лице усуней, с прародиной огузова племени, помещавшейся, согласно Абулгази, на Иссык-куле. Был «соблазн» приписать группе народов се, юечжей и усуней не только белокурость, но и долихоцефалию.

Однако устно высказанное мнение покойного моего учителя Н. Г. Маллицкого о широком распространении скифов в Закаспийских степях побудило меня искать источник туркменской долихоцефалии и общей европеоидности их типа, не среди пришлого «огузова племени», а среди местного, аутохтонного населения, предшествовавшего гузам в Закаспии.

Выше неоднократно отмечалось, что одним из основных вопросов этногенеза является вопрос о том, какая часть населения явно преобладает в составе того или иного народа—местная, аутохтонная, или пришедшая из других стран. Вопрос этот решается антропологическими исследованиями.

Антропологические исследования показали, что в составе туркмен явно преобладает местная, аутохтонная долихоцефальная раса, выделяемая нами под названием «закаспийские расы». Эта же раса входила в состав древнего ираноязычного населения Закаспия, известного под общим именем сакских или скифских племен.

С антропологической точки зрения туркмены являются прямыми потомками этих азиатских скифов. Лишь в дальнейшем они были тюркизованы по языку и монголизированы по типу последующими наслоениями двигавшихся с северо-востока туркоязычных монголоидных племен.

Такая точка зрения, как мы видели, ныне вполне разделяется советскими историками. Эту точку зрения разделяют и советские антропологи (А. И. Ярхо, В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский).

Мы полагаем, что в свете всех вышеприведенных антропологических исследований и сопоставления их с результатами исследований историков, археологов, этнографов и лингвистов гипотеза скифского происхождения туркмен, впервые высказанная нами еще 30 лет тому назад, ныне все более и более приобретает характер разносторонне обоснованной теории.

ТАБЛИЦЫ

Качественные признаки
Цвет глаз по шкале Мартина
(NN 1—5—темные, 6—10—смешанные, 11—16—светлые)

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I		II		III		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1950	1,16	87	85,29	13	12,75	2	1,96	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	1,11	91	90,20	8	7,90	2	1,90	101
"	Нижний Ягноб	"	1,03	58	96,67	2	3,33	—	—	60
"	Средний Ягноб	"	1,09	46	90,20	5	9,80	—	—	51
Ягнобцы	"	"	1,23	80	77,68	22	21,53	1	0,97	103

Таблица 2.

Цвет волос (головы) по шкале Фишера

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	4 черно- каштан- овые		6 кашта- новые		27 черные		N
			р	%	р	%	р	%	
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	26	36,62	1	1,41	44	61,97	71
"	Нижний Ягноб	"	15	40,54	—	—	22	59,46	37
"	Средний Ягноб	"	27	58,70	—	—	19	41,30	46
Ягнобцы	"	"	32	42,11	—	—	44	57,89	76

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы.

Таблица 23

Качественные признаки

Цвет волос бороды по шкале Фишера

Народы	Местности	Исследователи и год исследования	4 черно-каштановые		5 каштановые		6 каштановые		7 каштановые		8 темно-белокучерые		9 светло-белокучерые		27 черные		N
			р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	16	29,09	—	—	1	1,82	—	—	2	3,64	—	—	36	65,45	55
.	Нижний Ягноб	.	12	27,90	—	—	—	—	1	2,83	—	—	—	—	30	69,77	43
.	Средний Ягноб	.	14	29,17	1	1,08	2	4,17	—	—	2	4,17	1	2,08	28	58,33	48
Ягнобцы	.	.	21	27,85	—	—	1	1,26	1	1,26	2	2,58	1	1,26	52	65,84	79

Развитие бороды у особей старше 25 лет

Таблица 24

Народы	Местности	Исследователи и год исследования	M	I очень скудное		II скудное		III среднее		IV обильное		V очень обильное		N
				р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,69	2	2,90	26	36,80	34	50,10	6	8,80	1	1,40	68
.	Нижний Ягноб	.	2,78	1	2,43	8	19,35	31	75,62	1	2,43	—	—	41
.	Средний Ягноб	.	3,04	—	—	5	10,70	36	76,50	5	10,70	1	2,10	47
Ягнобцы	.	.	3,16	—	—	7	8,33	62	73,81	9	10,72	6	7,14	84

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы.
Качественные признаки

Таблица 25

Наклон лба

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I сильно наклон- ный		II сред- не на- клонный		III прямой		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,27	1	0,99	72	71,29	28	27,72	101
.	Нижний Ягноб	.	2,32	1	1,71	87	63,80	20	31,49	58
.	Средний Ягноб	.	2,43	1	1,96	27	52,94	28	45,10	51
Ягнобцы	.	.	2,45	1	0,97	54	52,43	48	46,80	103

Таблица 26

Развитие лобных бугров

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I отсут- ствуют		II намеча- ются		III явно выражены		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	1,94	24	23,76	59	58,42	18	17,82	101
.	Нижний Ягноб	.	2,05	9	15,00	39	65,00	12	20,00	60
.	Средний Ягноб	.	1,76	16	31,37	31	60,79	4	7,84	51
Ягнобцы	.	.	2,09	21	20,38	51	49,52	31	30,10	103

Таблица 27

Развитие надбровья

Народы	Местности	Исследова- тели и год иссле- дования	I отсутст- вует		II слабое		III среднее		IV сильное		N
			р	%	р	%	р	%	р	%	
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	14	13,86	51	50,50	22	21,78	14	13,86	101
.	Нижний Ягноб	.	20	33,34	32	53,34	7	11,66	1	1,66	60
.	Средний Ягноб	.	11	21,57	20	39,22	17	33,33	3	5,88	51
Ягнобцы	.	.	32	31,07	56	54,37	13	12,82	2	1,94	103

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы.

Качественные признаки

Таблица 28

Горизонтальный профиль лица

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I плоский		II средний		III суженный		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	2,11	7	6,90	77	76,30	18	16,80	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	1,97	6	5,90	90	91,20	3	2,90	99
"	Нижний Ягноб	"	1,91	5	8,62	53	91,38	—	—	53
"	Средний Ягноб	"	2,00	1	1,90	49	96,20	1	1,90	51
Ягнобцы	"	"	2,03	2	1,96	94	92,16	6	5,88	102

Таблица 29

Высота переносья

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I низкое		II среднее		III высокое		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	2,15	1	0,90	85	83,40	16	16,70	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,24	3	2,90	70	69,40	28	27,70	101
"	Нижний Ягноб	"	2,20	1	1,66	46	76,67	13	21,67	60
"	Средний Ягноб	"	2,33	—	—	34	66,70	17	33,30	51
Ягнобцы	"	"	2,56	—	—	45	43,68	58	56,32	103

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы
Качественные признаки

Таблица 30

Высота крыльев носа

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I низкие		II средние		III высокие		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	2,18	2	1,90	80	78,40	20	19,70	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,25	3	2,90	69	68,40	29	28,70	101
"	Нижний Ягноб	"	2,25	1	1,66	43	71,67	16	26,67	60
"	Средний Ягноб	"	2,50	1	1,90	23	45,52	27	52,90	51
Ягнобцы	"	"	2,54	—	—	47	45,63	56	54,37	103

Таблица 31

Поперечный профиль спинки носа

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I плоский		II средний		III выдающийся		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,21	3	2,90	73	72,40	25	24,70	101
"	Нижний Ягноб	"	2,20	1	1,66	46	76,67	13	21,67	60
"	Средний Ягноб	"	2,27	—	—	37	72,50	14	27,50	51
Ягнобцы	"	"	2,55	—	—	46	44,66	57	55,34	103

Таблица 32

Общий профиль спинки носа

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I вогнутый		II прямой и извилистый		III выпук- лый		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	2,23	4	3,90	70	68,60	28	27,50	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,03	6	6,10	39	79,80	14	14,10	99
"	Нижний Ягноб	"	2,08	3	5,26	44	80,71	8	14,03	55
"	Средний Ягноб	"	2,11	1	1,90	43	84,40	7	13,70	51
Ягнобцы	"	"	2,25	7	6,86	62	60,79	33	32,35	102

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы.
Качественные признаки

Таблица 33

Направление кончика носа

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I поднятое		II горизон- тальное		III опущен- ное		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	2,22	7	6,80	65	63,80	30	29,40	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,14	7	6,93	73	72,28	21	20,79	101
"	Нижний Ягноб	"	2,20	2	3,33	44	73,34	14	23,33	60
"	Средний Ягноб	"	2,33	—	—	34	66,67	17	33,33	51
Ягнобцы	"	"	2,36	1	0,97	63	61,17	39	37,86	103

Таблица 34

Положение основания носа

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I поднятое		II горизон- тальное		III опущенное		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	2,25	5	4,90	66	64,70	31	30,40	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,13	7	6,93	74	73,27	20	19,18	101
"	Нижний Ягноб	"	2,18	2	3,33	45	75,00	13	21,67	60
"	Средний Ягноб	"	2,22	1	1,96	38	74,51	12	23,53	51
Ягнобцы	"	"	2,33	1	0,97	67	65,05	35	33,98	103

Таблица 35

Направление осей носовых отверстий

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I попереч- ное		II косое		III сагитталь- ное		N
				р	%	р	%	р	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	2,23	10	9,90	58	56,80	34	33,30	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,18	3	2,97	76	75,25	22	21,78	101
"	Нижний Ягноб	"	2,33	—	—	40	66,67	20	33,33	60
Ягнобцы	Средний Ягноб	"	2,11	—	—	91	88,35	12	11,65	103

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы
Качественные признаки

Таблица 36

Положение стенок носа

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I сагит- тальное		II среднее		III уплощен- ное		N
				р	‰	р	‰	р	‰	
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	1,97	3	2,90	98	97,10	—	—	101
"	Нижний Ягноб	"	1,96	3	5,00	56	93,34	1	1,16	60
"	Средний Ягноб	"	2,00	1	2,00	47	96,00	1	2,00	49
Ягнобцы	"	"	1,84	16	15,53	87	84,47	—	—	103

Таблица 37

Положение глазного яблока

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I глубокое		II среднее		III выпуклое		N
				р	‰	р	‰	р	‰	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	1,74	38	36,20	53	52,80	11	10,90	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, ~1936	1,87	13	12,87	88	87,13	—	—	101
"	Нижний Ягноб	"	1,95	12	20,00	45	75,00	3	5,00	60
"	Средний Ягноб	"	1,71	15	29,41	36	70,59	—	—	51
Ягнобцы	"	"	1,69	31	30,09	72	69,91	—	—	103

Таблица 38

Ширина глазной щели

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	М	I узкая		II средняя		III широкая		N
				р	‰	р	‰	р	‰	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	2,14	7	6,80	74	72,50	21	20,70	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	2,00	7	6,93	87	86,14	7	6,93	101
"	Нижний Ягноб	"	2,18	1	1,66	47	78,34	12	20,00	60
"	Средний Ягноб	"	2,14	—	—	44	86,27	7	13,73	51
Ягнобцы	"	"	2,14	1	0,97	86	83,50	16	15,53	103

Таблица 39

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы
 Качественные признаки
 Эпикантус и складка верхнего века

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	Наличие эпикан- туса	Простая складка верхнего века								N
				0		1		II		III		
				p	%	p	%	p	%	p	%	
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	0,0	68	66,60	15	14,50	13	12,20	6	5,70	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	0,0	47	46,53	13	12,87	21	20,79	20	19,81	101
"	Нижний Ягноб	"	0,0	33	61,67	7	11,66	10	16,67	6	10,00	60
"	Средний Ягноб	"	0,0	33	64,71	3	5,88	9	17,65	6	11,76	51
Ягнобцы	"	"	0,0	76	67,97	4	3,88	19	18,45	10	9,70	1

Таблица 40

Количественные признаки
 Головной указатель

Народы	Местности	Исследова- тели и год следования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$85,79 \pm 0,30$	$3,08 \pm 0,21$	$3,50 \pm 0,25$	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$86,79 \pm 0,37$	$3,76 \pm 0,26$	$4,31 \pm 0,26$	101
"	Нижний Ягноб	"	$84,99 \pm 0,52$	$4,06 \pm 0,37$	$4,78 \pm 0,44$	60
"	Средний Ягноб	"	$85,94 \pm 0,50$	$3,57 \pm 0,85$	$4,15 \pm 0,41$	51
Ягнобцы	"	"	$83,01 \pm 0,38$	$3,86 \pm 0,27$	$4,65 \pm 0,32$	103

Таблица 41

Продольный диаметр головы

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$180,32 \pm 0,66$	$6,69 \pm 0,38$	$3,70 \pm 0,26$	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$180,42 \pm 0,57$	$5,70 \pm 0,40$	$3,16 \pm 0,22$	101
"	Нижний Ягноб	"	$180,15 \pm 0,73$	$5,67 \pm 0,52$	$3,15 \pm 0,29$	60
"	Средний Ягноб	"	$181,88 \pm 0,68$	$4,88 \pm 0,48$	$2,68 \pm 0,27$	51
Ягнобцы	"	"	$183,28 \pm 0,59$	$6,02 \pm 0,42$	$3,28 \pm 0,23$	103

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы
Количественные признаки

Таблица 42

Поперечный диаметр головы

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$155,93 \pm 0,48$	$4,92 \pm 0,34$	$3,10 \pm 0,21$	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$155,97 \pm 0,59$	$5,92 \pm 0,42$	$3,80 \pm 0,27$	101
"	Нижний Ягноб	"	$152,97 \pm 0,78$	$5,64 \pm 0,52$	$3,69 \pm 0,34$	60
"	Средний Ягноб	"	$156,25 \pm 0,78$	$4,69 \pm 0,55$	$3,54 \pm 0,35$	51
Ягнобцы	"	"	$152,00 \pm 0,56$	$5,72 \pm 0,40$	$3,76 \pm 0,26$	103

Таблица 43

Указатель лица морфологический

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$86,12 \pm 0,52$	$5,30 \pm 0,37$	$6,10 \pm 0,43$	100
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$86,43 \pm 0,37$	$3,74 \pm 0,428$	$4,33 \pm 0,30$	101
"	Нижний Ягноб	"	$86,67 \pm 0,66$	$5,08 \pm 0,47$	$5,86 \pm 0,54$	60
"	Средний Ягноб	"	$87,74 \pm 0,47$	$3,36 \pm 0,33$	$3,83 \pm 0,38$	51
Ягнобцы	"	"	$88,59 \pm 0,40$	$4,27 \pm 0,28$	$4,82 \pm 0,30$	103

Таблица 44

Высота лица морфологическая
(нос. точка от нижнего края бровей)

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$121,41 \pm 0,66$	$6,68 \pm 0,46$	$5,50 \pm 0,39$	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$121,79 \pm 0,51$	$5,09 \pm 0,56$	$4,18 \pm 0,30$	101
"	Нижний Ягноб	"	$121,63 \pm 0,85$	$6,56 \pm 0,60$	$5,39 \pm 0,49$	60
"	Средний Ягноб	"	$124,73 \pm 0,60$	$4,30 \pm 0,43$	$3,45 \pm 0,34$	51
Ягнобцы	"	"	$123,75 \pm 0,58$	$5,89 \pm 0,40$	$4,76 \pm 0,33$	103

Таблица 45

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы
Количественные признаки
Скуловой диаметр

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$140,40 \pm 0,55$	$5,62 \pm 0,32$	$4,00 \pm 0,28$	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$140,42 \pm 0,45$	$4,57 \pm 0,32$	$3,25 \pm 0,23$	101
"	Нижний Ягноб	"	$140,47 \pm 0,51$	$3,97 \pm 0,36$	$2,83 \pm 0,25$	60
"	Средний Ягноб	"	$142,27 \pm 0,69$	$4,95 \pm 0,49$	$3,48 \pm 0,35$	51
Ягнобцы	"	"	$139,70 \pm 0,44$	$4,51 \pm 0,36$	$3,22 \pm 0,22$	103

Таблица 46

Носовой указатель

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$70,50 \pm 0,77$	$7,66 \pm 0,54$	$10,90 \pm 0,78$	100
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$70,74 \pm 0,83$	$8,32 \pm 0,59$	$11,76 \pm 0,84$	101
"	Нижний Ягноб	"	$66,25 \pm 0,76$	$5,87 \pm 0,53$	$8,86 \pm 0,21$	60
"	Средний Ягноб	"	$69,35 \pm 0,71$	$5,07 \pm 0,50$	$7,31 \pm 0,73$	51
Ягнобцы	"	"	$66,85 \pm 0,74$	$7,48 \pm 0,52$	$11,19 \pm 0,75$	103

Таблица 47

Длина носа
(нос. точка по нижнему краю бровей)

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследова- ния	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$50,22 \pm 0,39$	$4,02 \pm 0,21$	$8,00 \pm 0,56$	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$50,18 \pm 0,30$	$3,52 \pm 0,20$	$7,27 \pm 0,51$	101
"	Нижний Ягноб	"	$51,68 \pm 0,36$	$2,81 \pm 0,26$	$5,44 \pm 0,50$	60
"	Средний Ягноб	"	$52,08 \pm 0,40$	$2,85 \pm 0,28$	$5,47 \pm 0,54$	51
Ягнобцы	"	"	$51,83 \pm 0,38$	$3,41 \pm 0,24$	$6,68 \pm 0,46$	103

Таблица 48

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы
Количественные признаки
Ширина носа

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследо- вания	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Таджики	Матча в. Зеравшан	Ясевич, 1930	$36,20 \pm 0,34$	$3,03 \pm 0,17$	$8,50 \pm 0,60$	102
"	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$34,82 \pm 0,25$	$2,50 \pm 0,18$	$7,18 \pm 0,51$	101
"	Нижний Ягноб	"	$34,15 \pm 0,33$	$2,57 \pm 0,23$	$7,52 \pm 0,69$	60
"	Средний Ягноб	"	$36,06 \pm 0,36$	$2,54 \pm 0,26$	$7,04 \pm 0,70$	51
Ягнобцы	"	"	$34,48 \pm 0,28$	$2,87 \pm 0,25$	$8,32 \pm 0,59$	103

Таблица 49

Наименьший лобный диаметр

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследо- вания	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$106,63 \pm 0,43$	$4,84 \pm 0,30$	$4,07 \pm 0,29$	100
"	Нижний Ягноб	"	$106,36 \pm 0,68$	$5,20 \pm 0,48$	$4,89 \pm 0,45$	59
"	Средний Ягноб	"	$109,37 \pm 0,69$	$4,96 \pm 0,49$	$4,54 \pm 0,45$	51
Ягнобцы	"	"	$106,84 \pm 0,50$	$4,99 \pm 0,35$	$4,69 \pm 0,33$	101

Таблица 50

Таджики верхнего Зеравшана, Ягноб-Дарьи и ягнобцы
Количественные признаки
Нижнечелюстной диаметр

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследо- вания	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$106,94 \pm 0,55$	$5,55 \pm 0,39$	$5,19 \pm 0,37$	101
"	Нижний Ягноб	"	$108,52 \pm 0,48$	$5,57 \pm 0,51$	$5,13 \pm 0,47$	60
"	Средний Ягноб	"	$108,71 \pm 0,68$	$4,82 \pm 0,49$	$4,43 \pm 0,44$	51
Ягнобцы	"	"	$107,16 \pm 0,47$	$4,74 \pm 0,33$	$4,42 \pm 0,33$	103

Таблица 51

Длина тела

Народы	Местности	Исследова- тели и год исследо- вания	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Таджики	Захматабад в. Зеравшан	Ошанин, 1936	$164,78 \pm 0,61$	$6,13 \pm 0,43$	$3,72 \pm 0,25$	101
"	Нижний Ягноб	"	$163,58 \pm 0,59$	$4,54 \pm 0,42$	$2,78 \pm 0,25$	60
"	Средний Ягноб	"	$166,46 \pm 0,77$	$5,48 \pm 0,55$	$3,29 \pm 0,33$	51
Ягнобцы	"	"	$163,80 \pm 0,63$	$6,45 \pm 0,45$	$3,94 \pm 0,27$	103

Иранские племена Западного Памира
(Шугманы N 231; рушанцы N 42; бартангцы N 13; ваханцы N 52; ишкашимцы N 7; горанцы N 3)

Качественные признаки
Наблюдения Л. В. Ошанина, 1935 г.

Развитие бороды от 25 лет	M	I		II		III		IV		V		N
		p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	
	3,67	—	—	6	3,03	10	54,32	73	37,06	11	5,59	197
Признаки	M	I		II		III		IV		V		N
		p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	
Цвет глаз по Мартину												
I N 1—5 темные	1,15	295	86,03	47	13,32	2	0,60					344
II N 6—10 смешанные												
III N 11—16 светлые												
Наклон лба												
I сильный	2,20	17	4,97	240	70,18	85	24,85					342
II средний												
III прямой												
Лобные бугры												
I отсутствуют	1,19	63	18,10	227	65,23	58	16,67					348
II намечаются												
III явно выражены												
Надбровья												
I Очень слабые												
II слабые	2,09	87	25,0	166	47,70	73	20,98					348
III средние												
IV сильные												
Вертикальный профиль лица												
I прямой	1,38	252	66,67	99	28,45	17	4,88					348
II слабо выступ.												
III средне выступ.												
Горизонт. проф. лица												
I плоский	2,10	4	1,15	291	83,33	54	15,52					348
II средний												
III суженный												
Высота переносья												
I низкое	2,62	—	—	133	38,22	215	61,78					348
II среднее												
III высокое												
Высота крыльев носа												
I низкие	2,59	1	0,29	140	40,23	207	59,48					348
II средние												
III. высокие												

Иранские племена Западного Памира
Качественные признаки

Признаки	M	I		II		III		N
		р	%	р	%	р	%	
Поперечный профиль спинки носа								
I плоский	2,71	—	—	100	28,74	248	71,26	348
II средний								
III выдающийся								
Общий профиль спинки носа								
I вогнутый	2,20	30	8,62	217	62,38	101	29,00	348
II прямой и извилистый								
III выпуклый								
Основание носа								
I поднятое	2,17	18	5,17	252	72,42	78	22,41	348
II горизонтальное								
III опущенное								
Положение носовых отверстий								
I поперечное	2,30	—	—	213	69,83	105	30,17	348
II косое								
III сагиттальное								
Толщина губ								
I тонкие	1,53	104	29,89	204	58,62	40	11,49	348
II средние								
III толстые								
Высота верхней губы								
I низкая		120	34,48	216	62,07	12	3,45	348
II средняя								
III высокая								
Профиль верхней губы								
I прохейлия	1,28	258	74,14	83	23,85	7	2,01	348
II ортохейлия								
III опистохейлия								
Ширина глазной щели								
I узкая	2,34	2	0,57	224	64,37	122	35,06	348
II средняя								
III широкая								
Положение глазного яблока								
I глубокое	1,66	122	35,06	224	64,37	2	0,57	348
II среднее								
III выпуклое								
Наличие эпикантуса	0							348

Иранские племена Западного Памира
Количественные признаки наиболее многочисленных племен
Измерения Л. В. Ошанина, 1935 г.

Признаки	Племена	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Головной указатель	Шугнанцы	$84,25 \pm 0,25$	$3,94 \pm 0,17$	$4,67 \pm 0,21$	231
	Рушанцы	$84,47 \pm 1,00$	$6,48 \pm 0,71$	$7,55 \pm 0,83$	42
	Ваханцы	$85,46 \pm 0,51$	$3,72 \pm 0,36$	$4,25 \pm 0,42$	52
Продольный диаметр головы	Шугнанцы	$183 \pm 0,41$	$6,37 \pm 0,29$	$3,48 \pm 0,16$	231
	Рушанцы	$185 \pm 0,97$	$6,38 \pm 0,69$	$3,45 \pm 0,38$	42
	Ваханцы	$180 \pm 0,77$	$5,56 \pm 0,51$	$3,09 \pm 0,30$	52
Поперечный диаметр головы	Шугнанцы	$154 \pm 0,36$	$5,48 \pm 0,25$	$3,55 \pm 0,16$	231
	Рушанцы	$154 \pm 0,97$	$6,39 \pm 0,68$	$4,08 \pm 0,45$	42
	Ваханцы	$153 \pm 0,64$	$4,62 \pm 0,45$	$3,01 \pm 0,29$	52
Указатель лица морфологический	Шугнанцы	$87,79 \pm 0,33$	$5,09 \pm 0,23$	$5,79 \pm 0,26$	230
	Рушанцы	$87,22 \pm 0,71$	$4,58 \pm 0,50$	$5,24 \pm 0,57$	42
	Ваханцы	$87,69 \pm 0,71$	$5,82 \pm 0,50$	$5,84 \pm 0,57$	52
Высота лица морфологическая	Шугнанцы	$123,6 \pm 0,46$	$7,03 \pm 0,32$	$5,65 \pm 0,26$	231
	Рушанцы	$121,7 \pm 1,07$	$6,91 \pm 0,76$	$5,68 \pm 0,62$	42
	Ваханцы	$121,8 \pm 1,05$	$7,56 \pm 0,74$	$6,20 \pm 0,61$	52
Скуловой диаметр	Шугнанцы	$140,7 \pm 0,31$	$4,72 \pm 0,22$	$3,35 \pm 0,15$	230
	Рушанцы	$139,9 \pm 0,69$	$4,71 \pm 0,48$	$3,22 \pm 0,35$	42
	Ваханцы	$138,8 \pm 0,55$	$4,00 \pm 0,39$	$2,88 \pm 0,28$	52

Иранские племена Западного Памира
Количественные признаки наиболее многочисленных племен
Измерения Л. В. Ошанина, 1935 г.

Признаки	Племена	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Наименьший лобный диаметр	Шугнанцы	$106,8 \pm 0,30$	$4,64 \pm 0,22$	$4,34 \pm 0,20$	219
	Рушанцы	$105,7 \pm 0,63$	$4,01 \pm 0,44$	$3,79 \pm 0,56$	41
	Ваханцы	$107,2 \pm 0,56$	$3,97 \pm 0,40$	$3,79 \pm 0,37$	51
Нижнечелюстной диаметр	Шугнанцы	$106,9 \pm 0,34$	$5,22 \pm 0,24$	$4,88 \pm 0,25$	229
	Рушанцы	$106,7 \pm 0,81$	$5,24 \pm 0,34$	$4,92 \pm 0,54$	42
	Ваханцы	$105,8 \pm 0,72$	$5,21 \pm 0,51$	$4,92 \pm 0,48$	52
Длина носа (от нижнего края бровей)	Шугнанцы	$52,10 \pm 0,21$	$3,33 \pm 0,21$	$6,20 \pm 0,28$	231
	Рушанцы	$51,50 \pm 0,46$	$3,04 \pm 0,33$	$5,91 \pm 0,64$	42
	Ваханцы	$52,10 \pm 0,59$	$4,23 \pm 0,42$	$8,10 \pm 0,80$	52
Ширина носа	Шугнанцы	$34,60 \pm 0,17$	$2,66 \pm 0,12$	$7,74 \pm 0,35$	231
	Рушанцы	$34,20 \pm 0,33$	$2,16 \pm 0,23$	$6,34 \pm 0,69$	42
	Ваханцы	$34,30 \pm 0,35$	$2,55 \pm 0,25$	$7,42 \pm 0,73$	52
Носовой указатель	Шугнанцы	$66,00 \pm 0,45$	$6,86 \pm 0,32$	$10,38 \pm 0,48$	231
	Рушанцы	$66,70 \pm 0,98$	$6,34 \pm 0,69$	$9,55 \pm 1,05$	42
	Ваханцы	$66,20 \pm 1,00$	$7,20 \pm 0,71$	$10,87 \pm 1,09$	52
Длина тела	Шугнанцы	$167,72 \pm 0,41$	$6,29 \pm 0,29$		231
	Рушанцы	$166,41 \pm 0,59$	$3,85 \pm 0,42$	$2,31 \pm 0,25$	42
	Ваханцы	$164,08 \pm 0,79$	$5,68 \pm 0,56$	$3,46 \pm 0,34$	52

Таджики Каратегина и Дарваза
Качественные признаки
Цвет глаз по шкале Мартина

Местности	Исследователи	Год	М	I 1—5—темные		II 6—10—смешанные		III 11—16—светлые		N
				р	%	р	%	р	%	
Каратегин	Богоявленский	1903	1,12(?)	32	94,12	—	—	2	5,88	34
"	Ошанин	1925	1,40	262	60,50	167	38,60	4	0,90	433
"	Ясевич	1930	1,36	494	71,30	149	25,50	50	7,20	693
"	Гинзбург	1931	1,17(?)	142	84,52	23	13,69	3	1,79	163
Дар- ваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	34	75,76	5	11,11	6	13,33	45
"	Долина Пянджа	"	1,18	71	83,53	2	2,35	12	14,12	85
"	Долина Ванча	"	1,38	32	76,19	4	9,52	6	14,29	42
"	Центральн. и восточн.	Гинзбург	1931	105	77,21	23	16,91	8	5,88	136
"	Юго-западный	"	1,35	115	70,55	39	23,92	9	5,52	163

Таблица 56

Таджики Каратегина и Дарваза
 Качественные признаки
 Развитие бороды у особей старше 25 лет

Местности	Исследо- ватели	Год	М	I очень слабое		II слабое		III среднее		IV сильное		V очень сильное		N
				р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	
Каратегин	Ошанин	1925	3,01	37	8,85	92	22,01	135	32,30	138	33,01	16	3,83	418
•	Ясевич	1930	3,83?	12	8,00	9	6,00	30	20,00	42	28,00	57	38,00	150
•	Гинзбург	1931	2,96	15	10,64	27	19,14	50	35,46	46	32,63	3	2,13	141
дарваз центральный и восточный	•	•	3,42?	7	5,43	15	11,63	36	27,91	59	45,74	12	9,30	129
• юго-западный	•	•	3,52?	5	3,18	21	13,38	37	23,57	73	46,50	21	13,38	157

Таблица 57

Таджики Каратегина и Дарваза
Качественные признаки
Горизонтальный профиль лица

Местности	Исследо- ватели	Год	М	I		II		III		N
				плоский		средний		суженный		
				р	%	р	%	р	%	
Каратегин	Ясевич	1930	2,09	15	10,00	106	70,30	29	19,70	150
"	Гинзбург	1931	2,24	17	9,97	96	56,14	58	33,92	171
Дарваз центральный и восточный	"	"	2,53	7	5,43	46	35,66	76	58,91	129
Дарваз юго-западный	"	"	2,23	13	8,18	89	55,97	57	35,85	159

Таблица 58

Высота переносья

Местности	Исследо- ватели	Год	М	I		II		III		N
				низкое		среднее		высокое		
				р	%	р	%	р	%	
Каратегин	Ошанин	1925	2,18	18	4,16	315	72,75	100	23,09	433
•	Ясевич	1930	2,16	2	1,30	12	81,40	26	17,30	150
•	Гинзбург	1931	2,44	4	2,34	87	50,87	80	46,78	171
Дарваз центральный и восточный	•	•	2,26	3	2,27	91	68,94	38	28,79	132
Дарваз юго-западный	•	•	2,46	4	2,52	78	49,06	77	48,43	159

Таблица 59

Таджики Каратегина и Дарваза
Качественные признаки
Высота крыльев носа

Местности	Исследо- ватели	Год	М	I низкие		II средние		III высокие		N
				р	%	р	%	р	%	
Каратегин	Ошанин	1925	1,80	53	23,77	165	74,10	5	2,24	223
"	Ясевич	1930	2,23	6	4,00	103	68,70	41	27,80	150
"	Гинзбург	1931	1,53	83	48,53	83	48,53	83	50,29	171
Дарваз центральный и восточный	"	"	2,04	38	28,79	62	46,97	32	24,25	132
Дарваз юго-западный	"	"	1,89	64	40,26	48	30,19	47	29,56	159

Таблица 60

Общий профиль спинки носа

Местности		Исследо- ватели	Год	М	I		II		III		N
					вогнутый		прямой и извилис- тый		выпук- лый		
					р	%	р	%	р	%	
Каратегин		Богоявлен- ский	1903	2,16	—	—	20	83,33	4	16,67	24
•		Ошанин	1925	2,06	33	7,62	340	78,52	60	13,86	433
•		Ясевич	1930	2,29	10	6,60	88	58,70	52	34,70	150
•		Гинзбург	1931	2,19	11	6,43	116	67,84	44	25,73	171
Дар- ваз	Долина Хингоу	Богоявлен- ский	1903	2,26	—	—	17	73,90	6	26,10	23
•	Долина Пянджа	•	•	2,26	—	—	42	73,68	15	26,32	57
•	Долина Ванча	•	•	2,42	—	—	7	58,33	5	41,67	12
•	центральный и восточный	Гинзбург	1931	2,02	25	18,94	80	60,61	27	20,45	132
•	юго-западный	•	•	2,15	17	10,68	102	64,16	40	25,16	159

Таджики Каратегина и Дарваза
Качественные признаки
Эпикантус и простая складка века

Таблица 61

Местности	Исследо- ватели	Год	Наличие эпикан- туса в %	Простая складка верхнего века								N	
				М	О		I		II		III		
					р	%	р	%	р	%	р	%	
Каратегин	Ошанин	1925	0,16	1,0	136	31,41	44	10,16	12	28,17	123	28,41	425
"	Ясевич	1930	0,00	0,34	120	80,00	15	10,00	9	6,00	6	4,0	150
"	Гинзбург	1931	5,26	1,00	76	44,45	35	20,46	44	25,73	16	9,36	171
Дарваз центральный и восточный	"	"	2,28	0,87	55	41,67	47	35,60	22	16,67	8	6,03	132
Дарваз юго-западный	"	"	3,14	1,52	36	22,64	38	23,90	51	32,08	34	21,39	159

Ширина глазной щели

Таблица 62

Местности	Исследо- ватели	Год	М	I узкая		II средняя		III широкая		N
				р	%	р	%	р	%	
Каратегин	Ошанин	1925	2,08	29	6,70	346	79,91	58	13,39	433
•	Ясевич	1930	2,18	4	2,70	115	76,70	31	20,60	150
•	Гинзбург	1931	1,68	71	41,52	84	49,12	16	9,36	171
Дарваз центральный и восточный	•	•	2,06	32	24,25	60	45,45	40	30,30	132
Дарваз юго-западный	•	•	2,33	14	8,81	79	49,69	66	44,51	159

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Головной указатель

Таблица 63

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$84,36 \pm 0,67$	$4,83 \pm 0,48$	$5,13 \pm 0,56$	42
•		Ошанин	1925	$82,77 \pm 0,21$	$4,81 \pm 0,15$	$5,21 \pm 0,18$	433
•		Ясевич	1930	$82,82 \pm 0,38$	$4,70 \pm 0,27$	$5,70 \pm 0,33$	150
•		Гинзбург	1931	$83,51 \pm 0,33$	$4,81 \pm 0,23$	$5,16 \pm 0,28$	174
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1930	$82,67 \pm 0,57$	$3,84 \pm 0,40$	$4,64 \pm 0,49$	46
	• Долина Пянджа	•	•	$80,64 \pm 0,47$	$4,43 \pm 0,31$	$5,49 \pm 0,42$	88
	• Долина Ванча	•	•	$81,37 \pm 0,75$	$4,91 \pm 0,53$	$6,07 \pm 0,66$	43
	• Юго-западный	Гинзбург	1931	$83,95 \pm 0,33$	$4,50 \pm 0,23$	$5,36 \pm 0,43$	184
	• Центральный и восточный	•	•	$82,01 \pm 0,33$	$4,00 \pm 0,23$	$4,84 \pm 0,28$	150

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Указатель лица морфологический

Таблица 64

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$94,02 \pm 1,18$	$7,57 \pm 0,84$	$8,05 \pm 0,89$	41
•		Ошанин	1925	$87,78 \pm 0,22$	$4,65 \pm 0,16$	$5,30 \pm 0,18$	433
•		Ясевич	1930	$90,22 \pm 0,45$	$5,50 \pm 0,37$	$6,10 \pm 0,35$	150
•		Гинзбург	1931	$90,59 \pm 0,40$	$5,27 \pm 0,28$	$5,82 \pm 0,32$	172
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$88,18 \pm 0,76$	$4,35 \pm 0,54$	$4,93 \pm 0,61$	33
	• Долина Пянджа	•	•	$87,66 \pm 0,58$	$5,18 \pm 0,41$	$6,14 \pm 0,47$	87
	• Долина Ванча	•	•	$84,14 \pm 0,98$	$6,44 \pm 0,70$	$7,65 \pm 0,83$	43
	• Юго-западный	Гинзбург	1931	$90,06 \pm 0,38$	$4,79 \pm 0,27$	$5,28 \pm 0,30$	156
	• Центральный и восточный	•	•	$89,76 \pm 0,43$	$5,03 \pm 0,30$	$5,62 \pm 0,34$	137

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Продольный диаметр головы

Таблица 65

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$181,64 \pm 1,16$	$7,55 \pm 0,82$	$4,09 \pm 0,45$	42
•		Ошанин	1925	$185,82 \pm 0,33$	$6,86 \pm 0,23$	$3,69 \pm 0,12$	433
•		Ясевич	1930	$184,76 \pm 0,59$	$6,84 \pm 0,38$	$3,70 \pm 0,21$	150
•		Гинзбург	1931	$184,02 \pm 0,57$	$7,52 \pm 0,40$	$4,08 \pm 0,22$	174
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$184,02 \pm 0,96$	$6,52 \pm 0,68$	$3,54 \pm 0,37$	46
	• Долина Пянджа	•	•	$185,00 \pm 0,71$	$6,64 \pm 0,50$	$3,59 \pm 0,27$	88
	• Долина Ванча	•	•	$184,54 \pm 1,03$	$6,76 \pm 0,73$	$3,66 \pm 0,40$	43
	• Юго-западный	Гинзбург	1931	$180,89 \pm 0,49$	$6,71 \pm 0,35$	$3,71 \pm 0,19$	184
	• Центральный и восточный	•	•	$183,70 \pm 0,58$	$7,11 \pm 0,41$	$3,87 \pm 0,22$	150

Таблица 66

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Поперечный диаметр головы

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$155,07 \pm 0,94$	$6,08 \pm 0,67$	$3,92 \pm 0,43$	42
.		Ошанин	1925	$154,12 \pm 0,29$	$6,05 \pm 0,20$	$3,92 \pm 0,13$	433
.		Ясевич	1930	$154,94 \pm 0,39$	$4,84 \pm 0,27$	$3,14 \pm 0,18$	150
.		Гинзбург	1931	$153,91 \pm 0,44$	$5,86 \pm 0,31$	$3,81 \pm 0,20$	174
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$151,02 \pm 0,89$	$6,01 \pm 0,63$	$3,89 \pm 0,42$	46
.	Долина Пянджа	.	.	$149,00 \pm 0,61$	$5,77 \pm 0,43$	$3,87 \pm 0,29$	88
.	Долина Ванча	.	.	$150,15 \pm 0,88$	$5,75 \pm 0,62$	$3,83 \pm 0,41$	43
.	Юго-западный	Гинзбург	1931	$151,58 \pm 0,43$	$5,88 \pm 0,30$	$3,89 \pm 0,20$	184
.	Центральный и восточный	.	.	$151,98 \pm 0,36$	$4,45 \pm 0,26$	$2,93 \pm 0,17$	150

Таблица 67

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Высота лица морфологическая

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$126,38 \pm 1,12$	$7,16 \pm 0,79$	$5,66 \pm 0,63$	41
		Ошанин	1925	$125,73 \pm 0,31$	$6,59 \pm 0,22$	$5,08 \pm 0,17$	433
		Ясевич	1930	$125,91 \pm 0,57$	$6,96 \pm 0,40$	$5,50 \pm 0,32$	150
		Гинзбург	1931	$129,34 \pm 0,59$	$7,68 \pm 0,42$	$5,94 \pm 0,32$	172
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$121,32 \pm 0,94$	$5,40 \pm 0,67$	$4,45 \pm 0,55$	83
	Долина Пянджа	.	.	$120,74 \pm 0,66$	$6,15 \pm 0,47$	$5,09 \pm 0,39$	87
	Долина Ванча	.	.	$117,41 \pm 0,95$	$6,26 \pm 0,67$	$5,33 \pm 0,58$	43
	Юго-западный	Гинзбург	1931	$125,35 \pm 0,52$	$6,33 \pm 0,37$	$5,21 \pm 0,30$	156
	Центральный и восточный	.	.	$126,67 \pm 0,59$	$6,97 \pm 0,42$	$5,55 \pm 0,34$	137

Таблица 68

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Скуловой диаметр

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$134,46(?) \pm 0,98$	$6,29 \pm 0,69$	$4,68 \pm 0,52$	41
•		Ошанин	1925	$142,20 \pm 0,26$	$5,50 \pm 0,19$	$3,87 \pm 0,13$	433
•		Ясевич	1930	$139,22 \pm 0,50$	$6,16 \pm 0,35$	$4,40 \pm 0,26$	150
•		Гинзбург	1931	$142,31 \pm 0,41$	$5,43 \pm 0,29$	$3,82 \pm 0,21$	172
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$135,87(?) \pm 0,83$	$5,65 \pm 0,59$	$4,16 \pm 0,44$	46
	Долина Пянджа	•	•	$137,87(?) \pm 0,55$	$5,14 \pm 0,59$	$3,73 \pm 0,28$	88
	Долина Ванча	•	•	$139,63 \pm 0,88$	$5,80 \pm 0,62$	$4,15 \pm 0,45$	43
	Юго-западный	Гинзбург	1931	$139,32 \pm 0,37$	$4,58 \pm 0,26$	$3,29 \pm 0,19$	156
	Центральный и восточный	•	•	$140,12 \pm 0,41$	$4,87 \pm 0,29$	$3,46 \pm 0,21$	137

Таблица 69

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Наименьший лобный диаметр

Местности	Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин	Ошанин	1925	$110,46 \pm 0,33$	$4,77 \pm 0,23$	$4,32 \pm 0,21$	204
"	Ясевич	1930	$119,63(?) \pm 0,59$	$7,21 \pm 0,42$	$6,03 \pm 0,35$	150
"	Гинзбург	1931	$107,83 \pm 0,42$	$5,50 \pm 0,30$	$5,10 \pm 0,59$	171
Дарваз Юго-западный	"	"	$107,12 \pm 0,38$	$4,85 \pm 0,27$	$4,52 \pm 0,26$	156
" Центральн. и восточн.	"	"	$107,57 \pm 0,41$	$4,67 \pm 0,29$	$4,33 \pm 0,27$	131

Таблица 70

Нижнечелюстной диаметр

Местности	Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин	Ошанин	1925	$108,73 \pm 0,31$	$6,34 \pm 0,22$	$5,83 \pm 0,21$	407
"	Ясевич	1930	$117,01(?) \pm 0,60$	$7,35 \pm 0,48$	$6,28 \pm 0,36$	150
"	Гинзбург	1931	$108,23 \pm 0,45$	$5,85 \pm 0,32$	$5,40 \pm 0,29$	172
Дарваз Юго-западный	"	"	$106,36 \pm 0,49$	$6,16 \pm 0,35$	$5,80 \pm 0,35$	156
" Центральн. и восточн.	"	"	$107,89 \pm 0,52$	$6,00 \pm 0,37$	$5,57 \pm 0,35$	131

Таблица 71

Таджики Каратегина и Дарваза

Количественные признаки

Длина носа (нос. точка по нижнему краю бровей; в измерениях Богоявленского наиболее глубокая)

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$51,71 \pm 0,57$	$3,66 \pm 0,40$	$7,08 \pm 0,79$	41
•		Ошанин	1925	$54,28 \pm 0,20$	$4,19 \pm 0,14$	$7,72 \pm 0,26$	433
•		Ясевич	1930	$55,20 \pm 0,33$	$4,14 \pm 0,23$	$7,50 \pm 0,43$	150
•		Гинзбург	1931	$58,82 \pm 0,32$	$4,14 \pm 0,23$	$7,03 \pm 0,18$	172
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$52,85 \pm 0,63$	$4,28 \pm 0,45$	$8,10 \pm 0,85$	46
•	Долина Пянджа	•	•	$50,30 \pm 0,48$	$4,54 \pm 0,34$	$9,02 \pm 0,63$	88
•	Долина Ванча	•	•	$51,02 \pm 0,56$	$3,69 \pm 0,40$	$7,23 \pm 0,74$	43
•	Юго-западный	Гинзбург	1931	$57,10 \pm 0,34$	$4,22 \pm 0,24$	$7,39 \pm 0,44$	156
•	Центральный и восточный	•	•	$58,50 \pm 0,36$	$4,13 \pm 0,26$	$7,05 \pm 0,44$	131

Таблица 72

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Ширина носа

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$35,01 \pm 0,54$	$3,43 \pm 0,38$	$9,80 \pm 1,87$	41
.		Ошанин	1925	$33,62 \pm 0,12$	$2,59 \pm 0,09$	$7,70 \pm 0,26$	433
.		Ясевич	1930	$35,40 \pm 0,20$	$2,44 \pm 0,13$	$6,90 \pm 0,40$	150
.		Гинзбург	1931	$34,79 \pm 0,22$	$2,83 \pm 0,16$	$8,29 \pm 0,45$	172
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$35,02 \pm 0,47$	$3,19 \pm 0,33$	$9,11 \pm 0,95$	46
	Долина Пянджа	.	.	$35,93 \pm 0,32$	$8,03 \pm 0,23$	$8,43 \pm 0,64$	88
	Долина Ванча	.	.	$35,18 \pm 0,41$	$2,69 \pm 0,29$	$7,65 \pm 0,83$	43
	Юго-западный	Гинзбург	1931	$33,86 \pm 0,24$	$2,97 \pm 0,17$	$8,78 \pm 0,49$	156
	Центральный и восточный	.	.	$34,54 \pm 0,23$	$2,62 \pm 0,16$	$7,69 \pm 0,47$	131

Таблица 73

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Носовой указатель

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин		Богоявленский	1898	$68,22 \pm 1,30$	$8,33 \pm 0,92$	$12,21 \pm 1,37$	41
•		Ошанин	1925	$61,88 \pm 0,30$	$6,33 \pm 0,22$	$10,23 \pm 0,35$	433
•		Ясевич	1930	$62,92 \pm 0,57$	$7,04 \pm 0,40$	$11,30 \pm 0,66$	150
•		Гинзбург	1931	$59,23 \pm 0,53$	$6,92 \pm 0,38$	$11,68 \pm 0,64$	172
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$66,70 \pm 1,09$	$7,59 \pm 0,77$	$11,08 \pm 1,18$	46
	Долина Пянджа	•	•	$71,61 \pm 0,92$	$8,68 \pm 0,65$	$12,12 \pm 0,93$	88
	Долина Ванча	•	•	$59,88 \pm 1,33$	$8,74 \pm 0,94$	$12,51 \pm 1,37$	43
	Юго-западный	Гинзбург	1931	$59,60 \pm 0,56$	$7,09 \pm 0,40$	$11,87 \pm 0,68$	156
	Центральный и восточный	•	•	$59,53 \pm 0,56$	$6,36 \pm 0,40$	$10,69 \pm 0,67$	136

Таблица 74

Таджики Каратегина и Дарваза
Количественные признаки
Длина тела

Местности		Исследователи	Год	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Каратегин		Богоявленский	1893	$165,04 \pm 0,87$	$5,59 \pm 0,62$	$3,39 \pm 0,38$	41
•		Ошанин	1925	$166,39 \pm 0,27$	$5,71 \pm 0,19$	$3,43 \pm 0,12$	433
•		Гинзбург	1931	$166,34 \pm 0,46$	$6,02 \pm 0,33$	$3,62 \pm 0,19$	174
Дарваз	Долина Хингоу	Богоявленский	1903	$164,98 \pm 0,85$	$5,80 \pm 0,61$	$3,52 \pm 0,37$	46
	Долина Пянджа	•	•	$164,52 \pm 0,65$	$6,04 \pm 0,46$	$3,67 \pm 0,43$	37
	Долина Ванча	•	•	$164,88 \pm 0,96$	$6,22 \pm 0,68$	$3,77 \pm 0,41$	42
	Юго-западный	Гинзбург	1931	$166,72 \pm 0,42$	$5,70 \pm 0,30$	$3,42 \pm 0,18$	150
	Центральный и восточный	•	•	$164,02 \pm 0,52$	$6,14 \pm 0,37$	$3,74 \pm 0,28$	138

Таблица 75

Туркмены—мужчины
Цвет глаз
(по шкале Мартина I—NN 1—5; II—NN 6—10; III—NN 11—16)

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I темные		II смешанные		III светлые		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,04	184	96,34	6	3,14	1	0,52	191
Гоклен	Долина Сумбара	"	1,11	140	90,32	13	8,39	2	1,29	155
Иомуд	Казанджик	"	1,12	134	89,33	14	9,33	2	1,33	150
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,15	170	85,43	27	13,57	2	1,00	199
"	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,33	81	72,32	25	22,32	6	5,36	112
Баят	Чарджоу	"	1,23	40	72,73	15	27,27	—		55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	"	1,18	96	84,21	15	13,16	3	2,63	114
Салыр	Серэхс	" 1958	1,07	275	93,54	15	5,44	3	1,02	293
Ата	"	"	1,11	99	90,00	10	9,09	1	0,91	110
Туркмены всех племен			1,13	1219	88,38	140	10,15	20	1,49	1379

Таблица 76

Туркмены—мужчины
Цвет волос по шкале Фишера

Наблюдения Л. В. Ошанина

Цвет волос головы										
Племена	Р а й о н ы	4		27		10		21		N
		черно-каштановые		черные		светло-белокурые		пепельные		
		р	%	р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	71	64,6	38	34,5	—	—	1	0,9	110
Гоклены	Долина Сумбара	23	57,5	16	40,0	1	2,5	—	—	40
Иомуды	Казанджик	23	63,9	13	36,1	—	—	—	—	36
Туркмены всех племен		117	62,9	67	36,1	1	0,5	1	0,5	186

Таблица 77

Цвет волос бороды

Племена и районы	4 черно-каштановые		27 черные		7 каштановые		8 темно-белокурые		9 светло-белокурые		17 светло-белокурые		1 красноватые (рыжие)		N
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	
Теке Мары	34	52,3	28	43,1	2	3,1	1	1,5	—	—	—	—	—	—	65
Гоклены долины Сумбара	20	24,4	58	70,8	1	1,2	1	1,2	1	1,2	—	—	1	1,2	82
Иомуды Казанджика	40	44,5	44	48,9	1	1,1	3	3,3	1	1,1	1	1,1	—	—	90
Туркмены всех племен	94	39,7	130	54,9	4	1,7	5	2,1	2	0,8	1	0,4	1	0,4	237

Туркмены—мужчины
Развитие бороды у особей старше 25 лет

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I		II		III		IV		V		N
				р	%	р	‰	р	‰	р	‰	р	‰	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	3,23	3	2,6	7	6,03	75	64,7	22	18,9	9	7,8	116
Гоклен	Долина Сумбара	.	2,77	13	10,3	25	19,8	68	54,0	18	14,3	2	1,6	126
Иомуд	Казанджик	.	2,68	13	12,0	22	20,4	61	56,5	11	10,2	1	0,9	108
.	Хорезм	Ярхо, 1931	3,38	2	2,5	8	10,1	31	39,3	34	43,0	4	5,1	79
Чаудыры	.	.	2,49	26	17,2	57	35,1	48	31,8	20	13,2	4	2,7	151
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,53	18	11,3	51	32,1	77	48,4	13	8,1	—	—	159
.	Тахта-Базар Чарджоу, Керки	Студенты САГУ рук. Наджимов, 1955	2,20	16	25,0	37	35,6	39	3,5	2	1,9	—	—	104
Баят	Чарджоу	.	2,46	7	14,0	17	34,0	22	44,0	4	8,0	—	—	50
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	2,28	11	11,95	45	48,91	35	38,04	1	1,09	—	—	92
Салыр	Серахс	. 1956	2,17	56	22,05	108	42,52	81	31,89	9	3,54	—	—	254
Ата	.	.	2,40	14	15,56	29	32,22	44	48,89	3	3,33	—	—	90
Туркмены всех племен			2,54	189	14,22	402	30,25	581	43,71	137	10,31	20	1,51	1329

Туркмены—мужчины
Горизонтальный профиль лица

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I плоский		II средний		III суженный		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,69	70	35,00	121	60,50	9	4,50	200
Гокаен	Долина Сумбара	•	1,77	38	24,52	114	73,55	3	1,93	155
Иомуд	Казанджик	•	1,71	48	32,00	97	64,70	5	3,30	150
•	Хорезм	Ярхо, 1931	2,14	5	4,70	82	76,60	20	18,70	107
Чаудыр	•	•	1,77	49	24,50	148	74,00	3	1,50	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,76	51	25,50	146	73,00	3	1,50	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	2,28	12	10,62	61	53,98	40	35,40	113
Баят	Чарджоу	•	2,22	3	5,45	38	69,09	14	25,45	55
Сарык	Тахта-Базар, Иологань	•	2,35	10	8,77	52	45,61	52	45,62	114
Салыр	Серахс	• 1956	2,29	21	6,95	170	56,29	111	36,76	302
Ата	•	•	2,27	7	6,36	66	60,00	37	33,64	110
Туркмены всех племен			1,99	314	18,40	1095	64,19	297	17,41	1706

Таблица 80

Туркмены—мужчины

Вертикальный профиль лица			Наблюдения Л. В. Ошанина						
Племена	Районы	М	I прямой		II слабо выступающий		III сильно выступающий		N
			р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	1,59	90	45,9	96	49,0	10	5,1	196
Гоклены	Долина Сумбара	1,79	40	26,2	105	68,6	8	5,2	153
Иомуды	Казанджик	1,72	44	29,3	104	69,4	2	1,3	150
Туркмены всех племен		1,69	174	34,9	305	61,1	20	4,0	499

Таблица 81

Форма мозговой коробки

Племена, районы и исследователи	Пятиугольная		Яйцевидная		Эллиптическая		Клиновидная		Округлая		Обратно-яйцевидная		Прочие		N
	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	р	%	
Теке, Мары. Ошанин, 1929	1	0,5	85	42,7	94	47,2	—	—	—	—	19	9,6	—	—	199
Гоклены долины Сумбара Ошанин, 1929	—	—	60	39,2	84	54,9	—	—	—	—	9	5,9	—	—	153
Иомуды Казанджика Ошанин, 1929	—	—	93	62,0	52	34,7	—	—	—	—	5	3,3	—	—	150
Иомуды Хорезма. Ярхо, 1931	1	1,0	78	76,5	17	16,7	2	1,9	1	1,0	—	—	3	2,9	102
Чаудыры Хорезма. Ярхо, 1931	1	0,5	132	69,8	34	18,0	10	5,3	6	3,2	—	—	6	3,2	189
Туркмены всех племен	3	0,4	418	56,49	281	35,43	12	1,51	7	0,88	33	4,16	9	1,13	793

Таблица 82

Туркмены — мужчины

Профиль свода черепа.

Наблюдения Л. В. Ошанина, 1929 г.

Племена и районы	Поднимается вперед		Горизонтальное		Поднимается назад		N
	р	%	р	%	р	%	
Теке, Мары	—	—	—	—	161	100,0	161
Гоклены долины Сумбара	—	—	—	—	127	100,0	127
Иомуды Казанджика	—	—	9	6,2	135	93,8	144
Туркмены всех племен	—	—	9	2,1	423	97,9	432

Таблица 83

Сагиттальный профиль затылка

Племена, районы и исследователи	Плоский		Угловатый		Округлый		N
	р	%	р	%	р	%	
Теке, Мары. Ошанин, 1929	—	—	12	6,1	184	93,9	196
Гоклены долины Сумбара. Ошанин, 1929	1	0,7	7	4,7	140	94,6	148
Иомуды Казанджика. Ошанин, 1929	2	1,4	4	2,8	135	95,8	141
Иомуды Хорезма. Ярхо, 1931	—	—	15	14,8	86	85,2	101
Чаудыры Хорезма. Ярхо, 1931	6	3,2	51	27,1	131	69,7	188
Туркмены всех племен	9	1,16	89	11,5	676	87,34	774

Таблица 84

Туркмены—мужчины
Наклон лба

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I слабый		II средний		III сильный		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,19	75	38,70	66	34,00	53	27,30	194
Иомуд	Казанджик	.	1,96	38	26,20	74	51,00	33	22,80	145
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,37	137	68,50	52	26,00	11	5,50	200
.	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,41	68	60,18	44	38,94	1	0,88	113
Баят	Чарджоу	.	1,44	31	56,36	24	43,64	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	1,66	44	39,99	63	56,25	5	4,46	112
Салыр	Серахс	. 1956	1,81	88	29,14	152	60,26	32	10,60	302
Ата	.	.	1,45	62	56,36	46	41,81	2	1,82	110
Туркмены всех племен			1,64	543	44,11	551	44,77	137	11,12	1231

Таблица 85

Туркмены — мужчины
Развитие надбровья

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I отсутствует		II слабое		III среднее		IV сильное		N
				р	%	р	%	р	%	р	%	
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,69	90	40,72	109	49,32	21	9,50	1	0,45	221
.	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,71	36	31,86	74	65,49	3	2,65	—	—	113
Баят	Чарджоу	.	1,89	12	21,82	37	67,27	6	10,91	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	1,74	31	27,19	82	71,93	1	0,88	—	—	114
Салыр	Серахс	. 1956	2,18	46	15,23	150	49,67	106	35,00	—	—	202
Ата	.	.	1,79	37	33,64	60	54,54	13	11,81	—	—	110
Туркмены всех племен			1,88	252	27,30	512	56,21	150	16,38	1	0,11	915

Таблица 86

Туркмены—мужчины
Выраженность лобных бугров

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I не выражены		II намечаются		III явно выражены		N
				р	‰	р	‰	р	‰	
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,83	83	41,50	67	33,50	50	25,00	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,83	39	34,51	55	48,67	19	16,81	113
Баят	Чарджоу	•	1,95	16	29,09	26	47,27	13	23,64	55
Салыр	Серахс	• 1966	1,80	105	34,78	150	49,66	47	15,56	302
Ата	•	•	2,21	18	16,36	50	45,45	42	38,18	110
Туркмены всех племен			1,88	261	33,46	348	44,61	171	21,92	780

Таблица 87

Туркмены—мужчины
Высота переносья

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I низкое		II среднее		III высокое		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1938	2,13	19	11,59	104	63,41	41	25,00	164
•	Мары	Ошанин, 1929	2,26	6	3,00	135	67,50	59	29,50	200
Гоклен	Долина Сумбара	•	2,23	7	4,52	106	63,40	42	27,10	155
Иомуд	Казанджик	•	2,15	9	6,00	110	73,30	31	20,70	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1933	2,13	4	9,30	29	67,44	10	23,26	43
•	Хорезм	Ярхо, 1930	2,17	8	7,48	73	68,22	26	24,30	107
Чаудыр	•	•	1,77	56	28,30	131	66,20	11	5,50	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,12	5	2,50	166	83,00	29	14,50	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	2,03	1	0,88	107	94,69	5	4,42	113
Баят	Чарджоу	•	2,07	—	—	50	92,59	4	7,41	54
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	2,10	1	0,88	100	87,72	13	11,40	114
Салыр	Серахс	• 1956	2,09	6	1,99	264	87,42	32	10,59	302
Ата	•	•	2,08	—	—	101	91,82	9	8,18	110
Туркмены всех племен			2,09	122	6,32	1476	77,27	312	16,34	1910

Таблица 88

Туркмены—мужчины
Высота крыльев носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I		II		III		N
				низкие		средние		высокие		
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,25	7	3,50	136	68,00	57	28,50	200
Гоклен	Долина Сумбара	.	2,24	13	8,40	103	66,40	39	25,20	155
Иомуд	Казанджик	.	2,15	4	2,70	120	80,00	26	17,30	150
.	Хорезм	Ярхо, 1931	1,99	18	17,10	70	68,70	17	16,20	105
Чаудыр	.	.	1,96	35	17,70	136	68,70	27	13,60	138
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,68	71	35,50	122	61,00	7	3,50	200
.	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,87	17	14,40	99	83,90	2	1,70	118
Баят	Чарджоу	.	1,98	7	12,73	42	76,37	6	10,90	55
Салыр	Серахс	. 1956	1,94	28	9,28	234	87,41	10	3,31	302
Ата	.	.	1,88	19	17,27	84	76,36	7	6,37	110
Туркмены всех племен			1,98	219	13,75	1176	73,82	198	12,43	1593

Туркмены—мужчины
Выраженность крылевых борозд

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I слабая		II средняя		III сильная		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,45	93	61,20	50	32,90	9	5,90	152
•	Мары	Ошанин, 1929	1,50	120	60,00	61	30,00	19	10,00	200
Гоклен	Долина Сумбара	•	1,39	101	66,50	42	27,60	9	5,90	152
Иомуд	Казанджик	•	1,61	72	47,70	66	43,70	13	8,60	151
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,58	17	39,50	23	53,50	3	7,0	43
•	Хорезм	Ярхо, 1931	1,53	53	50,00	50	47,20	3	2,8	106
Чаудыр	•	•	1,73	69	84,80	113	57,10	16	8,1	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,61	43	41,70	57	55,40	3	2,90	133
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,95	16	13,56	91	77,12	11	9,32	118
Баят	Чарджоу	•	2,01	5	9,09	44	80,00	6	10,91	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	1,96	21	18,42	76	66,66	17	14,92	114
Салыр	Серахс	• 1956	1,78	75	24,83	219	72,53	8	2,64	302
Ата	•	•	1,69	42	38,18	60	54,55	8	7,27	110
Туркмены всех племен			1,66	727	40,30	952	52,77	125	6,93	1804

Таблица 90

Туркмены—мужчины
Поперечный профиль спинки носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I плоский		II средний		III выдающийся		N
				р	‰	р	‰	р	‰	
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,13	—	—	172	86,87	26	13,13	198
.	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	2,14	—	—	96	85,71	16	14,29	112
Баят	Чарджоу	.	2,20	—	—	44	80,00	11	20,00	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	2,23	2	1,75	82	71,93	30	26, 2	114
Салыр	Серахс	. 1956	2,12	—	—	266	88,08	36	11,92	302
Ата	.	.	2,10	—	—	99	90,00	11	10,00	110
Туркмены всех племен			2,14	2	0,23	759	85,18	130	14,59	891

Туркмены—мужчины
Общий профиль спинки носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I вогнутый		II прямой и извилистый		III выпуклый		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,00	24	14,60	117	70,90	24	14,50	165
•	Мары	Ошанин, 1929	2,11	18	9,00	142	71,00	40	20,00	200
Гоклен	Долина Сумбара	•	2,26	18	11,6	79	51,00	58	37,40	155
Иомуд	Казанджик	•	2,25	8	5,30	96	61,00	46	30,70	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,18	3	7,00	29	67,40	11	25,60	43
•	Хорезм	Ярхо, 1931	2,24	3	2,00	75	70,10	19	27,1	107
Чаудыр	•	•	2,12	17	8,60	140	70,70	41	20,70	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,11	6	3,00	164	82,40	29	14,6	199
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	2,11	1	0,90	98	87,50	13	11,60	112
Баят	Чарджоу	•	2,05	2	3,60	48	87,30	5	9,10	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	2,10	8	7,02	86	75,43	20	17,54	114
Салыр	Серахс	• 1958	2,17	9	2,98	244	80,79	49	16,23	302
Ата	•	•	2,14	—	—	95	86,36	15	13,64	110
Туркмены всех племен			2,13	117	6,12	1413	73,98	380	19,89	1910

Таблица 92

Туркмены — мужчины
Положение основания носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I приподнятое		II горизон- тальное		III опущенное		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,97	11	9,40	99	84,60	7	6,00	117
•	Мары	Ошанин, 1929	2,01	10	15,10	136	68,70	82	16,20	198
Гоклен	Долина Сумбара	•	2,19	18	11,60	90	58,10	47	30,30	155
Иомуд	Казанджик	•	2,23	9	6,00	97	64,70	44	29,30	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,00	3	10,50	23	79,30	3	10, 0	19
•	Хорезм	Ярхо, 1931	1,77	46	43,00	39	36,40	22	20,60	107
Чаудыр	•	•	1,75	87	43,90	73	36,90	38	19,20	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,93	28	14,00	158	79,00	14	7,00	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,94	11	9,32	102	86,44	5	4,24	118
Баят	Чарджоу	•	1,87	11	20,00	40	92,72	4	7,28	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	1,85	25	21,93	80	70,17	9	7,90	114
Салыр	Серахс	• 1956	2,02	55	18,21	183	60,60	64	21,19	302
Ата	•	•	1,82	40	36,36	49	44,54	21	19,10	110
Туркмены всех племен			1,96	374	20,18	1169	63,09	310	16,73	1853

Таблица 98

Туркмены—мужчины
Положение кончика носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I приподнятое		II прямое		III опущенное		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1926	1,91	33	20,10	113	68,90	18	11,00	164
•	Мары	Ошанин, 1929	2,03	28	15,80	116	65,50	33	18,70	177
Гоклен	Долина Сумбара	•	2,20	18	11,60	88	56,80	49	31,60	155
Иомуд	Казанджик	•	2,27	9	6,00	92	61,30	49	32,70	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,06	5	11,60	30	69,80	8	18,60	43
•	Хорезм	Ярхо, 1931	1,85	39	86,40	45	42,10	23	21,50	107
Чаудыр	•	•	1,89	67	33,80	86	43,50	45	22,70	198
Туркмены всех племен			2,03	199	20,00	570	57,40	225	22,60	994

Таблица 94

Туркмены — мужчины
Положение стенок носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I почти вер- тикальное		II среднее		III сильно на- клонное		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,01	4	2,08	181	94,27	7	3,65	192
Гоклен	Долина Сумбара	•	2,00	5	3,23	145	93,55	6	3,23	155
Иомуд	Казанджик	•	2,01	2	1,33	145	91,67	3	2,00	150
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,90	23	11,56	172	83,43	4	2,01	199
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,91	11	9,82	101	90,18	—	—	112
Баят	Чарджоу	•	1,84	9	16,36	6	83,64	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотаць	•	1,80	25	21,93	87	76,32	2	1,75	114
Салыр	Серахс	•	1,88	37	12,25	265	87,75	—	—	302
Ата	•	•	1,86	15	13,64	95	86,36	—	—	110
Туркмены всех племен			1,92	181	9,43	1237	89,05	21	1,51	1389

Таблица 95

Туркмены—мужчины
Положение осей носовых отверстий

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I горизон- тальное		II среднее		III сагитталь- ное		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,98	4	3,00	128	95,50	2	1,50	184
•	Мары	Ошанин, 1929	2,02	4	2,00	183	93,40	9	4,60	196
Гоклен	Долина Сумбара	•	2,09	—	—	135	91,20	13	8,80	148
Иомуд	Казанджик	•	2,07	1	0,70	135	91,20	12	8,10	148
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,93	2	6,90	27	93,10	—	—	29
•	Хорезм	Ярхо, 1931	2,21	8	7,50	68	64,20	30	28,30	106
Чаудыр	•	•	1,95	37	18,90	131	66,80	28	14,30	196
Туркмены всех племен			2,04	56	5,90	807	84,30	94	9,80	957

Таблица 96

Туркмены—мужчины
Форма носовых отверстий

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	Округлая		Треугольная		Овальная		Прочие формы		N
			р	%	р	%	р	%	р	%	
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	—	—	11	8,30	121	91,70	—	—	132
•	Мары	Ошанин, 1929	3	1,50	26	13,10	169	85,40	—	—	198
Гоклен	Долина Сумбара	•	6	3,80	9	5,70	142	90,50	—	—	157
Иомуд	Казанджик	•	1	0,70	18	12,00	131	87,30	—	—	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	—	—	3	10,30	26	89,70	—	—	29
•	Хорезм	Ярхо, 1931	1	0,90	2	1,90	101	95,40	2	1,80	106
Чаудыр	•	•	5	2,60	9	4,60	179	91,30	3	1,50	196
Туркмены всех племен			16	1,60	78	8,10	869	89,80	5	0,50	968

Таблица 97

Туркмены — мужчины
Ширина глазной щели

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I узкая		II средняя		III широкая		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,78	54	27,00	136	68,00	10	5,00	200
Гоклен	Долина Сумбара	.	1,95	28	18,20	106	68,80	20	13,00	154
Иомуд	Казанджик	.	1,77	38	25,30	109	72,70	3	2,00	150
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,99	4	2,00	191	93,6	3	1,50	198
.	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,76	28	24,78	85	75,22	—	—	113
Баят	Чарджоу	.	1,56	24	43,64	31	53,88	—	—	55
Салыр	Серахс	. 1956	1,82	53	17,55	249	82,45	—	—	302
Ата	.	.	1,82	19	17,27	91	82,73	—	—	110
Туркмены всех племен			1,84	248	19,34	998	77,85	36	2,81	1282

Таблица 98

Туркмены—мужчины
Положение глазного яблока

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I глубокое		II среднее		III выпуклое		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,94	19	10,20	159	85,50	8	4,30	186
Гоклен	Долина Сумбара	•	2,01	12	5,71	185	88,10	13	6,10	210
Иомуд	Казанджик	•	1,85	30	20,70	107	73,80	8	5,50	145
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,74	52	26,13	145	72,86	2	1,01	199
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,82	20	17,70	93	82,30	—	—	113
Баят	Чарджоу	•	1,80	11	20,00	44	80,00	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	1,84	18	15,79	96	84,21	—	—	114
Салыр	Серахс	• 1956	1,77	69	22,85	233	77,15	—	—	302
Ата	•	•	1,76	26	23,64	84	76,36	—	—	110
Туркмены всех племен			1,84	257	17,92	1146	79,91	31	2,16	1434

Таблица 99

Туркмены—мужчины
Наличие эпикантуса

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	p	%	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	11	6,88	160
•	Мары	Ошанин, 1929	38	19,00	200
Гоклен	Долина Сумбара	•	8	5,16	155
Иомуд	Казанджик	•	24	16,00	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	3	7,32	41
•	Хорезм	Ярхо, 1931	7	6,60	106
Чаудыр	•	•	5	2,53	188
Эрсари	Термез	Наджимов, 1942	6	3,00	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	7	6,19	113
Баят	Чарджоу	•	1	1,85	54
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	1	0,88	114
Салыр	Серахс	• 1956	1	0,33	302
Ата	•	•	2	1,82	108
Туркмены всех племен			114	5,99	1901

Таблица 100

Туркмены—мужчины
Толщина губ

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I тонкие		II средние		III толстые		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,67	52	32,70	97	60,00	10	6,30	159
•	Мары	Ошанин, 1929	2,03	32	16,20	127	64,50	38	19,30	197
Гоклен	Долина Сумбара	•	1,94	23	14,90	118	76,10	14	9,00	155
Иомуд	Казанджик	•	1,89	26	17,30	114	76,00	10	6,70	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,71	16	38,10	23	54,80	3	7,20	42
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,07	24	12,00	139	69,50	36	18,00	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	1,98	14	11,86	92	77,96	12	10,17	118
Баят	Чарджоу	•	1,90	7	12,73	46	83,64	2	3,63	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	2,04	19	16,66	71	62,28	24	21,06	114
Ата	Серахс	• 1956	2,05	9	8,18	86	78,18	15	13,64	110
Туркмены всех племен			1,95	222	17,07	918	70,23	164	12,62	1300

Таблица 101

Туркмены — мужчины
Высота верхней губы

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I низкая		II средняя		III высокая		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,86	42	26,20	99	61,90	19	11,90	160
•	Мары	Ошанин, 1929	2,09	15	7,60	150	76,10	32	16,30	197
Гоклен	Долина Сумбара	•	2,05	18	11,70	111	72,10	25	16,20	154
Иомуд	Казанджик	•	2,01	17	11,70	110	75,30	19	13,00	146
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,95	9	20,90	27	68,80	7	6,80	43
•	Хорезм	Ярхо, 1931	1,92	25	23,60	65	61,30	16	15,1	106
Чаудыры	•	•	2,20	22	11,10	114	57,60	62	31,8	198
Туркмены всех племен			2,03	148	14,80	676	67,30	180	17,90	1004

Таблица 102

Туркмены — мужчины
Профиль верхней губы

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	М	I прохейлия		II ортохейлия		III опистохейлия		N
				р	%	р	%	р	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,36	134	67,00	61	30,50	5	2,50	200
Гоклен	Долина Сумбара	.	1,47	87	56,20	63	40,60	5	3,20	155
Иомуд	Казанджик	.	1,44	84	56,8	63	42,60	1	0,60	148
.	Хорезм	Ярхо, 1931	1,90	20	18,9	77	72,60	9	8,50	106
Чаудыр	.	.	1,57	88	44,50	106	53,50	4	2,00	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,83	16	8,00	167	83,50	17	8,50	200
.	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	2,06	—	—	110	93,22	8	6,78	118
Баят	Чарджоу	.	2,05	1	1,81	50	90,91	4	7,28	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	2,05	—	—	108	94,73	6	5,27	114
Ата	Серахс	. 1956	2,05	2	1,82	100	90,90	8	7,28	110
Туркмены всех племен			1,74	432	30,77	905	64,46	67	4,77	1404

Туркмены—мужчины

Головной указатель

Племена	Р а й о н ы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$76,33 \pm 0,26$	$3,25 \pm 0,18$	$4,27 \pm 0,24$	160
"	Мары	Ошанин, 1929	$74,46 \pm 0,20$	$2,81 \pm 0,14$	$3,77 \pm 0,17$	199
Гоклен	Долина Сумбара	"	$75,86 \pm 0,20$	$2,52 \pm 0,14$	$3,32 \pm 0,19$	155
Иомуд	Казанджик	"	$76,03 \pm 0,19$	$2,35 \pm 0,13$	$3,09 \pm 0,18$	150
"	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$76,16 \pm 0,48$	$3,17 \pm 0,34$	$4,16 \pm 0,45$	43
"	Хорезм	Ярхо, 1931	$75,16 \pm 0,27$	$2,80 \pm 0,19$	$3,72 \pm 0,26$	107
Чаудыр	"	"	$77,24 \pm 0,23$	$3,28 \pm 0,16$	$4,25 \pm 0,21$	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$76,79 \pm 0,22$	$3,04 \pm 0,15$	$3,96 \pm 0,20$	200
"	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$76,26 \pm 0,30$	$3,20 \pm 0,21$	$4,19 \pm 0,28$	113
Баят	Чарджоу	"	$77,84 \pm 0,38$	$2,84 \pm 0,27$	$3,65 \pm 0,35$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	"	$74,30 \pm 0,22$	$2,44 \pm 0,16$	$3,28 \pm 0,21$	114
Салыр	Серахс	" 1956	$73,43 \pm 0,17$	$2,98 \pm 0,12$	$4,05 \pm 0,16$	288
Ата	"	"	$76,18 \pm 0,25$	$2,68 \pm 0,18$	$3,51 \pm 0,23$	110
Туркмены всех племен			$75,66 \pm 0,07$	$3,18 \pm 0,05$	$4,20 \pm 0,07$	1851

Туркмены—мужчины
Продольный диаметр головы

Племена	Р а й о н ы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$v \pm m(v)$	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$193,21 \pm 0,49$	$6,30 \pm 0,35$	$3,26 \pm 0,18$	165
•	Мары	Ошанин, 1929	$196,00 \pm 0,40$	$5,66 \pm 0,28$	$2,89 \pm 0,14$	200
Гоклен	Долина Сумбара	•	$193,00 \pm 0,49$	$6,17 \pm 0,35$	$3,21 \pm 0,18$	155
Иомуд	Казанджик	•	$194,00 \pm 0,47$	$5,62 \pm 0,33$	$2,89 \pm 0,17$	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$195,65 \pm 0,84$	$5,51 \pm 0,60$	$2,82 \pm 0,30$	43
•	Хорезм	Ярхо, 1930	$194,25 \pm 0,60$	$6,30 \pm 0,43$	$3,24 \pm 0,22$	107
Чаудыр	•	•	$193,16 \pm 0,47$	$6,54 \pm 0,33$	$3,39 \pm 0,70$	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$192,10 \pm 0,40$	$5,70 \pm 0,28$	$2,97 \pm 0,15$	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$193,22 \pm 0,59$	$6,26 \pm 0,55$	$3,20 \pm 0,21$	113
Баят	Чарджоу	•	$190,52 \pm 0,86$	$6,42 \pm 0,61$	$3,36 \pm 0,32$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	$194,48 \pm 0,55$	$5,91 \pm 0,58$	$3,04 \pm 0,20$	114
Салыр	Серахс	• 1956	$195,62 \pm 0,36$	$6,21 \pm 0,25$	$3,17 \pm 0,13$	288
Ата	•	•	$193,40 \pm 0,53$	$5,64 \pm 0,38$	$2,91 \pm 0,19$	110
Туркмены всех племен			$193,86 \pm 0,15$	$6,25 \pm 0,10$	$3,23 \pm 0,05$	1857

Туркмены—мужчины
Поперечный диаметр головы

Племена	Р а й о н ы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$148,04 \pm 0,44$	$5,69 \pm 0,31$	$3,84 \pm 0,21$	164
•	Мары	Ошанин, 1929	$147,00 \pm 0,36$	$5,06 \pm 0,25$	$3,45 \pm 0,17$	200
Гоклен	Долина Сумбара	•	$147,00 \pm 0,36$	$4,51 \pm 0,25$	$3,07 \pm 0,18$	155
Иомуд	Казанджик	•	$149,00 \pm 0,34$	$4,13 \pm 0,24$	$2,78 \pm 0,16$	150
•	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$148,91 \pm 0,89$	$5,81 \pm 0,63$	$3,90 \pm 0,42$	43
•	Хорезм	Ярхо, 1931	$145,70 \pm 0,42$	$4,35 \pm 0,30$	$2,93 \pm 0,20$	107
Чаудыр	•	•	$149,00 \pm 0,36$	$4,98 \pm 0,26$	$3,34 \pm 0,17$	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$147,41 \pm 0,36$	$5,05 \pm 0,25$	$3,43 \pm 0,17$	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$147,26 \pm 0,48$	$5,10 \pm 0,34$	$3,46 \pm 0,23$	113
Баят	Чарджоу	•	$148,13 \pm 0,57$	$4,20 \pm 0,40$	$2,83 \pm 0,27$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	$144,50 \pm 0,40$	$4,32 \pm 0,28$	$2,98 \pm 0,19$	114
Салыр	Серахс	• 1956	$143,72 \pm 0,29$	$5,07 \pm 0,21$	$3,45 \pm 0,14$	288
Ата	•	•	$147,05 \pm 0,50$	$5,25 \pm 0,35$	$3,56 \pm 0,24$	110
Туркмены всех племен			$146,81 \pm 0,12$	$5,21 \pm 0,09$	$3,55 \pm 0,06$	1856

Туркмены — мужчины
Указатель лица морфологический

Племена	Р а й о н ы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$92,22 \pm 0,42$	$5,35 \pm 0,30$	$5,80 \pm 0,32$	162
•	Мары	Ошанин, 1929	$90,72 \pm 0,38$	$5,36 \pm 0,27$	$5,91 \pm 0,28$	200
Гоклен	Долина Сумбара	•	$92,28 \pm 0,39$	$4,96 \pm 0,28$	$5,37 \pm 0,31$	161
Иомуд	Казанджик	•	$96,71 \pm 0,40$	$4,96 \pm 0,28$	$5,40 \pm 0,26$	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$94,09 \pm 0,82$	$5,39 \pm 0,58$	$5,72 \pm 0,62$	48
•	Хорезм	Ярхо, 1931	$94,57 \pm 0,48$	$4,97 \pm 0,34$	$5,26 \pm 0,36$	106
Чаудыр	•	•	$93,85 \pm 0,34$	$4,75 \pm 0,24$	$5,16 \pm 0,25$	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$91,77 \pm 0,37$	$5,19 \pm 0,26$	$5,65 \pm 0,28$	198
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов 1955	$92,00 \pm 0,44$	$4,71 \pm 0,31$	$5,11 \pm 0,34$	113
Баят	Чарджоу	•	$92,81 \pm 0,65$	$4,83 \pm 0,46$	$5,20 \pm 0,50$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	$94,40 \pm 0,51$	$5,49 \pm 0,36$	$5,81 \pm 0,38$	114
Салыр	Серахс	• 1956	$90,08 \pm 0,28$	$4,92 \pm 0,20$	$5,43 \pm 0,24$	193
Ата	•	•	$89,02 \pm 0,48$	$4,98 \pm 0,34$	$5,59 \pm 0,38$	107
Туркмены всех племен			$91,86 \pm 0,12$	$5,29 \pm 0,09$	$5,75 \pm 0,10$	1845

Туркмены—мужчины
Высота лица морфологическая

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$z \pm m(z)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$130,20 \pm 0,54$	$6,87 \pm 0,38$	$5,28 \pm 0,29$	163
"	Мары	Ошанин, 1929	$126,00 \pm 0,54$	$7,63 \pm 0,88$	$6,11 \pm 0,31$	152
Гоклен	Долина Сумбара	"	$127,00 \pm 0,55$	$6,82 \pm 0,39$	$5,36 \pm 0,31$	155
Иомуд	Казанджик	"	$127,00 \pm 0,56$	$6,80 \pm 0,39$	$5,36 \pm 0,31$	150
"	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$132,42 \pm 1,06$	$6,99 \pm 0,75$	$5,28 \pm 0,57$	43
"	Хорезм	Ярхо, 1931	$130,42 \pm 0,59$	$6,24 \pm 0,42$	$4,78 \pm 0,33$	106 200
Чаудыр	"	"	$133,90 \pm 0,48$	$6,72 \pm 0,34$	$5,06 \pm 0,25$	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$128,70 \pm 0,54$	$7,60 \pm 0,38$	$5,90 \pm 0,30$	
"	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$129,64 \pm 0,66$	$7,05 \pm 0,47$	$5,44 \pm 0,36$	113
Баят	Чарджоу	"	$130,33 \pm 0,84$	$6,24 \pm 0,59$	$4,79 \pm 0,46$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	"	$129,97 \pm 0,64$	$6,90 \pm 0,46$	$5,81 \pm 0,35$	114
Салыр	Серахс	" 1956	$125,71 \pm 0,40$	$6,84 \pm 0,28$	$5,44 \pm 0,22$	288
Ата	"	"	$124,54 \pm 0,70$	$7,35 \pm 0,49$	$5,90 \pm 0,40$	110
Туркмены всех племен			$128,32 \pm 0,17$	$7,38 \pm 0,12$	$5,75 \pm 0,09$	1854

Туркмены -- мужчины
Скуловой диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$141,19 \pm 0,45$	$5,81 \pm 0,32$	$4,12 \pm 0,23$	165
"	Мары	Ошанин, 1929	$139,00 \pm 0,38$	$5,33 \pm 0,27$	$3,82 \pm 0,19$	200
Гоклен	Долина Сумбара	"	$138,00 \pm 0,35$	$4,41 \pm 0,25$	$3,19 \pm 0,18$	155
Иомуд	Казанджик	"	$140,00 \pm 0,43$	$5,25 \pm 0,30$	$3,75 \pm 0,21$	150
"	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$140,81 \pm 0,73$	$4,80 \pm 0,52$	$3,40 \pm 0,37$	43
"	Хорезм	Ярхо, 1930	$138,16 \pm 0,44$	$4,65 \pm 0,31$	$3,37 \pm 0,23$	106
Чаудыр	"	"	$141,82 \pm 0,34$	$4,80 \pm 0,24$	$3,38 \pm 0,17$	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$140,21 \pm 0,38$	$5,35 \pm 0,27$	$3,82 \pm 0,19$	199
"	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$141,13 \pm 0,49$	$5,28 \pm 0,35$	$3,74 \pm 0,25$	113
Баят	Чарджоу	"	$140,65 \pm 0,53$	$3,96 \pm 0,38$	$2,81 \pm 0,27$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	"	$138,04 \pm 0,55$	$5,94 \pm 0,39$	$4,30 \pm 0,28$	114
Салыр	Серахс	" 1956	$138,07 \pm 0,29$	$5,07 \pm 0,21$	$3,67 \pm 0,15$	289
Ата	"	"	$139,18 \pm 0,49$	$5,16 \pm 0,34$	$3,70 \pm 0,24$	110
Туркмены всех племен			$139,62 \pm 0,12$	$5,26 \pm 0,09$	$3,77 \pm 0,06$	1855

Таблица 109

Туркмены — мужчины
Наименьший лобный диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$106,85 \pm 0,35$	$4,50 \pm 0,25$	$4,21 \pm 0,23$	165
"	Мары	Ошанин, 1929	$109,14 \pm 0,30$	$4,30 \pm 0,21$	$3,94 \pm 0,20$	200
Гоклен	Долина Сумбара	"	$108,95 \pm 0,31$	$3,89 \pm 0,22$	$3,57 \pm 0,20$	155
Иомуд	Казанджик	"	$110,90 \pm 0,37$	$4,54 \pm 0,26$	$4,09 \pm 0,24$	150
"	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$105,88 \pm 0,76$	$4,95 \pm 0,54$	$4,68 \pm 0,51$	43
"	Хорезм	Ярхо, 1930	$104,97 \pm 0,38$	$3,97 \pm 0,27$	$3,74 \pm 0,26$	105
Чаудыр	"	"	$107,30 \pm 0,29$	$4,02 \pm 0,21$	$3,75 \pm 0,19$	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$104,39 \pm 0,33$	$4,61 \pm 0,23$	$4,42 \pm 0,22$	200
"	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$105,26 \pm 0,43$	$4,56 \pm 0,30$	$4,33 \pm 0,29$	113
Баят	Чарджоу	"	$104,72 \pm 0,51$	$3,81 \pm 0,36$	$3,63 \pm 0,34$	55
Туркмены всех племен			$107,18 -$	—	—	1388

Таблица 110

Туркмены — мужчины
Нижнечелюстной диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$111,03 \pm 0,46$	$5,92 \pm 0,33$	$5,33 \pm 0,30$	164
•	Мары	Ошанин, 1929	$109,84 \pm 0,29$	$5,71 \pm 0,41$	$5,20 \pm 0,26$	194
Гоклен	Долина Сумбара	•	$108,25 \pm 0,51$	$6,04 \pm 0,36$	$5,58 \pm 0,33$	140
Иомуд	Казанджик	•	$108,10 \pm 0,54$	$6,57 \pm 0,38$	$6,08 \pm 0,35$	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$111,53 \pm 1,01$	$6,62 \pm 0,72$	$5,93 \pm 0,63$	43
•	Хорезм	Ярхо, 1931	$107,89 \pm 0,52$	$5,28 \pm 0,37$	$4,89 \pm 0,28$	150
Чаудыр	•	•	$111,58 \pm 0,40$	$5,65 \pm 0,28$	$5,08 \pm 0,26$	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$108,80 \pm 0,43$	$6,11 \pm 0,31$	$5,62 \pm 0,28$	198
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$110,63 \pm 0,55$	$5,91 \pm 0,39$	$5,34 \pm 0,36$	113
Баят	Чарджоу	•	$112,28 \pm 0,73$	$5,52 \pm 0,52$	$4,91 \pm 0,46$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	$109,19 \pm 0,61$	$6,57 \pm 0,43$	$5,10 \pm 0,33$	114
Туркмены всех племен			$109,70 -$	—	—	1521

Таблица III

Туркмены—мужчины
Носовой указатель (нос. точка по нижнему краю бровей)

Племена	Р а й о н ы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$60,49 \pm 0,45$	$5,73 \pm 0,32$	$9,47 \pm 0,53$	163
"	Мары	Ошанин, 1929	$64,81 \pm 0,48$	$6,57 \pm 0,34$	$10,42 \pm 0,52$	199
Гоклен	Долина Сумбара	"	$61,47 \pm 0,47$	$5,92 \pm 0,34$	$9,63 \pm 0,55$	156
Иомуд	Казанджик	"	$63,74 \pm 0,48$	$5,97 \pm 0,34$	$9,37 \pm 0,54$	150
"	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$62,72 \pm 0,92$	$6,02 \pm 0,65$	$9,91 \pm 1,07$	43
"	Хорезм	Ярхо, 1931	$60,92 \pm 0,61$	$6,34 \pm 0,43$	$10,41 \pm 0,71$	107
Чаудыр	"	"	$60,43 \pm 0,36$	$5,04 \pm 0,26$	$8,34 \pm 0,42$	199
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$60,28 \pm 0,39$	$5,46 \pm 0,27$	$9,03 \pm 0,46$	198
"	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$63,02 \pm 0,61$	$6,46 \pm 0,43$	$10,25 \pm 0,68$	113
Баят	Чарджоу	"	$61,23 \pm 0,90$	$6,68 \pm 0,64$	$10,90 \pm 1,04$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	"	$60,94 \pm 0,58$	$6,32 \pm 0,41$	$10,37 \pm 0,76$	114
Туркмены всех племен			$61,83 -$	$- -$	$- -$	1497

Таблица 112

Туркмены—мужчины

Длина носа (нос. точка по нижнему краю бровей)

Племена	Р а й о н ы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$58,99 \pm 0,31$	$3,93 \pm 0,22$	$6,75 \pm 0,37$	165
•	Мары	Ошанин, 1929	$55,67 \pm 0,29$	$4,10 \pm 0,21$	$7,36 \pm 0,37$	199
Гохлен	Долина Сумбара	•	$57,55 \pm 0,36$	$4,39 \pm 0,25$	$7,63 \pm 0,44$	153
Иомуд	Казанджик	•	$56,68 \pm 0,35$	$4,20 \pm 0,25$	$7,41 \pm 0,43$	148
•	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$59,07 \pm 0,61$	$4,02 \pm 0,48$	$6,80 \pm 0,74$	43
•	Хорезм	Ярхо, 1931	$59,51 \pm 0,37$	$3,95 \pm 0,26$	$6,55 \pm 0,45$	107
Чаудыр	•	•	$59,64 \pm 0,28$	$3,87 \pm 0,20$	$6,40 \pm 0,33$	199
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$60,96 \pm 0,32$	$4,56 \pm 0,23$	$7,48 \pm 0,38$	200
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$58,80 \pm 0,37$	$3,92 \pm 0,26$	$6,67 \pm 0,44$	113
Баят	Чарджоу	•	$60,52 \pm 0,58$	$4,34 \pm 0,41$	$7,23 \pm 0,69$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	$59,86 \pm 0,47$	$5,10 \pm 0,33$	$8,51 \pm 0,56$	114
Туркмены всех племен			$58,67$ —	— —	— —	1496

Туркмены—мужчины

Ширина носа

Племена	Р а й о н ы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$35,94 \pm 0,19$	$2,49 \pm 0,13$	$7,02 \pm 0,39$	165
"	Мары	Ошанин, 1929	$35,27 \pm 0,19$	$2,64 \pm 0,13$	$7,49 \pm 0,38$	199
Гоклен	Долина Сумбара	"	$35,12 \pm 0,20$	$2,48 \pm 0,14$	$7,08 \pm 0,40$	154
Иомуд	Казанджик	"	$35,97 \pm 0,24$	$2,89 \pm 0,17$	$8,03 \pm 0,47$	149
"	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$35,74 \pm 0,42$	$2,72 \pm 0,30$	$7,61 \pm 0,82$	43
"	Хорезм	Ярхо, 1931	$35,80 \pm 0,39$	$2,98 \pm 0,20$	$8,82 \pm 0,57$	107
Чаудыр	"	"	$35,85 \pm 0,18$	$2,46 \pm 0,13$	$6,86 \pm 0,34$	199
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$36,57 \pm 0,20$	$2,81 \pm 0,14$	$7,69 \pm 0,39$	200
"	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$37,08 \pm 0,28$	$3,00 \pm 0,19$	$8,09 \pm 0,54$	113
Баят	Чарджоу	"	$37,52 \pm 0,57$	$4,24 \pm 0,40$	$11,30 \pm 1,09$	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	"	$36,28 \pm 0,27$	$2,96 \pm 0,19$	$7,33 \pm 0,48$	114
Туркмены всех племен			$36,00$ —	— —	— —	1492

Туркмены — мужчины

Длина тела

Племена	Р а й о н ы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$170,53 \pm 0,51$	$6,50 \pm 0,36$	$3,81 \pm 0,21$	163
•	Мары	Ошанин, 1929	$169,66 \pm 0,36$	$5,14 \pm 0,25$	$3,02 \pm 0,15$	200
Гоклен	Долина Сумбара	•	$168,50 \pm 0,44$	$5,41 \pm 0,31$	$3,21 \pm 0,18$	155
Иомуд	Казанджик	•	$168,46 \pm 0,54$	$6,66 \pm 0,38$	$3,95 \pm 0,23$	150
•	Каракумы	Елистратов и Шмаков, 1936	$169,15 \pm 1,20$	$7,88 \pm 0,85$	$4,65 \pm 0,50$	43
•	Хорезм	Ярхо, 1931	$166,37 \pm 0,56$	$5,88 \pm 0,40$	$5,53 \pm 0,24$	105
Чаудыр	•	•	$166,42 \pm 0,40$	$5,55 \pm 0,23$	$3,33 \pm 0,17$	208
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	$166,83 \pm 0,40$	$5,58 \pm 0,29$	$3,35 \pm 0,17$	190
•	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов 1955	$167,24 \pm 0,61$	$6,09 \pm 0,43$	$3,58 \pm 0,26$	101
Баят	Чарджоу	•	$165,50 \pm 0,90$	$6,12 \pm 0,64$	$3,69 \pm 0,59$	46
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	•	$169,16 \pm 0,64$	$6,63 \pm 0,45$	$3,91 \pm 0,26$	106
Салыр	Серахс	• 1956	$167,75 \pm 0,38$	$6,39 \pm 0,27$	$3,81 \pm 0,16$	275
Ата	•	•	$167,63 \pm 0,54$	$5,49 \pm 0,38$	$3,27 \pm 0,23$	100
Туркмены всех племен			$167,93 \pm 0,14$	$6,08 \pm 0,10$	$3,62 \pm 0,06$	1799

Таблица 115

Туркмены—женщины

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	Наличие эпикантуса в %	Горизонтальный профиль лица	Высота переносы	Поперечный профиль спинки носа	Общий профиль спинки носа	Положение стенок носа	Положение глазного яблока	Надбровья	Лобные бугры	Цвет глаз	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	27,00	1,80	2,01	—	1,80	2,02	2,00	—	—	1,04	100
Гоклен	Долина Сумбара	.	20,00	1,76	2,02	—	1,90	2,05	2,04	—	—	1,02	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	7,41	2,31	2,00	2,00	2,08	2,03	1,97	1,05	1,28	1,16	39
Баят	Чарджоу	.	1,59	2,21	1,95	2,02	1,89	2,02	1,92	1,03	1,38	1,16	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	6,06	2,29	1,98	2,00	2,18	2,05	1,97	1,02	1,74	1,17	280
Салыр	Серахс	. 1956	4,83	2,20	2,00	2,24	2,14	2,01	1,88	—	—	1,01	207
Туркменки всех племен			10,15	2,22	2,00	2,06	2,10	2,03	1,96	1,03	1,55	1,08	789

Туркмены—женщины
Головной указатель

Таблица 116

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\bar{z} \pm m(\bar{z})$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	$74,50 \pm 0,28$	$2,80 \pm 0,20$	$3,76 \pm 0,27$	100
Гоклен	Долина Сумбара	"	$77,40 \pm 0,28$	$2,80 \pm 0,20$	$3,62 \pm 0,26$	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$77,48 \pm 0,56$	$3,48 \pm 0,39$	$4,49 \pm 0,51$	39
Баят	Чарджоу	"	$77,18 \pm 0,33$	$2,60 \pm 0,23$	$3,37 \pm 0,30$	62
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	"	$75,06 \pm 0,15$	$2,66 \pm 0,11$	$3,41 \pm 0,14$	279
Салыр	Серахс	" 1956	$72,70 \pm 0,19$	$2,67 \pm 0,13$	$3,65 \pm 0,18$	194
Туркменки всех племен			$74,88$ —	— —	— —	774

Продольный диаметр головы

Таблица 117

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	$182,00 \pm 0,60$	$6,00 \pm 0,42$	$3,30 \pm 0,23$	100
Гоклен	Долина Сумбара	"	$182,00 \pm 0,66$	$6,60 \pm 0,47$	$3,63 \pm 0,26$	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$185,15 \pm 1,01$	$6,33 \pm 0,72$	$3,42 \pm 0,39$	39
Баят	Чарджоу	"	$183,62 \pm 0,58$	$4,59 \pm 0,41$	$2,49 \pm 0,22$	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	"	$186,26 \pm 0,35$	$5,94 \pm 0,25$	$3,18 \pm 0,13$	279
Салыр	Серахс	" 1956	$188,42 \pm 0,40$	$5,58 \pm 0,28$	$2,96 \pm 0,15$	194
Туркменки всех племен			$185,25$ —	— —	— —	775

Туркмены--женщины
Поперечный диаметр головы

Таблица 118

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	$139,00 \pm 0,51$	$5,10 \pm 0,36$	$3,67 \pm 0,26$	100
Гоклен	Долина Сумбара	.	$141,00 \pm 0,48$	$4,80 \pm 0,34$	$3,40 \pm 0,24$	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$142,94 \pm 0,75$	$4,68 \pm 0,53$	$3,27 \pm 0,37$	39
Баят	Чарджоу	.	$141,62 \pm 0,98$	$7,80 \pm 0,70$	$5,51 \pm 0,49$	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$139,70 \pm 0,25$	$4,26 \pm 0,17$	$3,04 \pm 0,13$	279
Салыр	Серахс	. 1956	$136,99 \pm 0,33$	$4,70 \pm 0,23$	$3,36 \pm 0,17$	194
Туркменки всех племен			$139,48$ —	— —	— —	775

Указатель лица морфологический

Таблица 119

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$90,47 \pm 0,77$	$4,80 \pm 0,54$	$5,30 \pm 0,60$	39
Баят	Чарджоу	.	$90,29 \pm 0,67$	$5,31 \pm 0,47$	$5,87 \pm 0,52$	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$92,09 \pm 0,30$	$5,07 \pm 0,21$	$5,50 \pm 0,23$	279
Салыр	Серахс	. 1956	$88,76 \pm 0,31$	$4,47 \pm 0,22$	$5,03 \pm 0,24$	194
Туркменки всех племен			$90,25$ —	— —	— —	374

Туркмены—женщины
Высота лица морфологическая

Таблица 120

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$120,55 \pm 0,81$	$5,25 \pm 0,59$	$4,35 \pm 0,49$	39
Баят	Чарджоу	.	$120,58 \pm 0,81$	$6,42 \pm 0,57$	$5,32 \pm 0,47$	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$120,00 \pm 0,40$	$6,75 \pm 0,28$	$5,62 \pm 0,23$	279
Салыр	Серахс	. 1956	$117,13 \pm 0,43$	$6,03 \pm 0,30$	$5,14 \pm 0,26$	194
Туркменки всех племен			119,14 —	— —	— —	575

Скуловой диаметр

Таблица 121

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	$128,00 \pm 0,67$	$6,70 \pm 0,47$	$5,23 \pm 0,37$	100
Гоклен	Долина Сумбара	.	$128,00 \pm 0,54$	$5,40 \pm 0,38$	$4,22 \pm 0,30$	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$133,00 \pm 0,76$	$4,74 \pm 0,54$	$3,56 \pm 0,40$	39
Баят	Чарджоу	.	$133,39 \pm 0,57$	$4,50 \pm 0,40$	$3,37 \pm 0,30$	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$131,23 \pm 0,27$	$4,65 \pm 0,19$	$3,54 \pm 0,14$	279
Салыр	Серахс	. 1956	$131,32 \pm 0,34$	$4,80 \pm 0,24$	$3,65 \pm 0,18$	194
Туркменки всех племен			130,89 —	— —	— —	775

Таблица 122

Туркмены — женщины
Наименьший лобный диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$105,53 \pm 0,68$	$4,23 \pm 0,48$	$4,01 \pm 0,46$	39
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$105,83 \pm 0,24$	$4,11 \pm 0,17$	$3,88 \pm 0,16$	279
Салыр	Серахс	. 1956	$102,05 \pm 0,84$	$4,83 \pm 0,24$	$4,73 \pm 0,23$	194
Туркменки всех племен			$104,19$ —	— —	— —	512

Нижнечелюстной диаметр

Таблица 123

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$102,62 \pm 0,73$	$4,59 \pm 0,52$	$4,47 \pm 0,51$	39
Баят	Чарджоу	.	$102,17 \pm 0,61$	$4,83 \pm 0,43$	$4,73 \pm 0,42$	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$101,03 \pm 0,26$	$4,47 \pm 0,18$	$4,42 \pm 0,18$	279
Туркменки всех племен			$101,88$ —	— —	— —	381

Таблица 124

Туркмены—женщины
Длина носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$54,52 \pm 0,68$	$4,26 \pm 0,48$	$7,81 \pm 0,88$	39
Баят	Чарджоу	.	$54,78 \pm 0,52$	$4,12 \pm 0,37$	$7,52 \pm 0,67$	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$54,92 \pm 0,26$	$4,38 \pm 0,18$	$7,97 \pm 0,33$	279
Туркменки всех племен			$54,86$ —	— —	— —	381

Ширина носа

Таблица 125

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$33,64 \pm 0,49$	$8,04 \pm 0,34$	$9,03 \pm 1,02$	39
Баят	Чарджоу	.	$33,84 \pm 0,36$	$2,90 \pm 0,26$	$8,57 \pm 0,76$	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$32,58 \pm 0,14$	$2,44 \pm 0,10$	$7,48 \pm 0,31$	279
Туркменки всех племен			$32,90$ —	— —	— —	381

Туркмены—женщины
Носовой указатель (нос. точка по нижнему краю бровей)

Таблица 126

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$61,14 \pm 0,89$	$5,60 \pm 0,63$	$8,87 \pm 1,00$	39
Баят	Чарджоу	.	$61,92 \pm 0,78$	$6,18 \pm 0,55$	$9,98 \pm 0,90$	62
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$59,71 \pm 0,36$	$6,10 \pm 0,15$	$10,21 \pm 0,44$	279
Туркменки всех племен			$60,42$ —	— —	— —	380

Таблица 127

Длина тела

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	$M \pm m(M)$	$\sigma \pm m(\sigma)$	$V \pm m(V)$	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	$156,00 \pm 0,58$	$5,70 \pm 0,41$	$3,65 \pm 0,26$	98
Гоклен	Долина Сумбара	.	$154,00 \pm 0,56$	$5,50 \pm 0,39$	$3,57 \pm 0,26$	97
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Студенты САГУ, рук. Наджимов, 1955	$154,37 \pm 0,74$	$4,62 \pm 0,52$	$2,99 \pm 0,34$	39
Баят	Чарджоу	.	$154,57 \pm 0,63$	$4,53 \pm 0,44$	$2,93 \pm 0,29$	52
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	.	$155,72 \pm 0,31$	$5,78 \pm 0,22$	$3,49 \pm 0,14$	274
Салыр	Серахс	. 1956	$154,22 \pm 0,37$	$5,22 \pm 0,26$	$3,38 \pm 0,17$	189
Туркменки всех племен			$154,99$ —	— —	— —	749

ЛИТЕРАТУРА

1. По антропологии

1. Богданов А. П., О могильниках скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов. Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологическая выставка 1879 г., т. III, часть I, вып. 3. М., 1880.
2. Гинзбург В. В., Антропологический состав населения Западного Памира, По материалам Н. В. Богоявленского, Антропол. журнал, 1937, № 1.
3. Гинзбург В. В., Горные таджики, Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза, Изд. АН СССР, М.-Л., 1937.
4. Гинзбург В. В., Таджики предгорий, Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, XII, 1949.
5. Гинзбург В. В., Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, Материалы и исследования по археологии СССР, т. 15, Согдийско-таджикская археологическая экспедиция, т. 1, М.—Л., 1950.
6. Дебец Г. Ф., Данные антропологии о происхождении туркмен, Советская этнография, Сборник статей, VI—VII, 1947.
7. Дебец Г. Ф., Палеоантропология СССР, АН СССР, Труды Института этнографии, IV, 1948.
8. Зезенкова В. Я., К вопросу об антропологическом типе туркмен Самаркандской и Бухарской областей, Бюллетень АН Узб. ССР, 1945, № 4.
9. Зезенкова В. Я., Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении, В Сборнике Ошанин и Зезенкова, «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Институт истории АН Узб. ССР, Ташкент, 1953.
10. Ивановский А. А., Черепа из могильников осетии, Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, том XXI, Труды антропологического отдела, т. XIII, Дневник антропологического отдела, вып. 5, М., 1891.
11. Левин М. Г., Деформация головы у туркмен, Советская этнография, Сборник статей, VI—VII, АН СССР, 1937.
12. Масловский С., Гальча, Русск. антропол. журнал, 1902, № 2.
13. Наджимов К., О черепях Зливкинского могильника, Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XXIV, 1955.
14. Ошанин Л. В., Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркменского народа, Известия Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926.
15. Ошанин Л. В., Киргизы южного побережья Иссык-Куля, В сборнике: «В. В. Бартольд, Туркестанские друзья, ученики и почитатели», Об-во изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, Ташкент, 1927.
16. Ошанин Л. В., Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен, Известия Средазкомстариса, вып. IV, Ташкент, 1928.

17. Ошанин Л. В., Узбеки Хорезма, часть I, Бюллетень Среднеазиатского гос. университета, № 16, Ташкент, 1928; Часть II, Бюллетень САГУ, № 17, Ташкент, 1929.
18. Ошанин Л. В., Иранские племена Западного Памира, Сравнительно-антропологическое исследование, Тр. Узбекского Института экспериментальной медицины, т. I, Ташкент, 1937.
19. Ошанин Л. В., Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен, Известия АН Туркм. ССР, № 4, Ашхабад, 1952.
20. Ошанин Л. В., Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии. В сборнике: Ошанин и Зезенкова, «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Институт истории АН Узб. ССР, Ташкент, 1953.
21. Ошанин Л. В., К проблеме этногенеза уйгуров, В сборнике: Ошанин и Зезенкова «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Институт истории АН Узб. ССР, Ташкент, 1953.
22. Трофимова Т. А., Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, Советская этнография, 1946, № 1.
23. Чебоксаров Н. Н., Основные принципы антропологических классификаций, В сборнике: «Происхождение человека и раннее расселение человечества», Тр. Института этнографии АН СССР, том XVI, 1951.
24. Ярхо А. И., Туркмены Хорезма и Северного Кавказа, Антропологический журнал, 1933, № 1—2.
25. Ярхо А. И., Антропологический состав турецких народностей Средней Азии (предварительное сообщение), Антропол. журнал, 1933, № 3.
26. Ярхо А. И., Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934), Антропол. журнал, 1936, № 1.
27. Яцута К. З., Об искусственно деформированных черепах на юге России, Известия Донского университета, 1922, Отдельный оттиск.

II. По истории и археологии

28. Абулгази Богадур Хан, Родословная туркмен, Перев. А. Туманского, Ашхабад, 1897.
29. Азатьян А. А., А. П. Федченко, Географ и путешественник, Географиз, 1955.
30. Аристов Н. А., Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, Живая старина, Отдел этнографии Русского географ. об-ва, вып. III—IV, СПб, 1896.
31. Аристов Н. А., Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям, Русск. антропол. журнал, кн. IX, 1902.
32. Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, часть вторая, Исследование, СПб, 1900.
33. Бартольд В. В., Историко-географический обзор Ирана, СПб, 1903.
34. Бартольд В. В., История Туркестана, Тр. Туркестанского гос. университета, Вып. II, Ташкент, 1922.
35. Бартольд В. В., Иран, Исторический обзор, Ташкент, 1926.
36. Бартольд В. В., История культурной жизни Туркестана, Изд. АН СССР, Л., 1927.
37. Бартольд В. В., История турецко-монгольских народов, Изд. Казахского педагогического института, Ташкент, 1928.

38. Бартольд В. В., Очерк истории туркменского народа, Отдельный оттиск из сборника «Туркмения» 1, 1929.
39. Беленицкий А. М., Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X века, Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, Труды согдийско-таджикской археологической экспедиции, т. I, М.—Л., 1950.
40. Беленицкий А. М., Работы Вахшского отряда в 1946 г., Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, Труды согдийско-таджикской археологической экспедиции, Том I, М.—Л., 1950.
41. Берг Л. В., История исследований Туркмении, Отдельный оттиск из сборника «Туркмения» 1, 1929.
42. Бернштам А. Н., Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Киргизский филиал АН СССР, Фрунзе, 1943.
43. Бернштам А. Н., Некоторые данные к этногенезу туркмен, Советская этнография, 1947, № 3.
44. Веселовский Н., Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб, 1877.
45. Гафуров Б. Г., История таджикского народа, Изд. 3, Госиздат политической литературы, М., 1955.
46. Гиппократ, О воздухе, водах и местностях, Избранные книги, перев. с греческого В. И. Руднева, Госиздат биологической и медицинской литературы, М., 1936.
47. Гордлевский В., Государство сельджукидов Малой Азии, АН СССР, М.—Л., 1941.
48. Древние авторы о Средней Азии, Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова, Ташкент, 1940.
49. Дьяконов М. М., Работы Кафирниганского отряда, Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, Труды согдийско-таджикской археологической экспедиции, т. I, АН СССР, М.—Л., 1950.
50. Дьяконов М. М., Древняя Бактрия, По следам древних культур, Госиздат культурпросветлитературы, М., 1954.
51. Иностранцев К. А., О домусульманской культуре Хивинского оазиса, Журнал Министерства народного просвещения, февраль, 1911.
52. История СССР, Макет, томы I и III—IV, На правах рукописи, АН СССР, 1939.
53. История народов Узбекистана, т. I, АН Узб. ССР, Ташкент, 1950.
54. История Узбекской ССР, Том I, книга первая, АН Узб. ССР, Ташкент, 1955.
55. История Туркменской ССР, Макет, т. I, АН Туркм. ССР, Ашхабад, 1955.
56. Карпов Г. И., Туркмены-огузы, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 1, 1945.
57. Карпов Г. И., Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану. I. Туркменские племена баят, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 3—4, 1945.
58. Карпов Г. И., Родовые тамги у туркмен, Известия Туркменского филиала АН СССР, № 3—4, 1945.
59. Карпов Г. И., К истории туркмен-сарыков, Туркменский филиал АН СССР, Ашхабад, 1945.
60. Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина, Таджикский филиал АН СССР, Госиздат Тадж. ССР, Сталинабад—Ленинград, 1941.
61. Косвен М. О., Амазонки, Советская этнография, № 1, 1947.
62. Латышев В. В., Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I, Греческие писатели, вып. I, СПб, 1903.

63. Литвинский Б. А., Археологическое изучение Таджикистана советской наукой, АН Тадж. ССР, Институт истории, археологии и этнографии, Труды, т. XXI, Сталинабад, 1954.
64. Материалы по истории Туркмении, т. I, АН СССР, М.—Л., 1939.
65. Мацулевич Л. А., Аланская проблема и этногенез Средней Азии, Советская этнография, Сборник статей VI—VII, АН СССР, М.—Л., 1947.
66. Очерки из истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв., На правах рукописи, Материалы для обсуждения, АН Туркм. ССР, Ашхабад, 1954.
67. Ошанин В. Ф., Алайская долина, Туркестанские ведомости №№ 1, 2 и 9, Ташкент, 1877.
68. Ошанин В. Ф., На верховьях Муксу, Туркестанские ведомости №№ 33, 37 и 43, Ташкент, 1879.
69. Ошанин В. Ф., На верховьях Муксу, Известия Русск. географического об-ва, т. XVI, 1880.
70. Ошанин В. Ф., Каратегин и Дарваз. Отдельный оттиск из Известий Русск. географ. об-ва, т. XVII, 1881.
71. Поло Марко, Путешествие, Перевод старо-французского текста И. П. Минаева под ред. В. В. Бартольда, Записки Русск. географического об-ва по отделу этнографии, т. XXVI, СПб, 1902.
72. Розенберг Ф. А., О согдийцах, Записки коллегии востоковедов Российской академии наук, I, Л., 1925.
73. Ростовцев М. И., Эллинизм и иранство на юге России, Изд. «Огни», П., 1918.
74. Семенов М. М., Ученая экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг., АН СССР, М.—Л., 1936.
75. Середонин С. М., Историческая география, Лекции, читанные профессором С. М. Середониным в Императ. Петроградском археологическом институте, Посмертное издание, П., 1916.
76. Согдийский сборник, АН СССР, 1934.
77. Толстов С. П., Города огузов, Советская этнография, 1947, № 3.
78. Якубовский А. Ю., Вопросы этногенеза туркмен в VIII—IX вв., Советская этнография, 1947, № 3.
79. Якубовский А. Ю., Вопросы этногенеза туркмен в VIII—IX вв., В сборнике: Очерки из истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв., АН Туркм. ССР, Ашхабад, 1954.

III. По этнографии

80. Акимбетов Ш., Очерки Когистана, Туркестанские ведомости, №№ 1, 2; Ташкент, 1881.
81. Андреев М. С. и Половцев А. А., Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, Ишкашим и Вахан, Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук, IX, СПб, 1911.
82. Андреев М. С., Экспедиция в Ягноб в 1927 г. под руководством М. С. Андреева, Бюллетень Средаз. гос. университета, 17, Ташкент, 1927.
83. Бобринский А. А., Горцы верховьев Пянджа, Ваханцы и ишкашимцы, Очерки быта, М., 1908.
84. Бурахан-Уд-Дин-Хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан, Перев. с персидского под ред. проф. А. А. Семенова, Об-во изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, Ташкент, 1926.

85. Вавилов Н. И. и Букин Д. Д., Земледельческий Афганистан, Л., 1929.
86. Гребенкин А., Заметки о Когистане, Туркестанские ведомости, №№ 21—27 и 30—32, Ташкент, 1872.
87. Зарубин И. И., Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга, Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. V, П., 1917.
88. Зарубин И. И., Список народностей Туркестанского края, Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, Вып. 9, АН СССР, Л., 1925.
89. Искандер-Тюрк (псевдоним А. Куна), Сведения о ягнаубском народе, К материалам для исследования ягнаубского языка, Туркестанские ведомости, №№ 3 и 4, Ташкент, 1881.
90. Кандауров А. Н., Некоторые материалы по этнографии таджиков, Советская этнография, 1935, № 6.
91. Кармышева Б. Х., Этнографический очерк животноводства у локайцев, Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XVII, 1952.
92. Кармышева Б. Х., К вопросу о происхождении локайцев, Советская этнография, 1955, № 4.
93. Кармышева Б. Х., Сведения об узбекских родах семиз и кесамир, Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, АН Тадж. ССР, Институт истории, археологии и этнографии, Труды, т. XVII, Сталинабад, 1953.
93. Кармышева Б. Х., Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, АН Тадж. ССР, Институт истории, археологии и этнографии, Труды, т. XVIII, Сталинабад, 1954.
95. Коротков Ф., Поездка в горы Фальгара, Ягноба и на Искандер-Куль, Туркестанские ведомости, №№ 30, 31, 32, Ташкент, 1877.
96. Маллицкий Н. Г., Ягнобцы, Известия Туркестанского отдела Русск. географ. Об-ва, т. XVII, 1924.
97. Маллицкий Н. Г., Учебное пособие по географии Таджикистана, Таджикское гос. изд-во, Ташкент—Сталинабад, 1929.
98. Материалы по районированию Средней Азии, Кн. 1, Территория и население Бухары и Хорезма, Часть I, Издание Комиссии по районированию Средней Азии, Ташкент, 1926.
99. Мошкова В. Г., Туркмены Самаркандской и Бухарской областей, Бюллетень № 4, АН Узб. ССР, Ташкент, 1945.
100. Писарчик А. К., Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года, Известия Таджикского филиала АН СССР, № 15, Сталинабад, 1949.
101. Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х., Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области, Известия АН Тадж. ССР, Отдел общественных наук, вып. 3, Сталинабад, 1953.
102. Статистический ежегодник, Под ред. О. П. Красновского, Центр. статистическое управление Туркеспублики, 1917—1923, Ташкент, 1924.
103. Туркестанский альбом, т. I, Часть этнографическая, Лит. военно-топографического отдела Туркестанского военного округа, 1871—1872.
104. Федченко А. П., Заметки о верхнем Зеравшане, Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. II, СПб, 1873.

IV По лингвистике

105. Бартольд В. В., К вопросу о языке согдийском и тохарском, Иран, т. I, Л., 1927.
106. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А., Документы из древней Нисы (датировка и анализ), Материалы Южно-туркменской комплексной археологической экспедиции (ЮТАКЭ), вып. 2, М.—Л., 1951.
107. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А., Парфянский архив из древней Нисы, Вестник древней истории, 1954, № 4.
108. Залеман Н. Г., Шугнанский словарь Д. Л. Иванова, Восточные заметки, Сборник, посвященный школе живых восточных языков в Париже, К 50-летию его столетнего юбилея (1795—1895), СПб., 1895.
109. Зарубин И. И., К характеристике мунджанского языка (из материалов по иранской диалектологии), Иран, I, АН СССР, Л., 1927.
110. Зарубин И. И., Вершикское наречие конджутского языка (очерки из диалектологии Гиндукуша), Заметки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, т. II, вып. 2, Ленинград, 1927.
111. Крачковский И. Ю., Очерки по истории русской арабистики, АН СССР, М.—Л., 1950.
112. Розенберг Ф. Э., Согдийские старые письма, К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии, Известия АН СССР, VII, Серия общественных наук, 5, Л., 1925.

V. Цитированная иностранная литература

113. Bunak V., The craniological Types of East Slavic Kurgans. Anthropologie, Tome X, 1932.
114. Buschan Georg, Illustrierte Völkerkunde. Band II. Stuttgart, 1923.
115. Capus G., Das Jagnau-Thal und seine Bewohner. Dr. A. Petermanns Mitteilungen. Bd. 29, 1883.
116. Coon Carleton Stevens, Tribes of the Rif. Harvard African Studies. Vol. IX. Peabody Museum of Harvard University. Cambridge Mass., USA, 1931.
117. Darwin Charles, The Descent of Man and Selection on Relation to Sex. Vol. II. London, 1871.
118. Gautio M., Compte de la mission au Turkestan russe. Académie des inscriptions et belles lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1913, Paris, 1914.
119. Geiger Wilhelm, Die Pamir-Dialekte. Grundriss der Iranischen Philologie. Erster Band, 2 Abteilung. Strassburg, 1890—1891.
120. Grierson Georg, Ichkatchimi, Zebaki and Jazgulami. Account of three iranian dialects. Preize Publication Fund. Vol. V. Royal Asiatic Society. London, 1920.
121. Junker Henrich, Drei Erzählungen aus Jagnobj. Sitzungsber. der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historischen Klasse. 14 Abteilung. Jahrgang, 1914.
122. Junker Henrich, Arische Forschungen. Jagnobj Studien. Abteilung der philosophisch-historischen Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften, Band XLI, Nr. II, Leipzig, 1930.
123. Joice T. A., On the physical anthropology of oases of Khotan and Kerlya. The Journal of anthropol. Instit. of Gr. Britain and Ireland, Vol. XXXIII, 1903.
124. Joice T. A., Notes of physical anthropology of Chinese Turkestan and Pamirs. In „Serindia“ by Sir Aurel Stein. Vol. III, Oxford, 1921.

125. Joice T. A., Notes on physical anthropology of Pamirs and Amu-Daria basin. The Journal of anthropol. Instit. of Gr. Britain and Ireland, 1926.
126. Lehmanns Reise nach Buchara and Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von G. Helmersen. Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches. Herausgegeben von K. E. Baer und G. Helmersen. St. Petersburg, 1852.
127. Meyndorf Georg, Voyage d'Orenburg à Bouchara fait en 1820 à travers les steppes qui s'étendent à l'est de la mer d'Aral et de l'ancien Iaxartes. Paris, 1826.
128. Olufsen D., The Emir of Bokhara and his Country. Journeys and Studies in Bokhara. London, 1911.
129. Pumpelly, Exploration in Turkestan, Expedition of 1904. The prehistoric civilisation of Anau. Vol. II, Washington, 1905.
130. Roulinson N. G., Bactria from the earliest Times to the Extinction of bactria-greek Rule in Pundjab. Bombay, 1909.
131. Schultz Arved, Die Pamir-Tadschiks Veröffentlichungen der Oberhessischen Museums. Abteilung der Völkerkunde, Heft I. Giessen 1914.
132. Stein Aurel, On ancient Central-Asian Trakes. Brief Narrative of three Expeditions in Innermost Asia and Western China. London, 1913.
133. Tomaschek Wilhelm, Centralasiatische Studien I. Sogdiana. Sitzungsberichte der philosophischen-historisch Classe der K. Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1877. Wien, 1878.
134. Tomaschek Wilhelm, Centralasiatische Studien II. Die Pamir-Dialekte. Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der K. Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1880, Heft III, Wien, 1880.
135. Ujfalvy de Mőso-Kovesd., Le Kohistan, le Ferghanah et Kokldja. Expédition scientifique française en Russie en Sibirie et dans le Turkestan. Paris, 1878.
136. Ujfalvy de Mőso-Kovesd., La langue des Jagnobis. Revue de linguistique et de philologie comparée. Tome XV. Paris, 1882.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ГЛАВА I

Этногенез таджиков и узбекских племен южного Таджикистана по данным сравнительной антропологии, истории и этнографии . . .	7
1. Пестрота этнического состава населения Южного Таджикистана. Комплексное антрополого-этнографическое исследование узбекских племен и таджиков	7
2. Соотношение европеоидных и монголоидных компонентов у таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана	10
3. Сравнение узбекских племен Южного Таджикистана по степени их монголоидности	12
4. Сопоставление результатов антропологического исследования с результатами археологических, исторических и этнографических исследований Южного Таджикистана	19

ГЛАВА II

Этногенез горных таджиков верховьев Зеравшана и ягнобцев по данным сравнительной антропологии, истории и лингвистики . . .	25
1. Положение населения Памира-Алая в ряду европеоидных и монголоидных рас Средней Азии	25
2. Изолированность таджиков верховьев Зеравшана и ягнобцев от равнин Среднеазиатского междуречья	30
3. Очерк истории исследований ягнобцев и ягнобского языка. Ягнобский язык-реликт языка согдийского	36
4. Вопрос о времени заселения бассейна верхнего Зеравшана согдийцами и вытеснение согдийского языка таджикским	40
5. Отличия антропологического типа ягнобцев от типа соседящих с ними горных таджиков	42

ГЛАВА III

Этногенез иранских племен Западного Памира по данным лингвистики, истории и сравнительной антропологии . . .	45
1. Иранские племена Западного Памира (общее определение)	45
2. Принадлежность племен Западного Памира к иранской лингвистической ветви и их диалектологические подразделения	46
3. Разобщенность отдельных племен и сведения об их численности	52
4. Эндогамность и редкость смешанных браков	54
5. Многовековая связь Западного Памира с территорией Бактрии (Афганистаном)	55

6. Сходство антропологического типа иранских племен Западного Памира с типом ягнобцев и таджиков Южного Таджикистана	60
--	----

ГЛАВА IV

Этногенез горных таджиков Каратегина и Дарваза по данным сравнительной антропологии	64
1. Естественные пути, по которым могло идти расселение согдийско-бактрийского элемента в Каратегине и Дарвазе	64
2. Таджики Каратегина и Дарваза как прямое продолжение согдийско-бактрийского пласта населения	67
3. Вопрос о примесях к таджикам Каратегина и Дарваза иных этнических элементов	68

ГЛАВА V

Антропологический состав туркмен и теория скифского (сакского) происхождения туркменского народа, основанная на данных палеоантропологии, сравнительной антропологии и истории	74
1. Антропологический состав современных туркменских племен	74
2. Данные палеоантропологии, свидетельствующие о глубокой древности обитания европеоидной расы на территории Туркмении	77
3. Древние скифо-сарматские племена Туркмении и вопрос об их языковой принадлежности	82
4. Вопрос о прародине туркменских-огузских племен	85
5. Исторические данные, свидетельствующие о долихоцефальном европеоидном типе туркмен-огузов во время обитания их в Хорезме в X веке	86
6. Изменение типа туркмен-огузов по мере их расселения в ареале европеоидов и сведения о скифо-сарматских племенах, предшествовавших гузам в низовьях Сыр- и Аму-Дарьи	91
7. Вопрос о времени начала процесса тюркизации по языку и монголизации по типу скифо-сарматских племен в Приаралье и скифских (сакских) племен в закаспийских степях	92
8. Время заселения огузами территории современной Туркмении и вопрос о принесенных ими расовых компонентах	96
9. Долихоцефальный европеоидный тип скифских племен юга России	98
10. О некоторых обычаях туркмен, общих с обычаями, практиковавшимися европейскими скифо-сарматами	103
11. Заключение	107
Приложение	111
Таблицы	
Литература	188
Фотографии расовых типов Средней Азии (вклейки)	

ФОТОГРАФИИ
РАСОВЫХ ТИПОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ

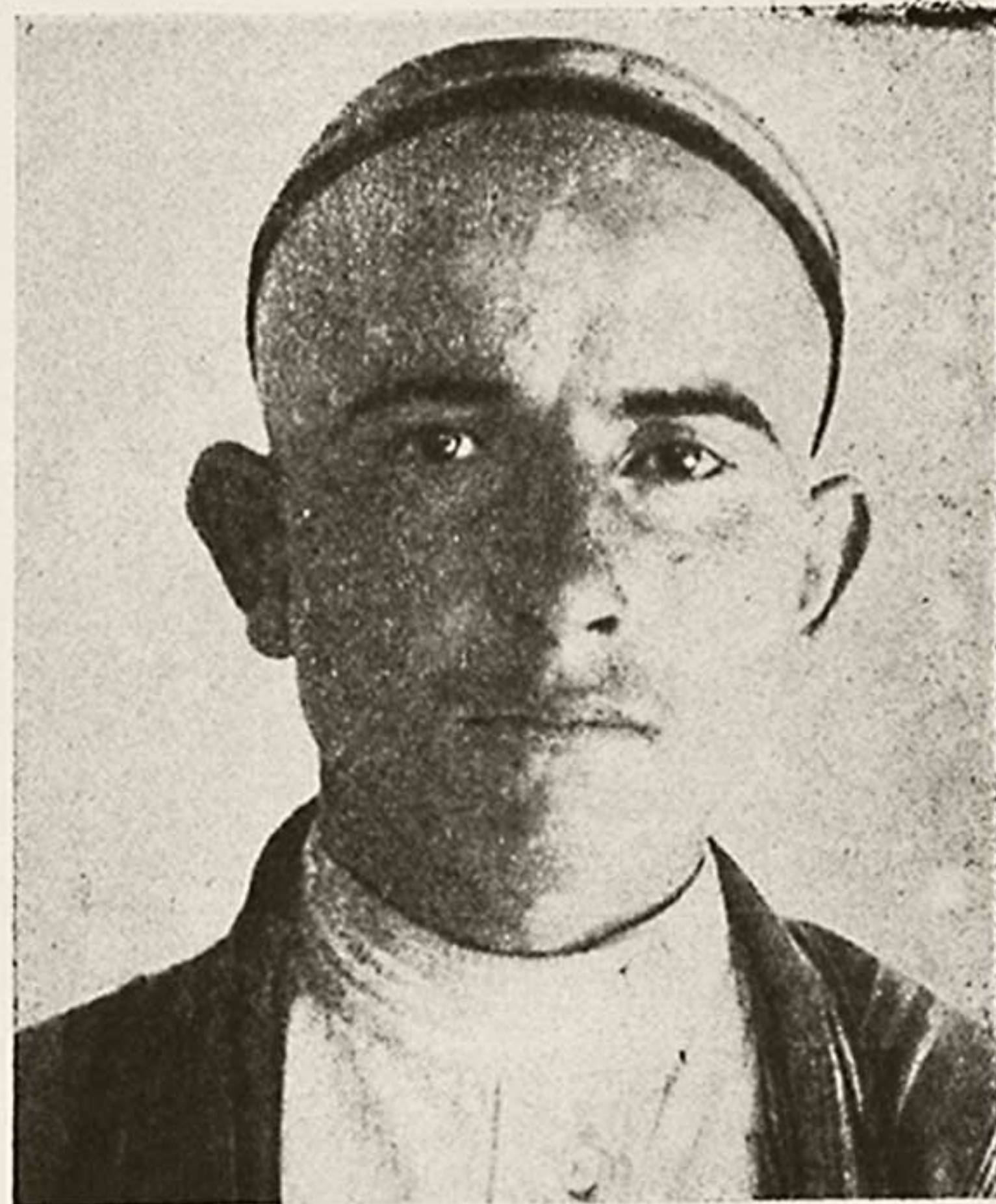

Фото 12 и 13. Европеонидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

Фото 14 и 15. Европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

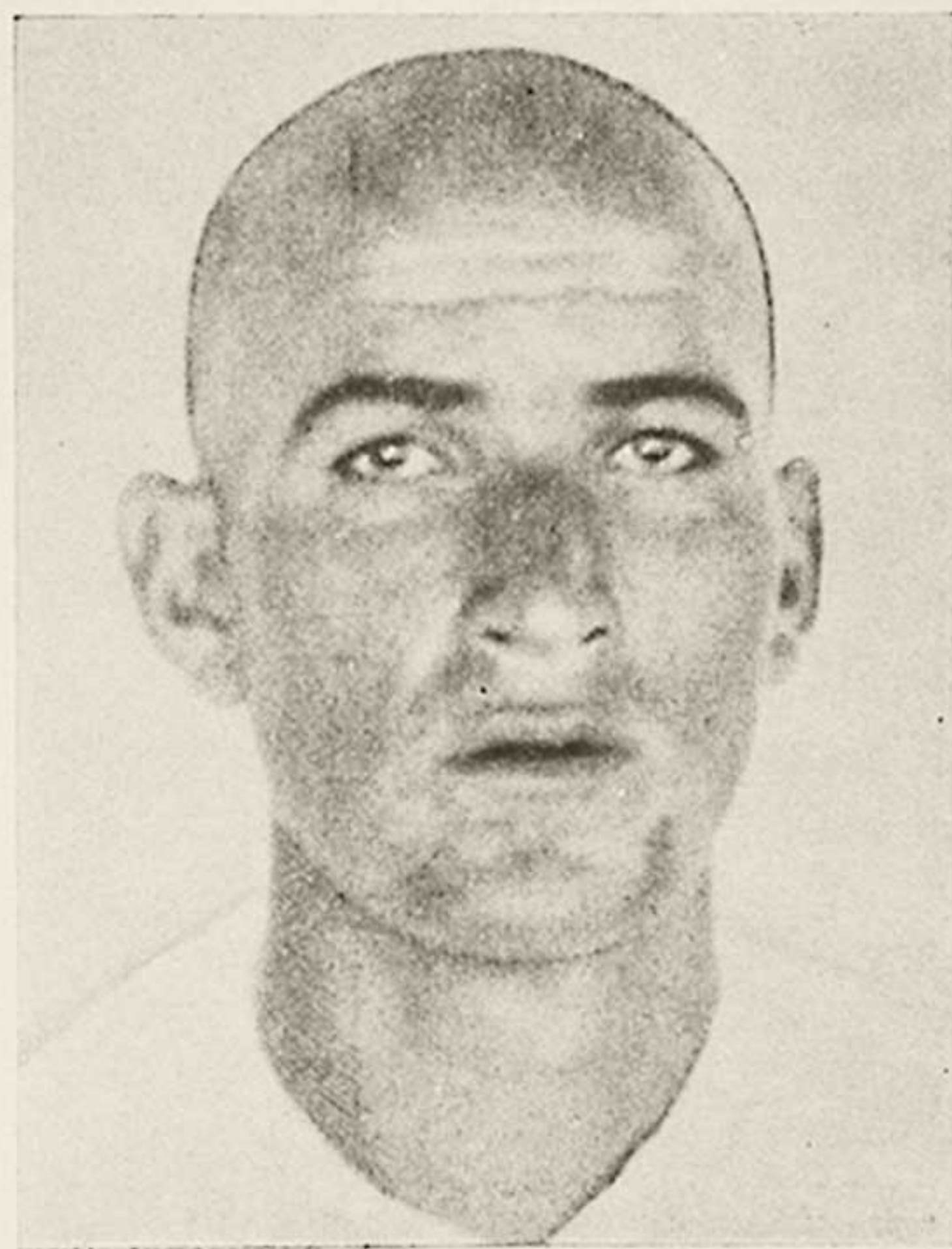
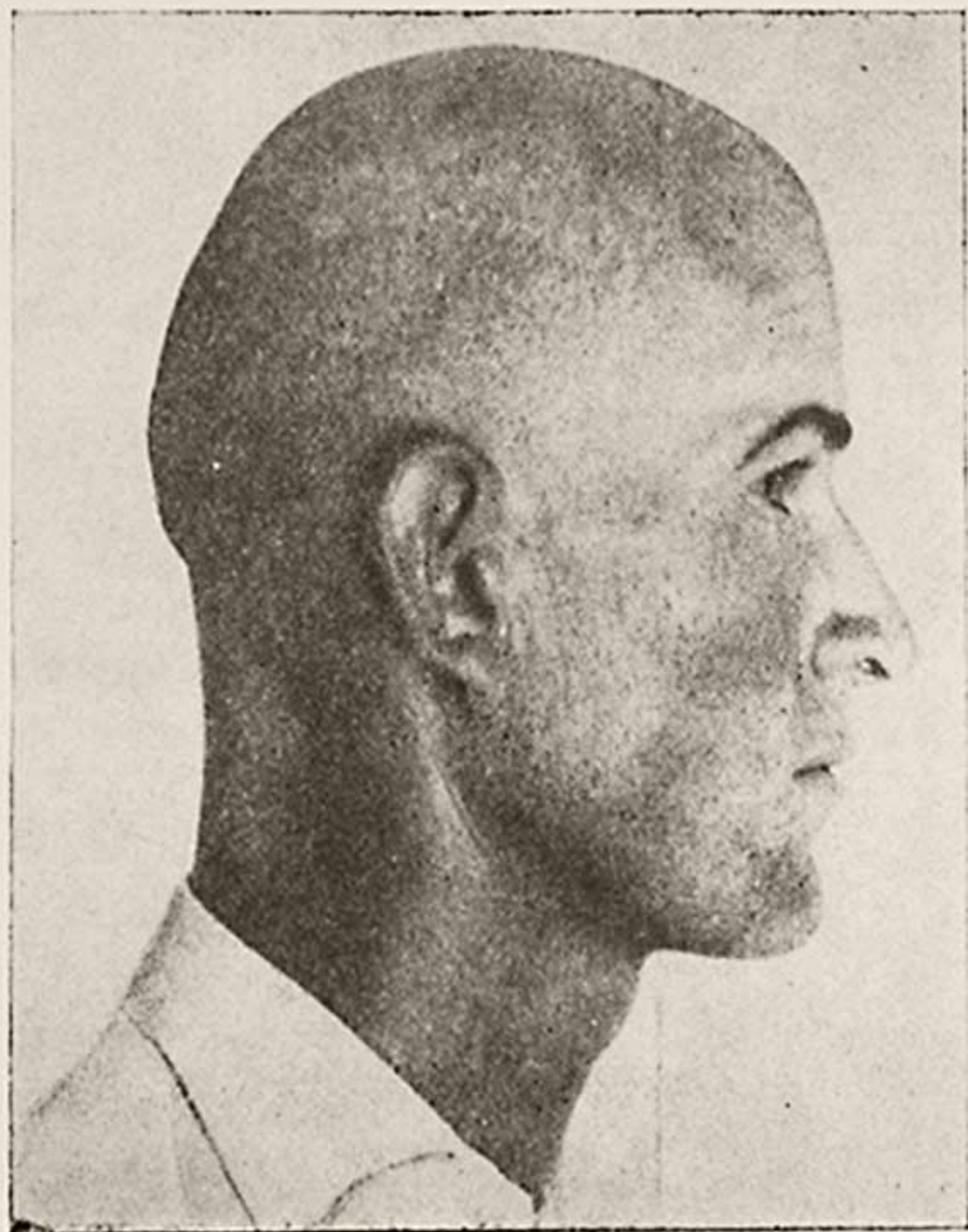

Фото 16 и 17. Европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

Таджик кишлака Захматабад на Зеравшане

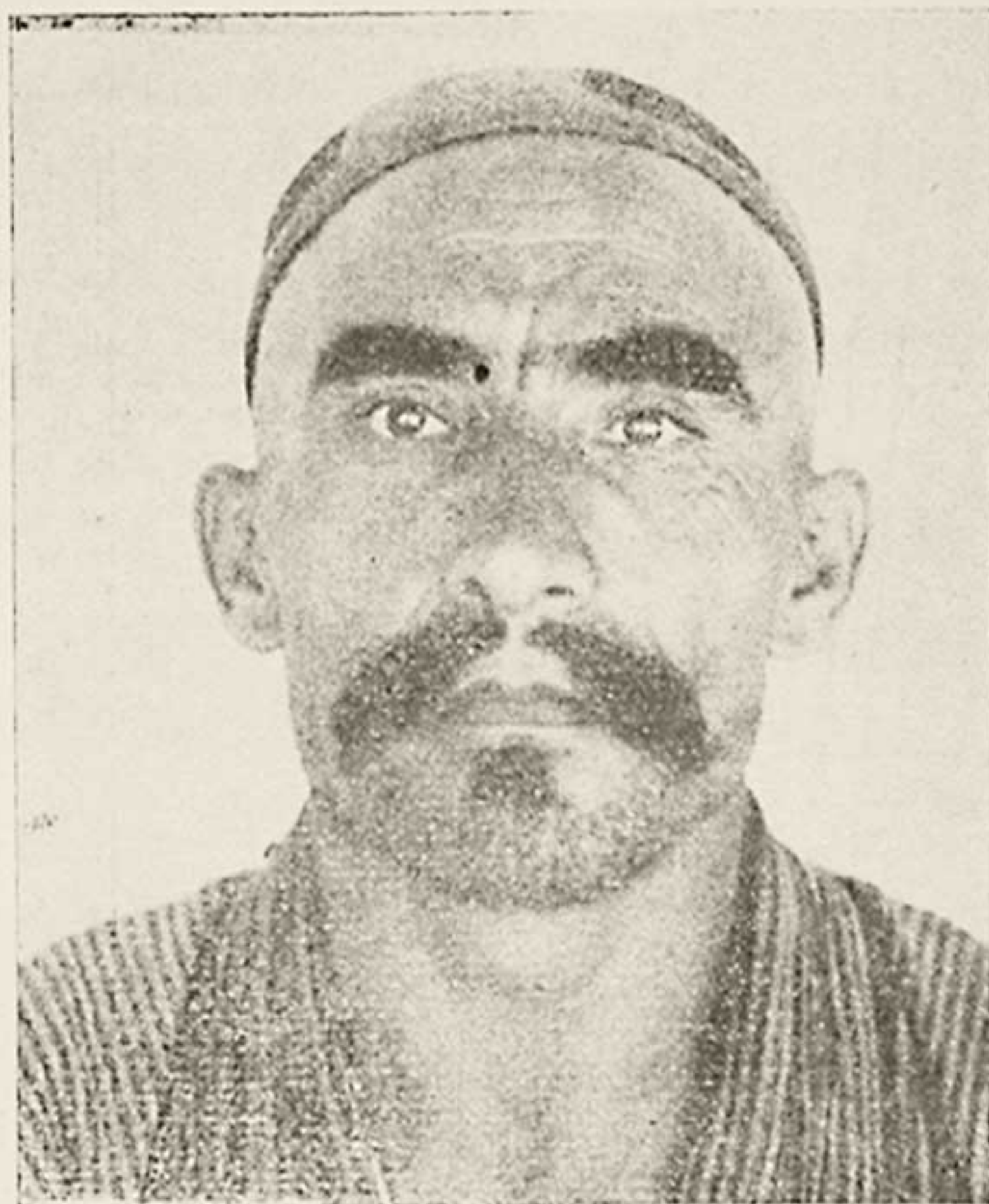
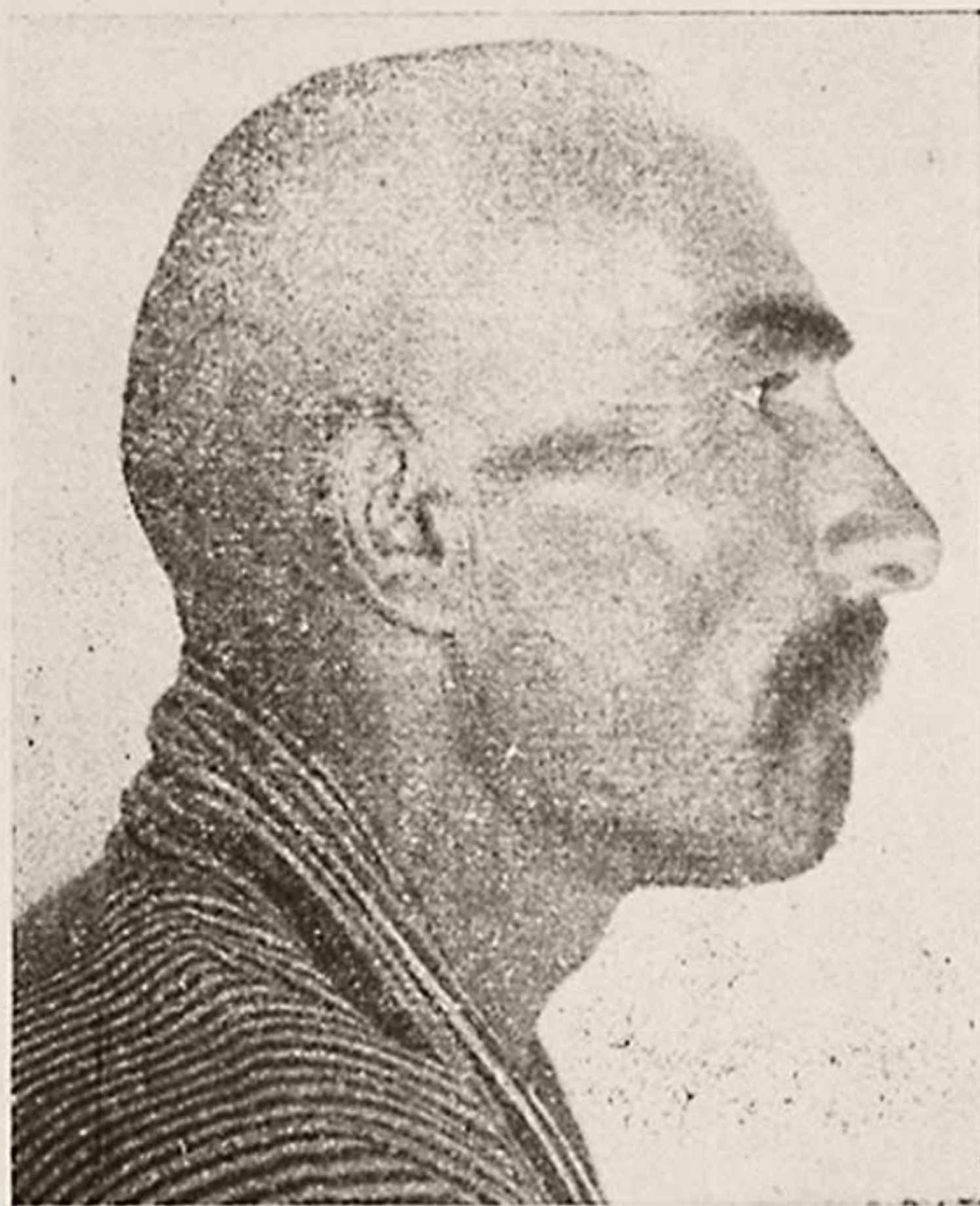

Фото 18 и 19. Европейский тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

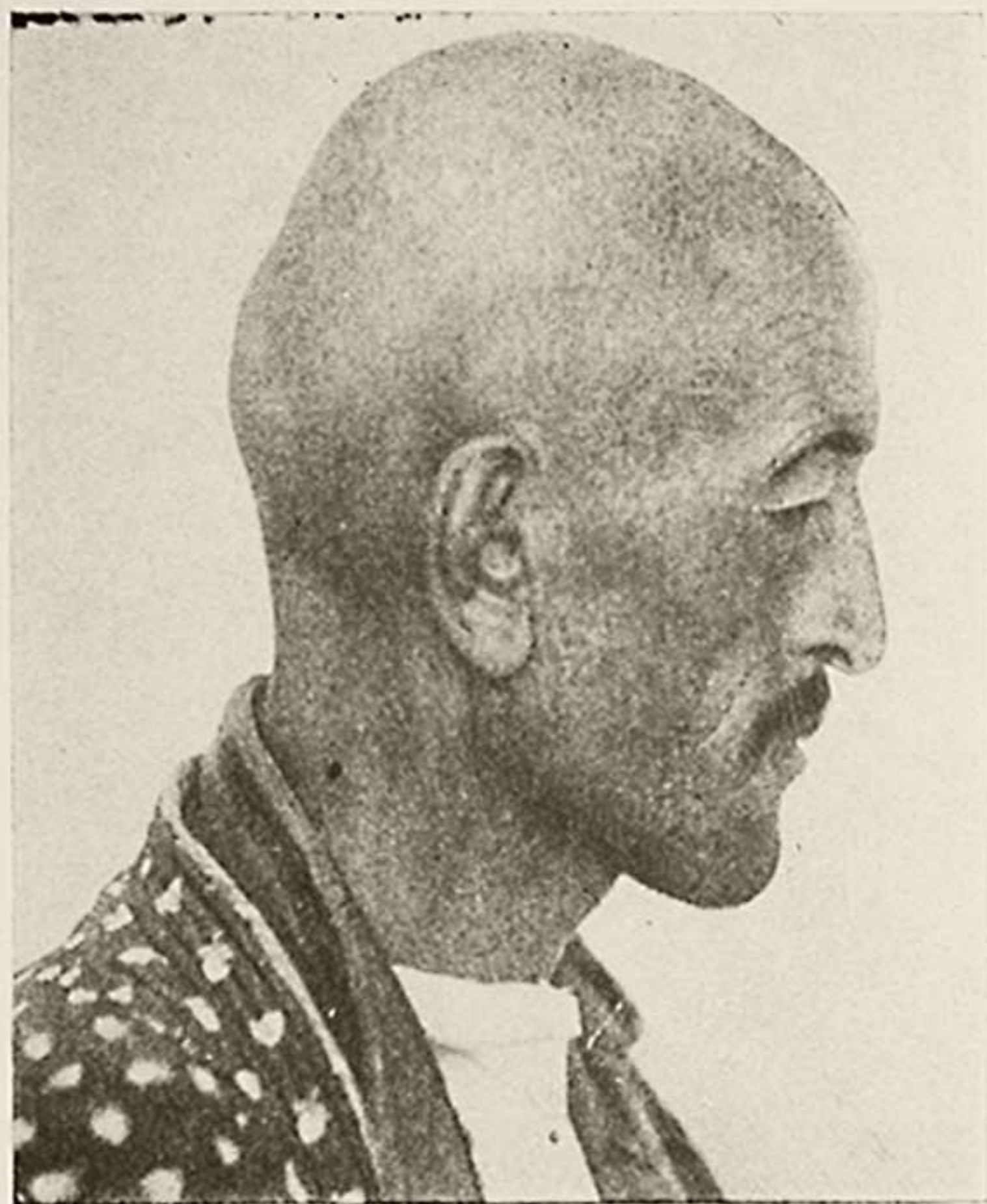

Фото 20 и 21. Тип европеоидный Междуречья, но корень (3) и крылья (3) носа выше, чем обычно.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

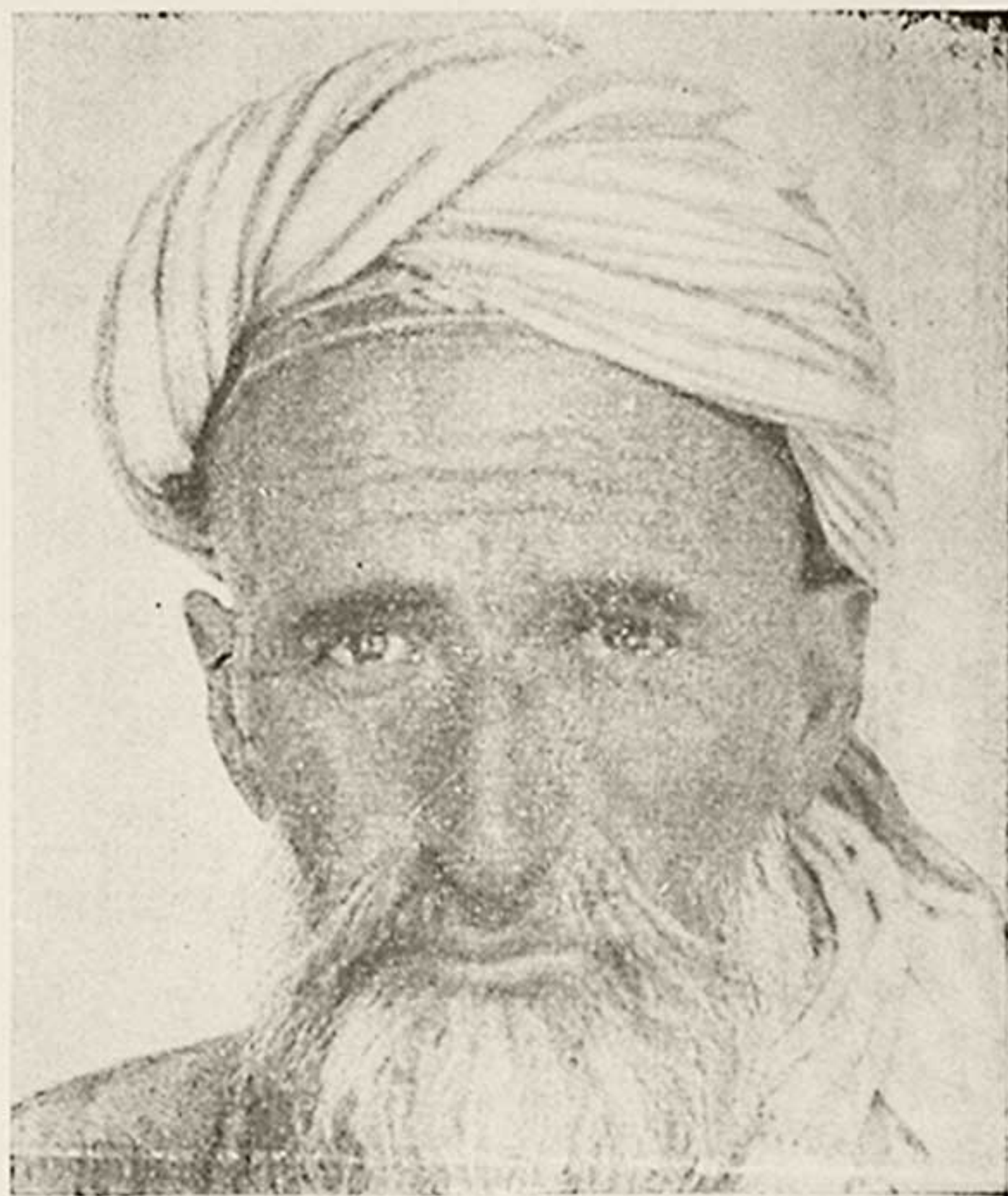

Фото 22 и 23. Тип европеоидный Междуречья, но корень (з) и крылья (з) носа выше, чем обычно.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

Ягнобец кишлака Науметкан на Ягноб-Дарье

Фото 24 и 25. Тип европеоидный Междуречья, но корень (3) и крылья (3) выше, чем обычно.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

Ягнобец кишлака Науметкан на Ягноб-Дарье

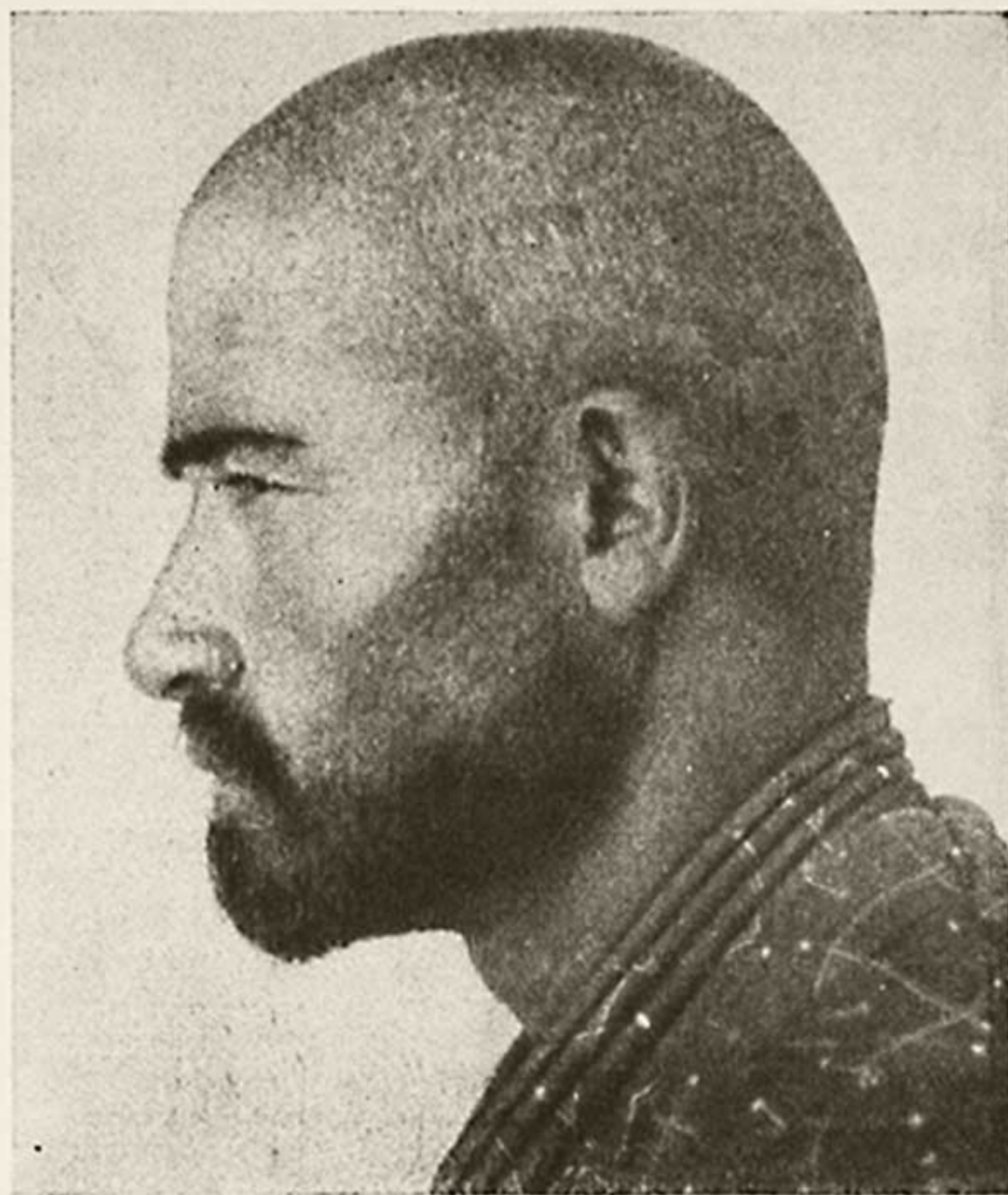

Фото 26 и 27. Обычный европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

Ягноб-кишлака Науметкан на Ягноб-Дарье.

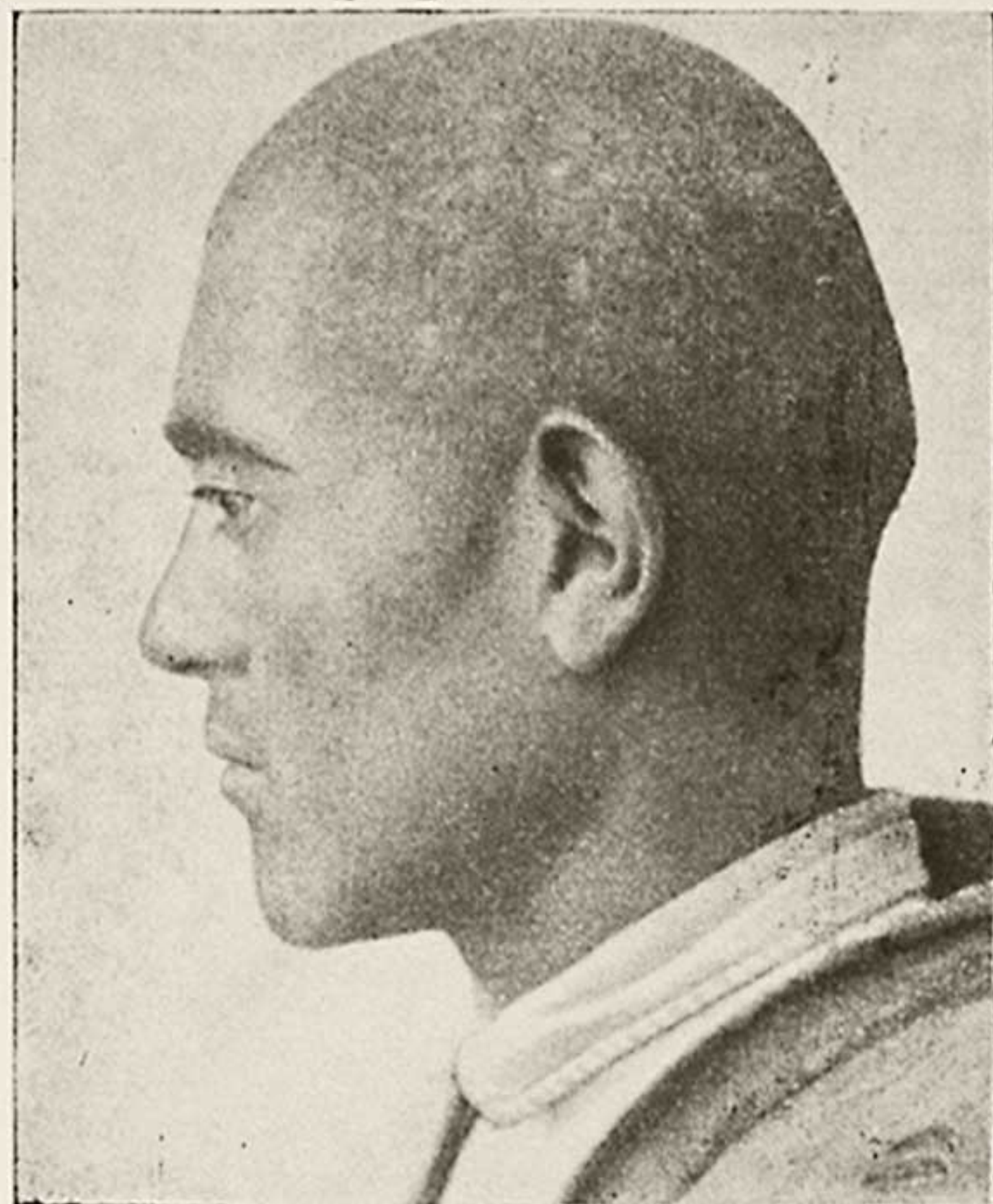

Фото 28 и 29. Обычный европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Ягнобской антропол. экспедиции, 1936 г.

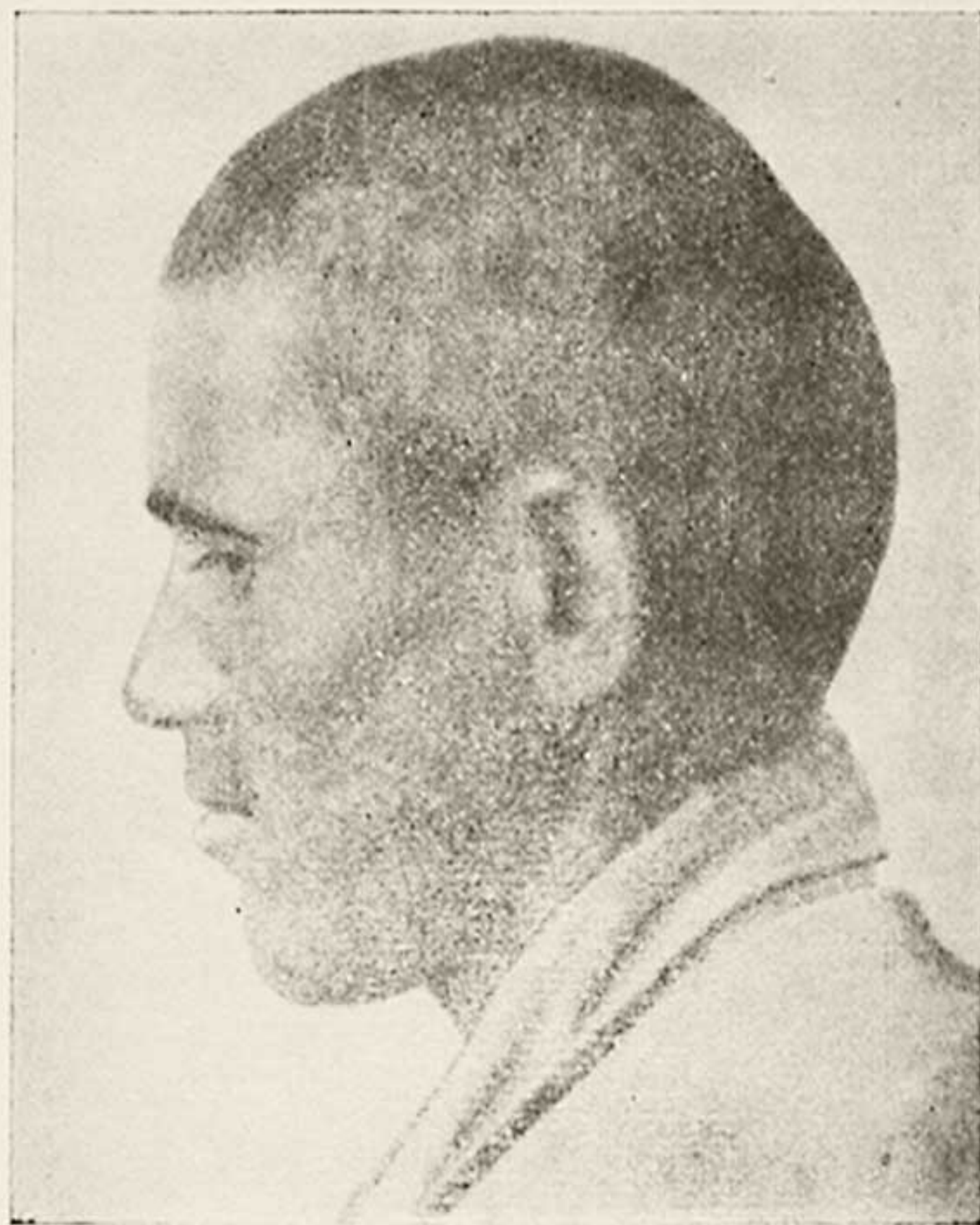

Фото 30 и 31. Обычный европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

Ягнобцы кишлака Науметкан на Ягноб-Дарье

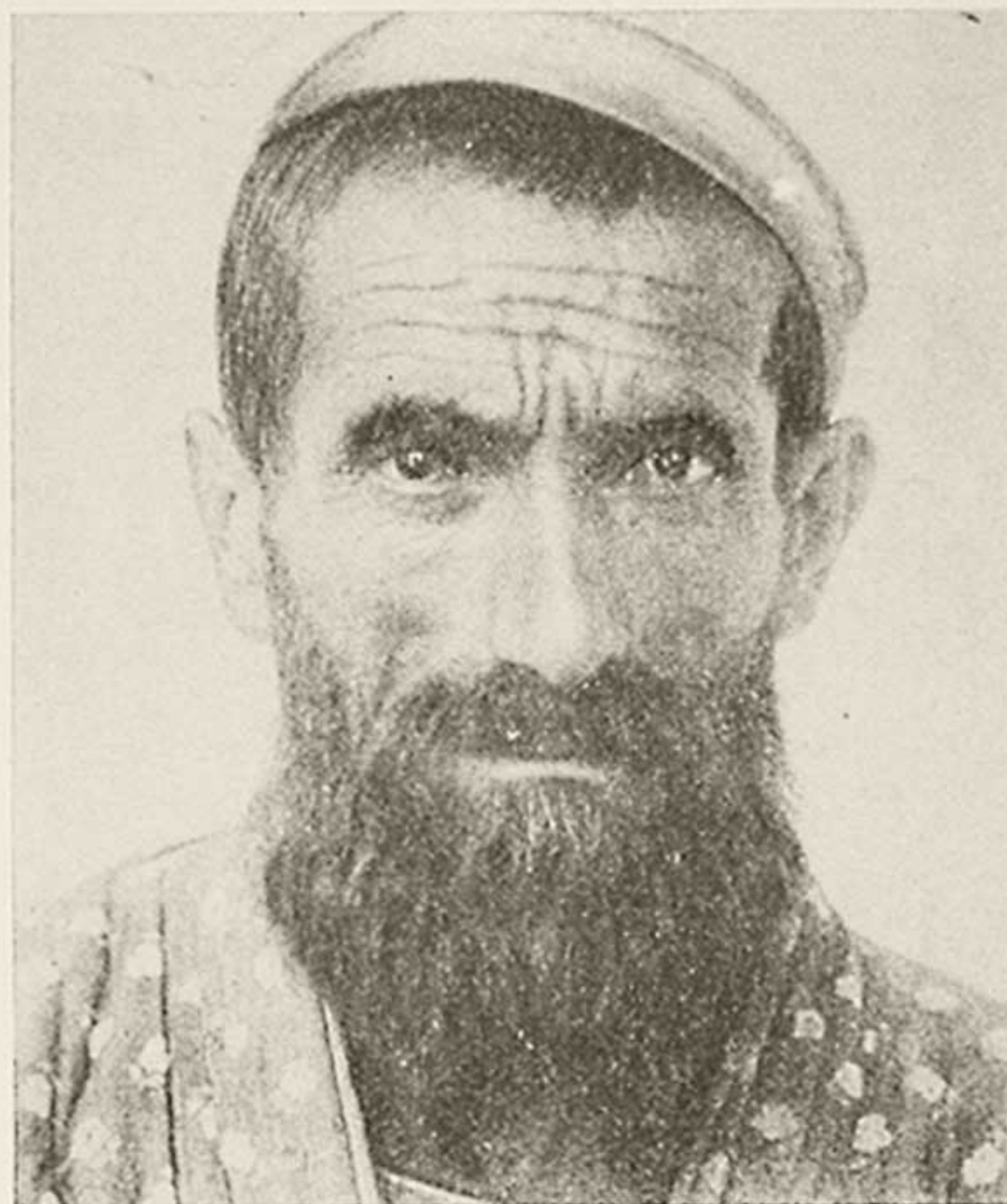
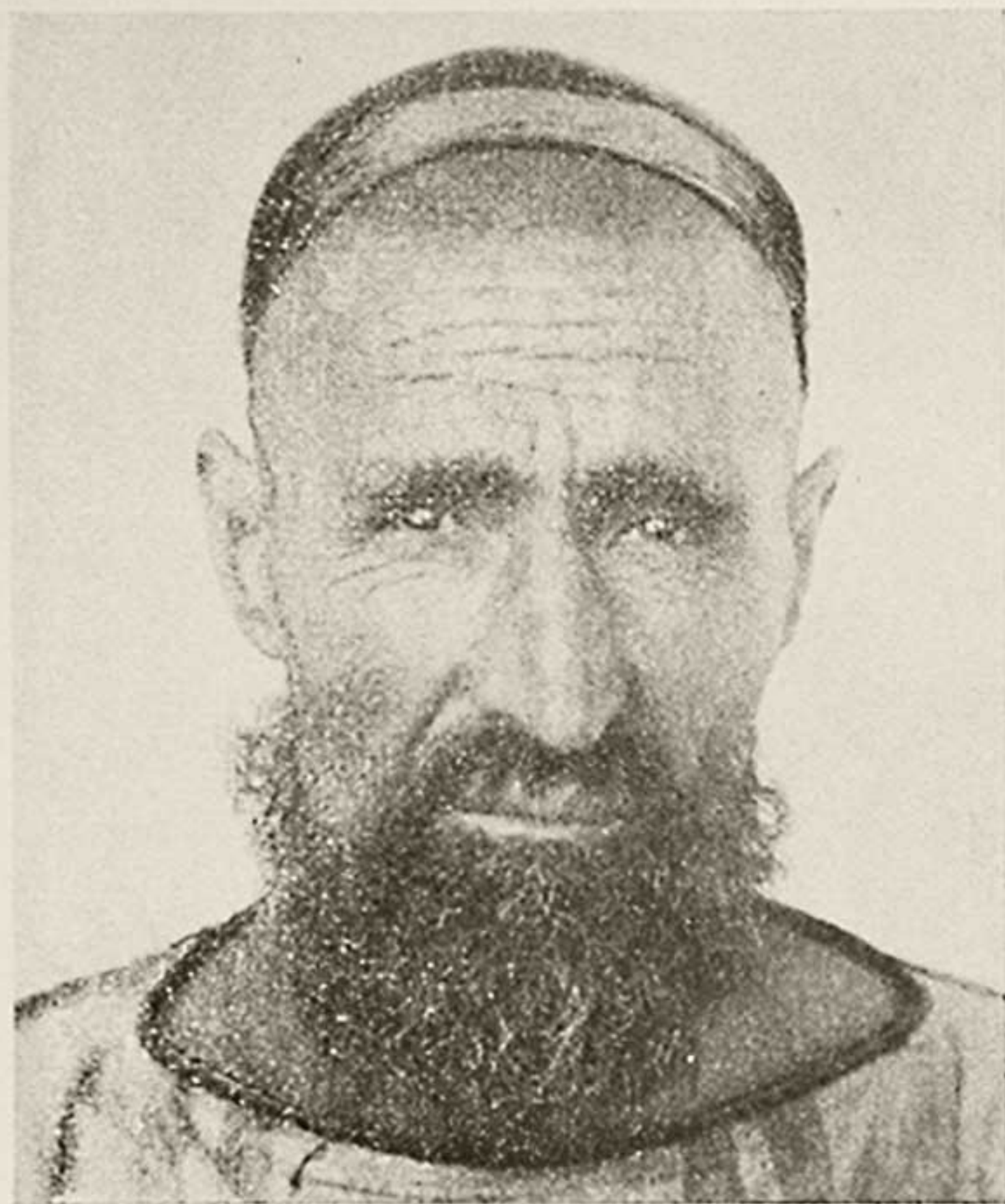

Фото 32 и 33. Европейский тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Ягнобской антрополог. экспедиции, 1936 г.

Мальчики—ягнобцы кишлака Науметкан на Ягноб-Дарье

Фото 34. Фото ягнобской антропол. экспедиции, 1936 г. Хорошо выраженный тип европеоидной расы Среднеазиатского междуречья.

Иранские племена 3. Памира. Шугнанец

Фото 35 и 36. Европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Памирской антрополог. экспедиции, 1935 г.

Фото 37 и 38. Европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Памирской антрополог. экспедиции, 1935 г.

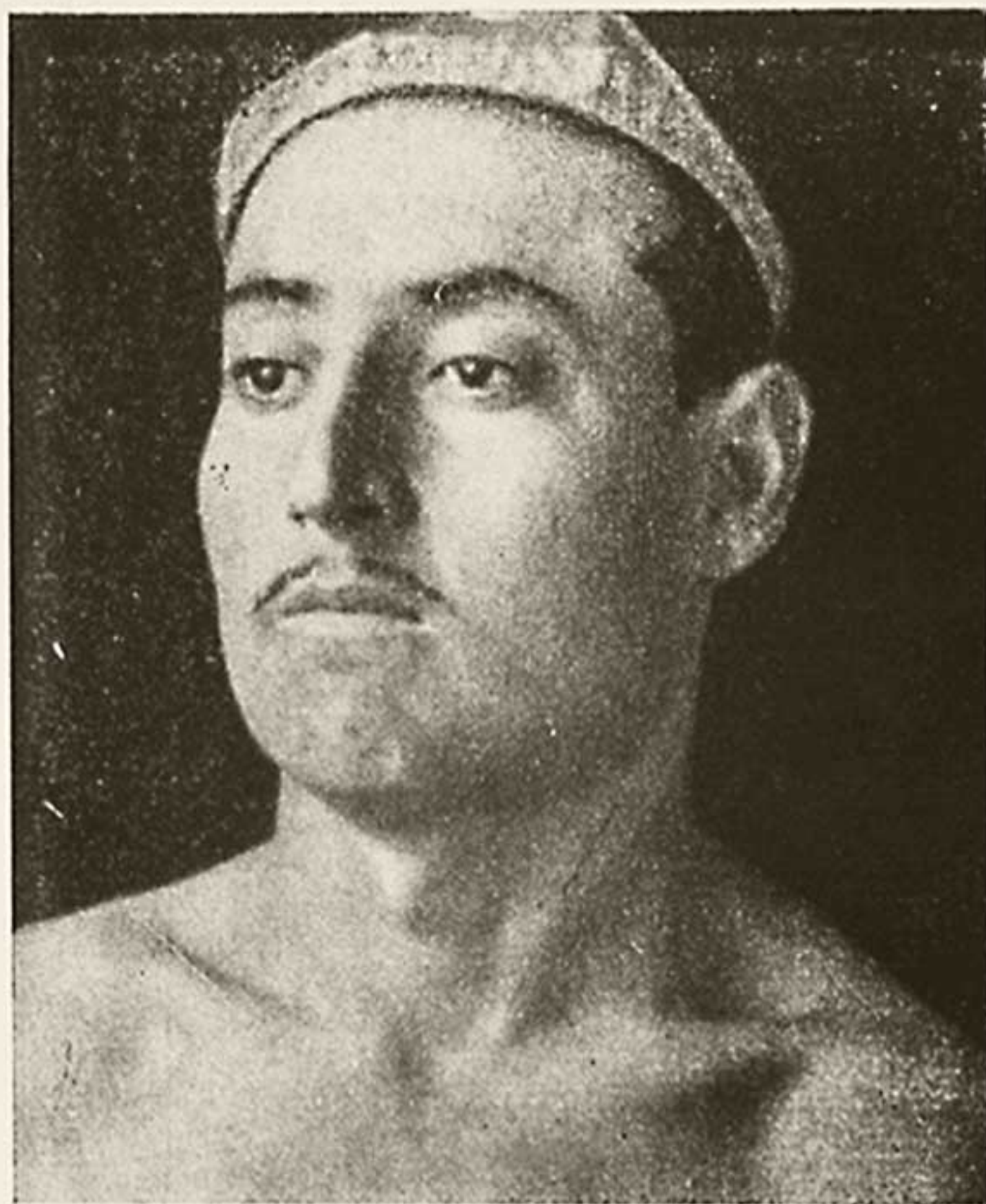

☆ Фото 39 и 40. Памирские варианты европеоидной расы Среднеазиатского междуречья.

Фото Памирской антрополог. экспедиции, 1935 г.

Фото 41 и 42. Памирские варианты европеоидной расы Среднеазиатского междуречья.

✱

Фото 46 и 47. Европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Л. В. Ошанина, 1925 г.

Фото 48 и 49. Европеоидный тип Среднеазиатского междуречья.

Фото Л. В. Ошанина, 1925 г.

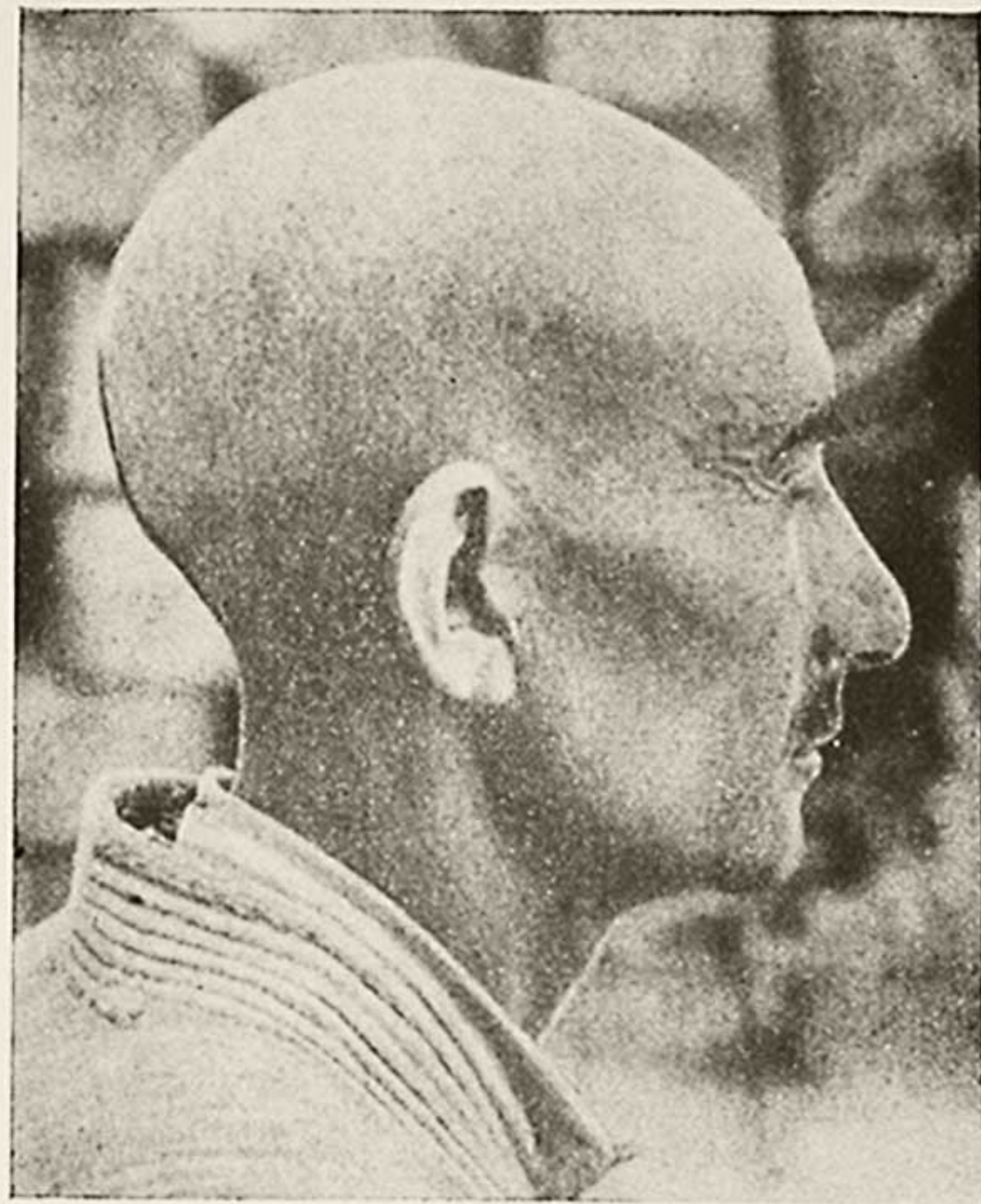
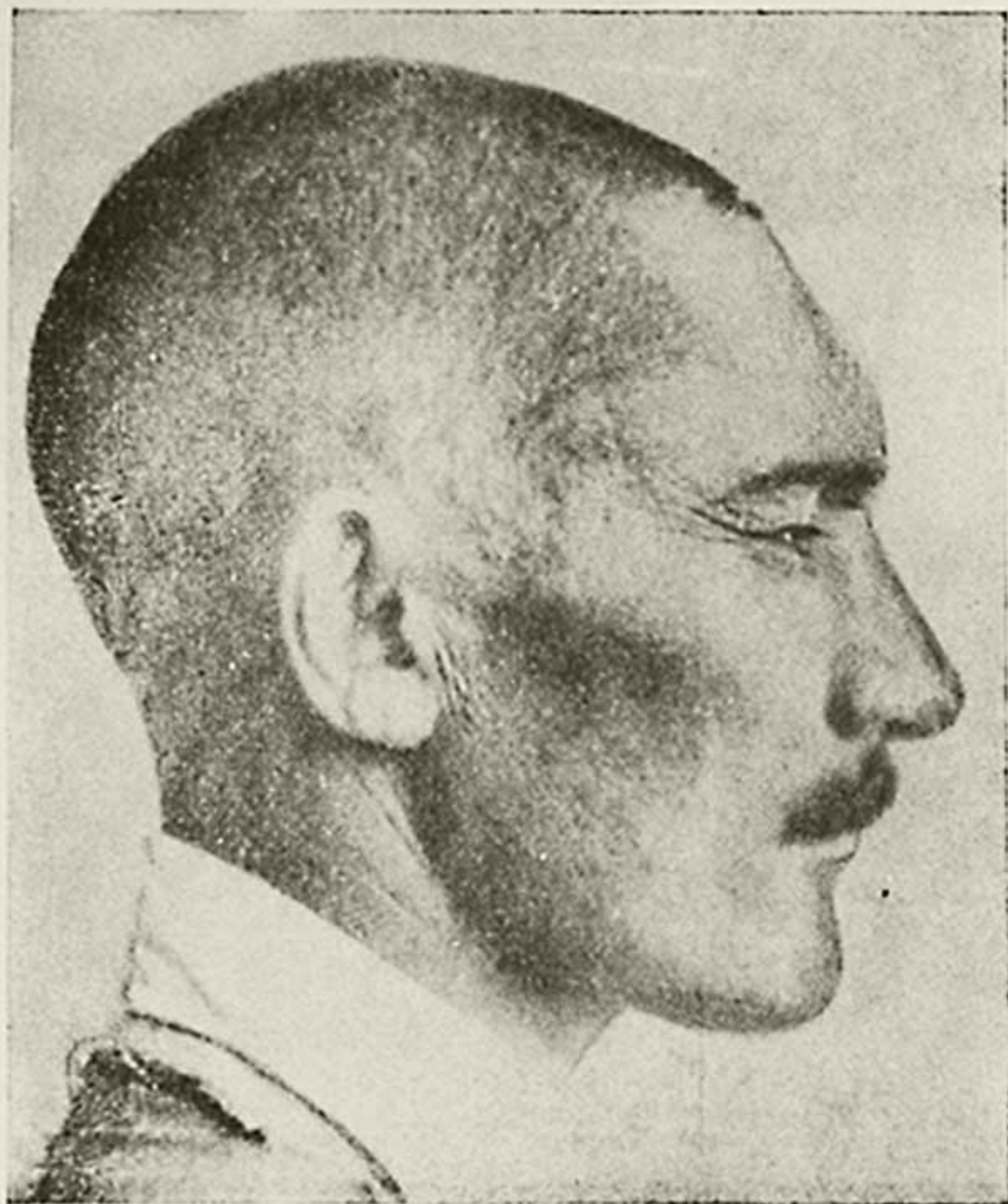

Фото 50 и 51. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип. Долихоцефалия без деформации.

Фото Л. В. Ошанина, 1929 г.

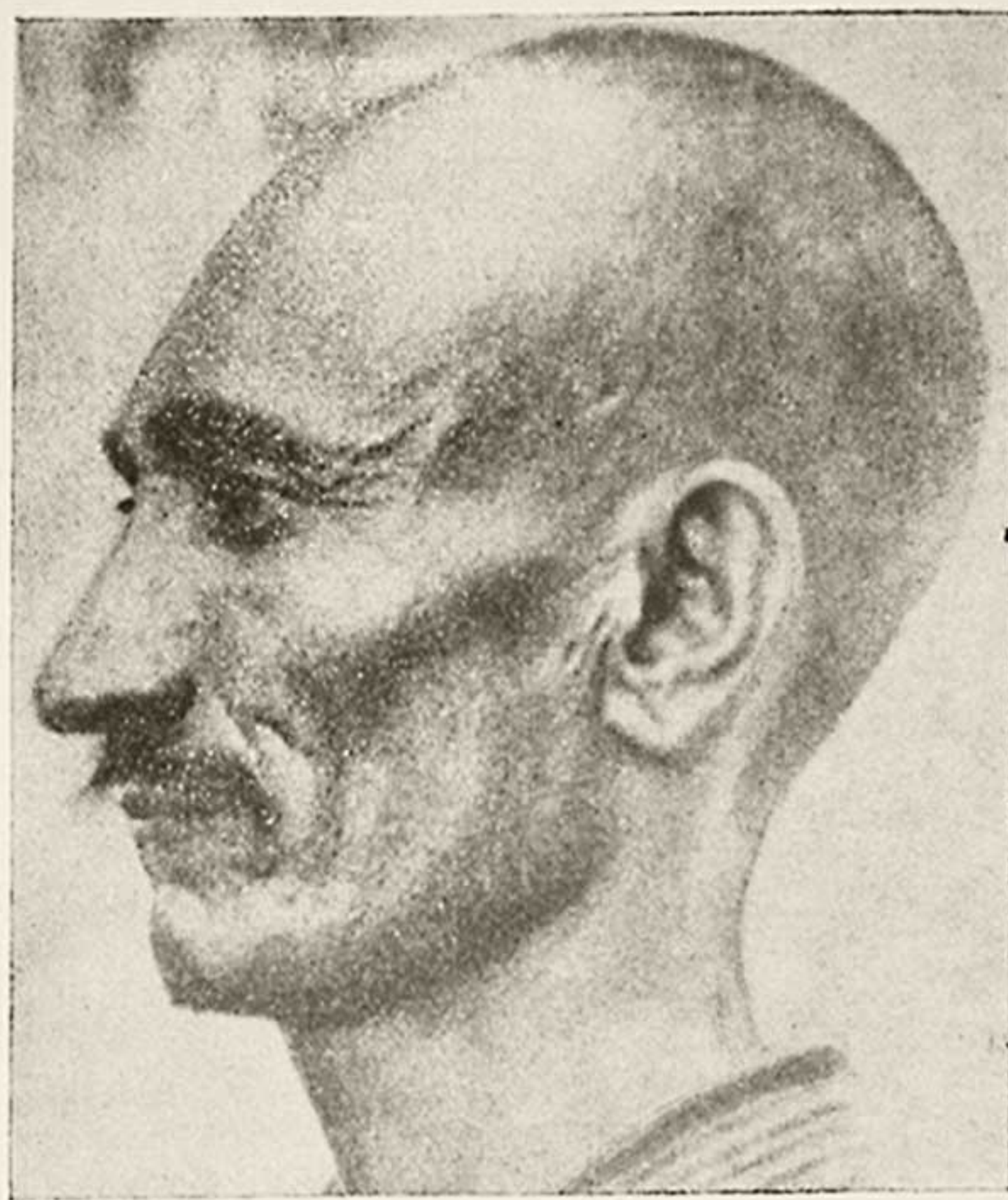

Фото 52 и 53. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип. Справа—гипердолихоцефалия, вероятно, деформация.

Фото Л. В. Ошанина, 1929 г.

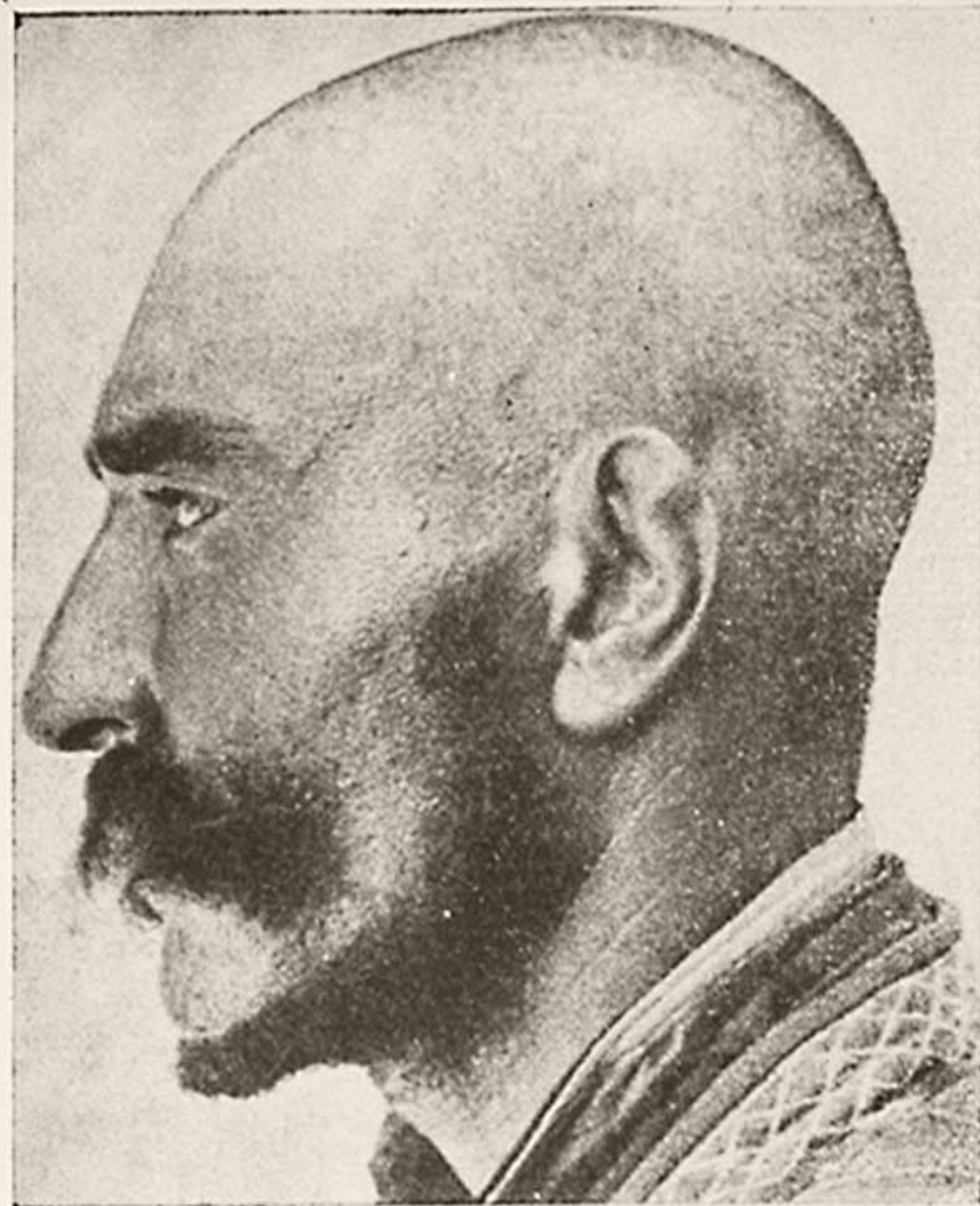

Фото 54 и 55. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип. Долихоцефалия без деформации.

Фото Л. В. Ошанина, 1929 г.

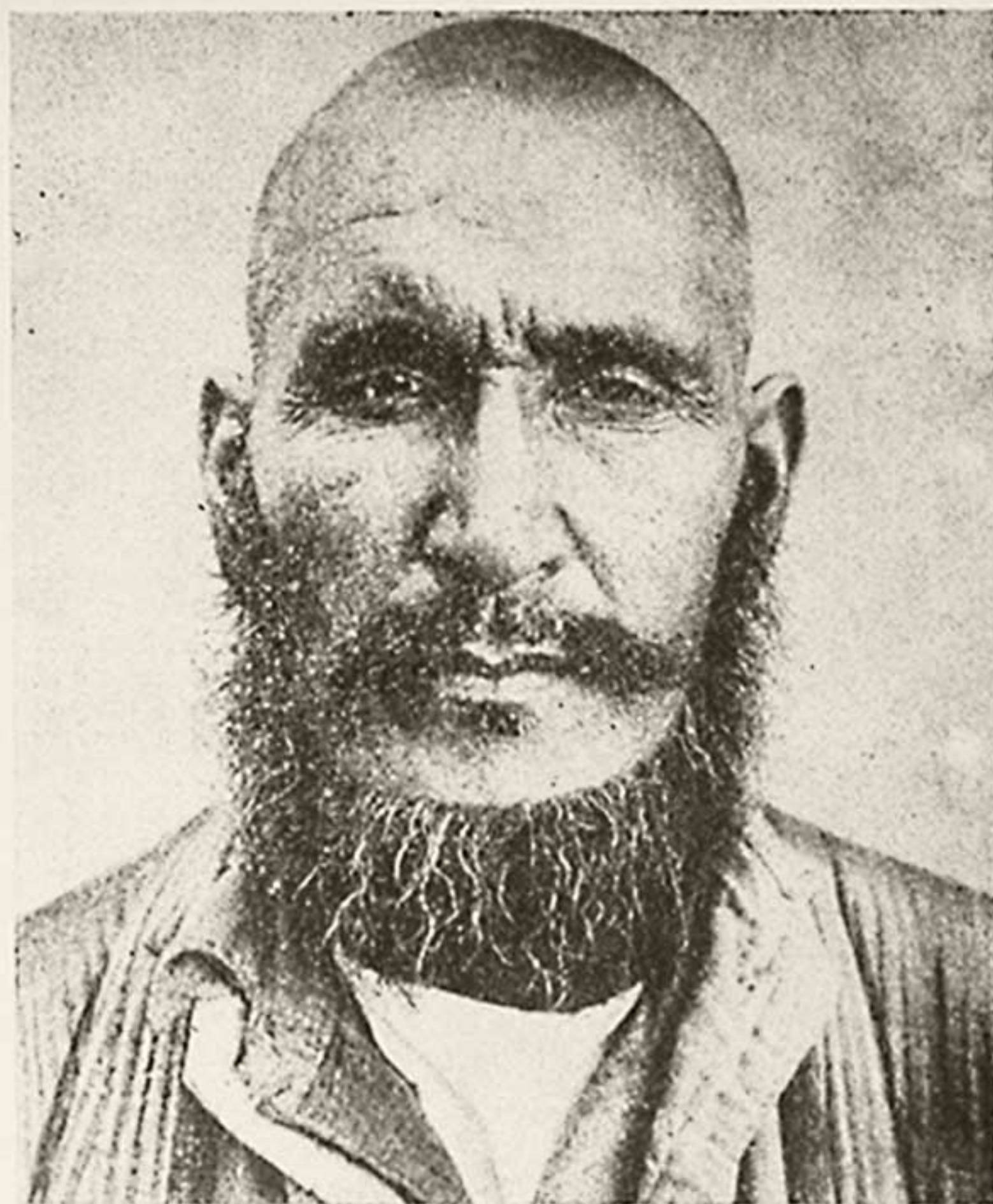

Фото 56 и 57. Тип европеидный. Мезоцефалия.

Фото Л. В. Ошанина, 1929 г.

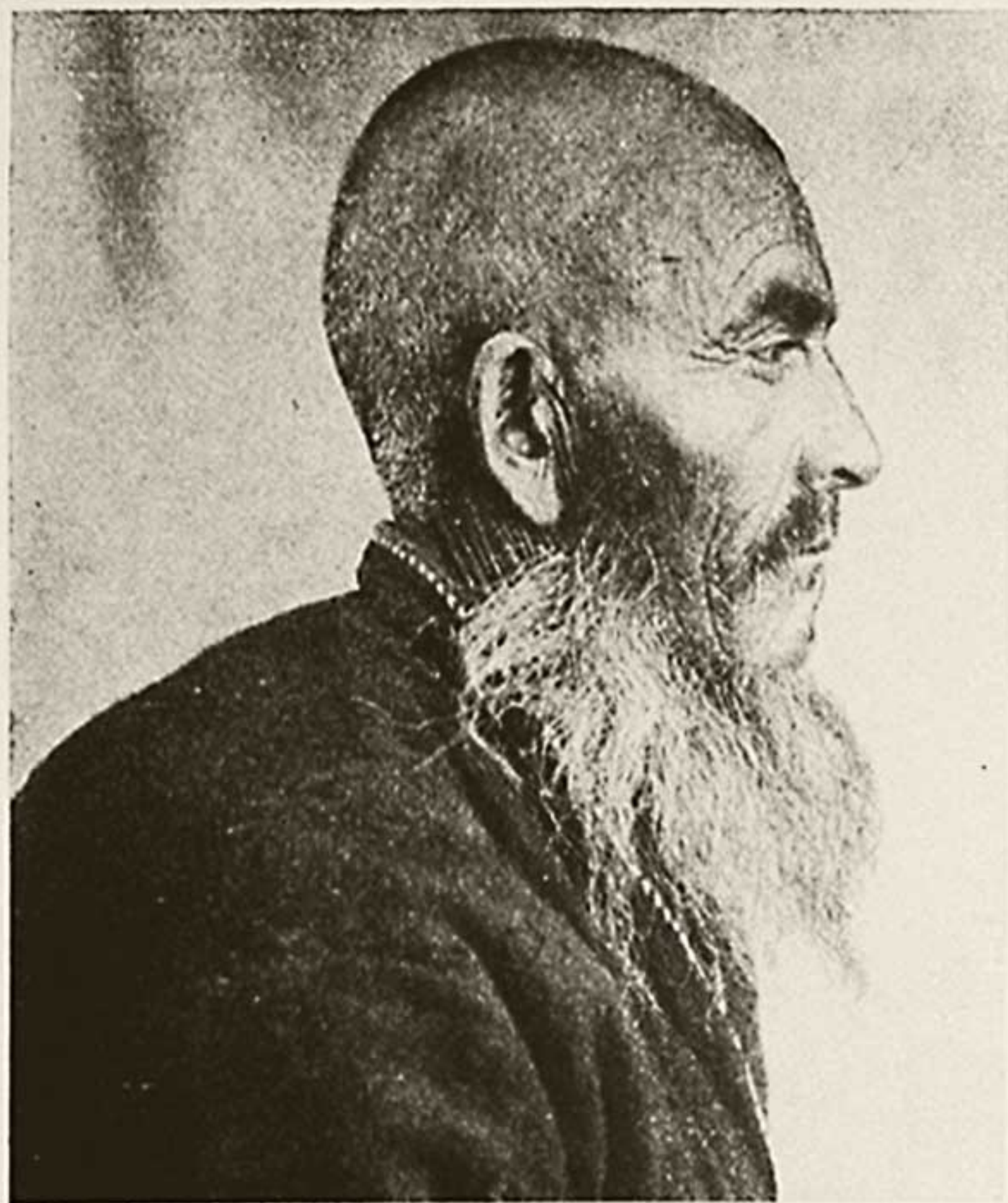

Фото 58 и 59. Тип европеоидный, слабо монголизованный, брахицефальный.

Фото Л. В. Ошанина, 1929 г.

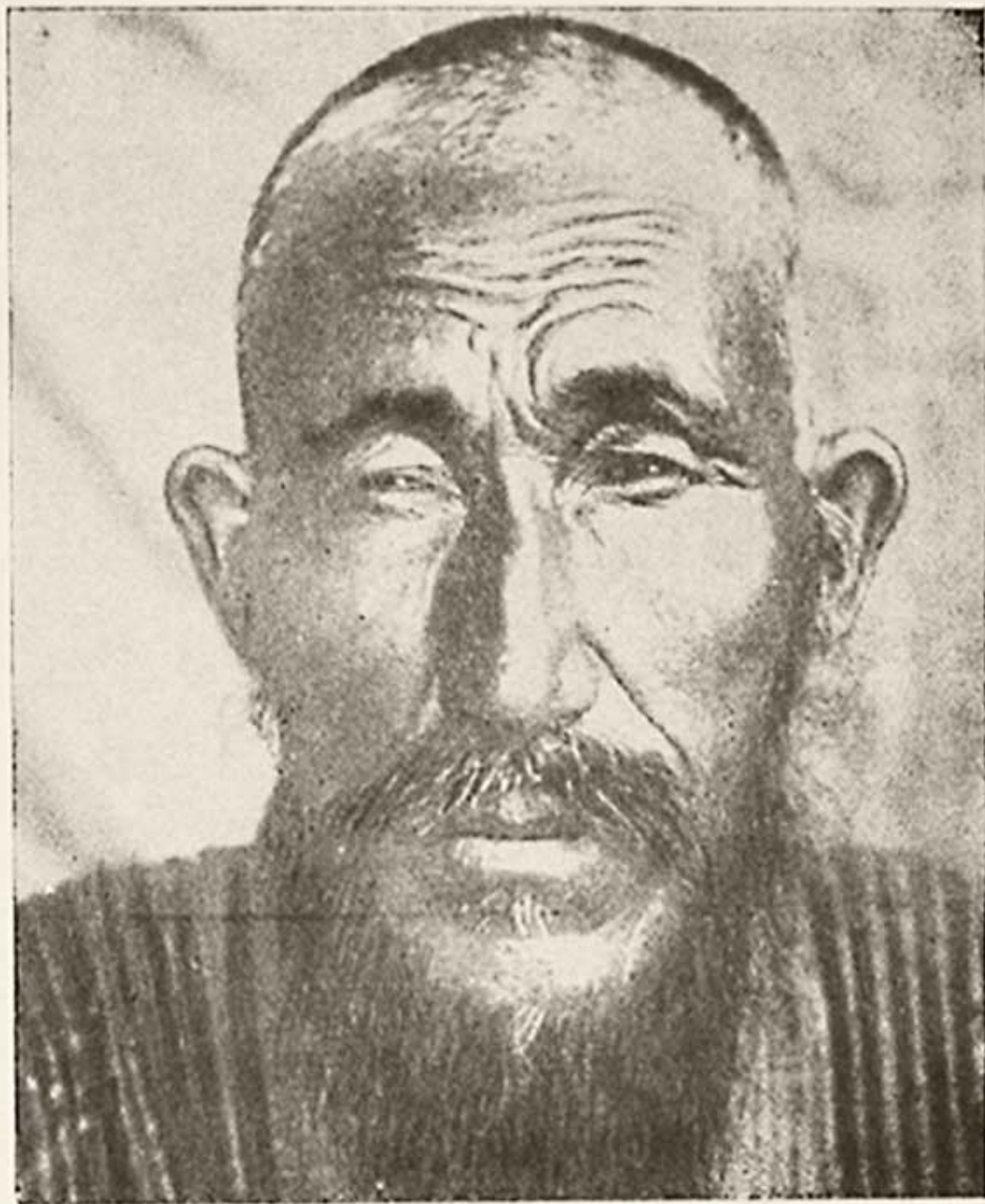

Фото 60 и 61. Слегка монголизированный европейский тип. Долихоцефалия.

Фото Л. В. Ошанина, 1929 г.

Фото 62 и 63. Тип монголизованный.

Фото Л. В. Ошанина, 1929 г.

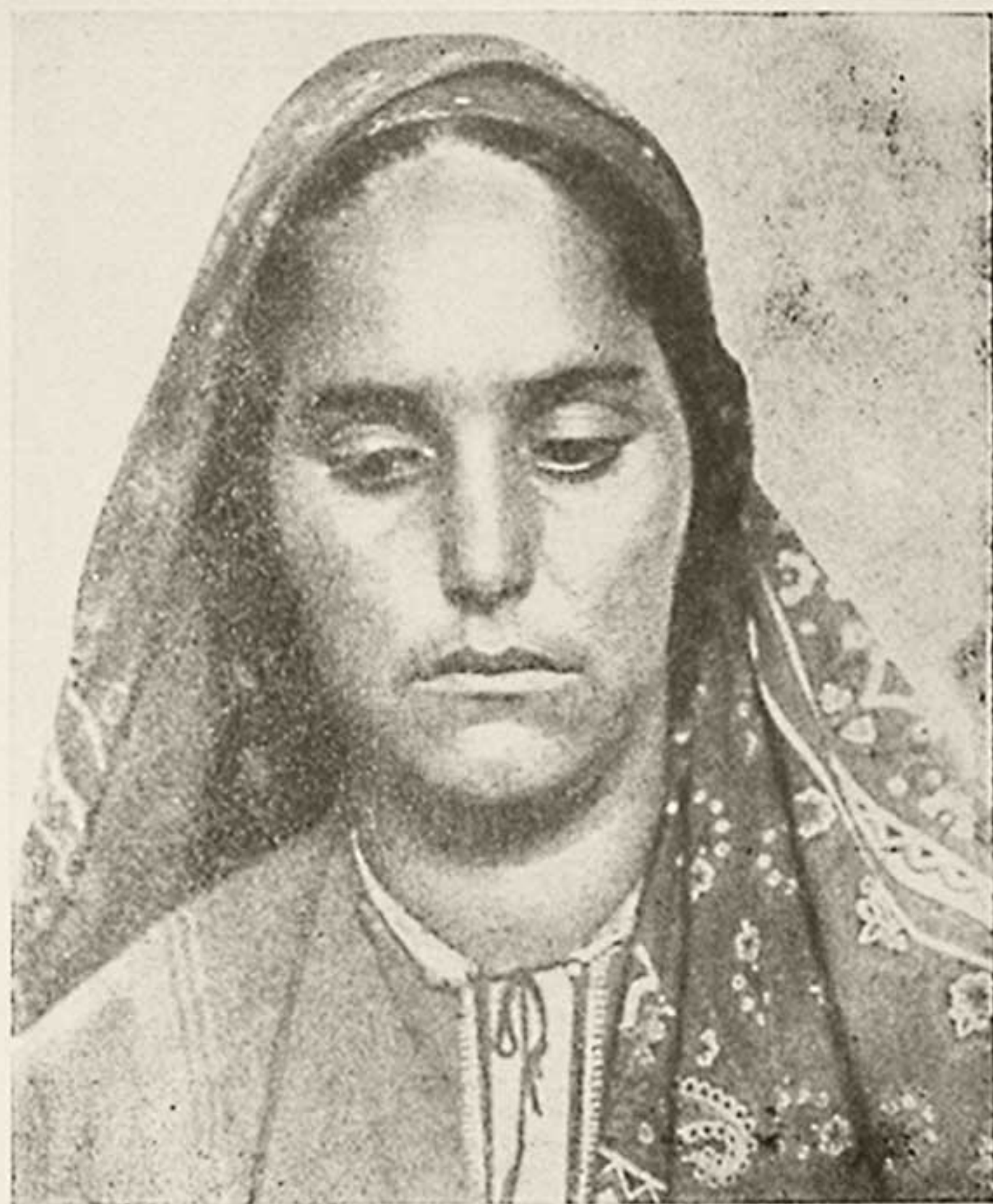

Фото 61 и 65. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип.

Фото В. К. Ясевича, 1929 г.

Фото 66 и 67. Слева—тип европеоидный, справа—монголоидный.

Фото В. К. Ясевича, 1929 г.

Фото 68 и 69. Слева—хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип, справа—тип монголоидный.

Фото В. К. Ясевича, 1929 г.

ОШАНИН
Лев Васильевич

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ
НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И ЭТНОГЕНЕЗ ЕЕ НАРОДОВ

Редактор издательства *Н. Самсонова*
Техн. редактор *А. Овасапян*
Контр. корр. *Р. Мальцева, Л. Гурьева*

Р 00135

Заказ 217

Тираж 600

Сдано в производство 22/VI 1958 г. Подписано к печати 27/V 1959 г.
Бумага 70×108¹/₁₆. Физич. печ. л. 12,25+44 вкл.=21,92 усл. л. Уч.-изд. л. 15,5.

Цена 12 р. 20 к.

Типография Издательства Ереванского государственного университета,
Ереван, ул. Кирова, 12.

12 р. 20 к.